

БАЛТИЙСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ им. ИММАНУИЛА КАНТА
ИНСТИТУТ КАНТА

КАНТОВСКИЙ ПРОЕКТ ВЕЧНОГО МИРА
В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОЙ ПОЛИТИКИ

20—22 апреля 2012 г.

Калининград

Материалы международного семинара

Издательство
Балтийского федерального университета им. И. Канта
2013

УДК 1(91):355.01(082)

ББК 87.3я43

К198

Редакционная коллегия

Л. А. Калининников, д-р филос. наук, проф. (БФУ им. И. Канта)

А. Н. Саликов, канд. филос. наук (БФУ им. И. Канта)

В. А. Чалый, канд. филос. наук (БФУ им. И. Канта)

А. С. Зильбер (БФУ им. И. Канта)

А. Г. Пушкарский (БФУ им. И. Канта)

Семинар проведен при финансовой поддержке

Фонда Фридриха Науманна

и БФУ им. И. Канта

Печатается на средства научно-образовательного центра

«Концепция роста рациональности мышления и деятельности

в современном российском обществе на основе достижений

западноевропейской и российской науки»

в рамках федеральной целевой программы

«Научные и научно-педагогические кадры инновационной России»

на 2009—2013 годы

К198 **Кантовский проект вечного мира в контексте современной политики** : матер. междунар. семинара /

под ред. А. С. Зильбера, А. Н. Саликова. — Калининград : Изд-во БФУ им. И. Канта, 2013. — 197 с.

ISBN 978-5-9971-0287-6

Представлены статьи, подготовленные по материалам докладов,

прозвучавших на международной конференции «Кантовский проект вечного мира в контексте современной политики»

(Калининград, 20—22 апреля 2012 г.).

УДК 1(91):355.01(082)

ББК 87.3я43

ISBN 978-5-9971-0287-6

© Институт Канта, 2013

© БФУ им. И. Канта, 2013

**ИСТОРИЧЕСКИЕ
И ФИЛОСОФСКИЕ ОСНОВАНИЯ
МИРНОГО ПРОЕКТА**

Ссылки на сочинения Канта приводятся в виде (Кант, 1966, с. 286) или (Кант, 1966, с. 286; АА, VIII, S. 343), где указываются год издания работы, том (если есть) и страница (в каком издании — см. в каждом конкретном списке литературы). После точки с запятой даны номер тома и страница в академическом издании: *Kant I. Gesammelte Schriften (Akademie-Ausgabe)*. Berlin, 1900ff.

Л. А. Калинин

Философия истории Канта и идея всемирного федеративного союза народов

1. Система Канта уникальна: она строится как средство для достижения практически поставленной цели — высшего блага, которую Кант называет состоянием *царства целей* (Кант, 1965, с. 275; АА, IV, S. 433). Великий философ совершает революцию в философии (помимо всех его *коперниканских* революций), на которую обычно не обращают внимания историки философии и которая заключается в *рациональности* системы, то есть направленности на эффективную практическую осуществимость: философский идеал может и должен воплощаться в жизнь. Рациональность — это свойство деятельности (в том числе, конечно, и мыслительной), состоящее в ее максимально эффективной (результативной) осуществимости. Кант видит свою задачу не в объяснении мира, а в создании, сотворении мира, соответствующего идеалу разума — высшего блага. Знаменитый тезис К. Маркса, завершающий его критические претензии к Л. Фейербаху (Маркс, 1967, с. 4), явно относится к кантианству: насколько же он касается марксизма — это вопрос. Этим система Канта существенно превосходит и предшествующую, и последующую философию.

Система Канта состоит из двух взаимосвязанных уровней: внешнего и внутреннего. Обычно ограничиваются анализом первого уровня, второй же рассматривается как сугубо периферический. Однако это далеко не так. Внутренний уровень — это Кантова философия истории, призванная привести «наш род постепенно от низшей степени животности к высшей сте-

пени — человечности» (Кант, 1966, с. 17; АА, VIII, S. 25). Этот уровень несет в себе подлинную цель всей системы. Внешний же уровень разрабатывает систему средств для достижения этой цели. Его задача — дать ответ на вопрос, каким должен быть человек, каким должно быть его мировоззрение, чтобы он мог обеспечить достижение идеала — *царства целей*. Его знаменитые вопросы из «Канона чистого разума» (Кант, 1964, с. 654; АА, III, S. 517) — это вопросы не столько спекулятивные, сколько практические, ориентированные на философию истории, хотя эта практическая ориентация в них Кантом и редуцирована. В полном виде эта практическая значимость должна быть сформулирована следующим образом:

1. Что я могу знать — для этого?
2. Что я должен делать — для этого?
3. На что я смею надеяться — ради этого?

Этот совершенно нетрадиционный взгляд, который я начал развивать еще в 1978 году (Калинников, 1978), встречал и встречает резкие возражения. Например, Ханна Арендт, оценивая корпус философско-исторических и политических текстов, пишет, что ни в коем случае их «по качеству и глубине не следует сравнивать с другими работами Канта. ...Кант сам называл некоторые из этих сочинений «игрой с идеями», «просто увеселительной прогулкой». А иронический тон в «Вечном мире» — наиболее значимом тексте среди такого рода работ — отчетливо показывает, что сам Кант не принимал эти сочинения всерьез» (Арендт, 2009, с. 125—126). Однако, на мой взгляд, это несколько не снижает их колоссальной значимости, а говорит только о полном душевном здоровье философа, способного трезво смотреть на вещи и смеяться над своими «бреднями». Философ истории просто не может не быть ироником, ибо реальный эмпирический мир, окружающий его, столь далек от провозглашаемых им идеалов исторического будущего, реальное поведение людей, как кажется, так далеко расходится с категорическими императивами морали, что для *common sense*, так называемого *трезвого* ума, или *здорового* рассудка, кажется настоящей *утопией*, если не бре-

дом сумасшедшего. Философия истории немислима без иронии, если философ истории хочет посмеяться над комической ролью *пророка*, которой в его профессии не избежать.

2. Идеи Канта по вопросам философии истории, как представленные специальными текстами, так и разбросанные во всех других, представляют собой органическое единство, достигающее до стилистического. Трактаты Канта «Идея всеобщей истории во всемирно-гражданском плане» (1784) и «К вечному миру» (1795) разделяют более чем десять лет, в течение которых было завершено изложение системы критической философии, но они находятся в теснейшей идейно-тематической связи настолько, что второй из трактатов можно считать прямым продолжением и дополнением первого. Даже заканчивается первый тем же ироническим замечанием, которым начинается второй трактат: когда смотришь на поступки людей, от которых зависят судьбы мира, пишет Кант, то на «разумную цель» истории «можно надеяться только в загробном мире» (Кант, 1966, с. 23; АА, VIII, S. 30), как и «вечный мир» возможен только на всеобщем кладбище.

Философия истории рассматривается Кантом как процесс непреложно действующих а priori установленных законов истории, результатом которого будет достижение исторического идеала — «царства целей». Процесс этот включает два этапа.

1. От единства человеческого рода (моноцентрическая идея происхождения человечества, подтверждаемая единой генотипической природой всех людей любых рас и национальностей) через его дробление на расы, племена, народы и нации (пока не приобрел практический разум своей структурной ясности и отчетливости, и задатки *животности* не были подчинены задаткам *человечности* и *личности*).

2. К новому единству — всемирному федеративному союзу народов и государств как лону, в котором созреет *царство целей*.

Кант исходит из того, что родившаяся благодаря практическому разуму система призвана использовать все возможности практического разума, что приведет ее к конечному совершенному состоянию: начало системы определяет ее конец!

Телеологическая система, приобретшая определенную автономию по отношению к окружающей среде, развивается под действием автономных законов, которые и являются системообразующими. Человеческое общество и есть такая система, элементами которой выступают люди, объединенные именно разумно-практическими связями. Изначальная животная необщительность становится *необщительной общительностью*, где общительность подчиняет себе необщительность. Необщительность призвана теперь служить общительности как свойству, рождающему новое состояние мира, выводящее природу за ее прежние пределы. Над собственно природой надстраивается новый уровень — природа оразумленная, то есть не подчиняющаяся полностью действиям среды, а подчиняющая среду своим потребностям.

Общество как система автономно-гетерономная развивается под действием практического разума в направлении возрастания автономности. Мораль в системе нравов как конечная цель этой системы все более уподобляет себе право, включая государственное, становящееся республиканско-демократическим, а это приводит к моральности проводимой государством политики, в том числе и международной. Кант развивает мысль о взаимозависимости внешней и внутренней политики государств. Заключительный этап на этом пути — всемирный федеративный союз народов и государств. Первоначально могут быть объединены в союз не все, а некоторые государства, но к этому союзу будут присоединяться постепенно другие аналогичные союзы и отдельные государства. Всемирный федеративный союз государств неизбежен, если человечество не желает закончить свое существование всеобщим кладбищем. Именно в условиях такого союза человеческая культура будет развиваться в направлении достижения *царства целей*. В нем обеспечивается космополитическое единство средств для реализации творчески поставленных целей в рамках любой из национальных культур в интересах всего космополитического сообщества.

Стоит посмотреть на историю во *всемирно-гражданском плане*, как мы увидим, что история «консультируется» у Канта.

Список литературы

Арендт Х. О политической философии Канта : курс лекций. Лекция 1 / пер. А. Н. Саликов // Кантовский сборник. 2009. № 1 (29).

Калинников Л. А. Проблемы философии истории в системе Канта. Л., 1978.

Кант И. Идея всеобщей истории во всемирно-гражданском плане // Соч. : в 6 т. М., 1966. Т. 6.

Кант И. Критика чистого разума // Там же. 1964. Т. 3.

Кант И. Основы метафизики нравственности // Там же. 1965. Т. 4, ч. 1.

Маркс К. Тезисы о Фейербахе // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. : в 39 т. М., 1955—1966. Т. 3.

Об авторе

Леонард Александрович Калинин — доктор философских наук, профессор кафедры философии, директор Института Канта Балтийского федерального университета им. И. Канта, e-mail: kant@kantiana.ru

Й. Краузе

Кант vs теория демократической войны: от Просвещения до современности¹

Трактат Канта «К вечному миру» сегодня входит в число самых известных и наиболее часто цитируемых сочинений Иммануила Канта. Оно считается одним из важнейших политико-философских сочинений великого кёнигсбергского фи-

© Краузе Й., 2013

© Копцев И. Д., Зильбер А. С., перевод, 2013

¹ Сокращенная версия статьи «Кант и его время — трактат "К вечному миру" на фоне Французской революции и последующих войн», опубликованной в журнале «Кантовский сборник» (2013. № 1 (43)).

лософа. Кант воплотил в этом сочинении свои мысли о философии и этике в более или менее конкретных рекомендациях. Однако этот трактат Канта долгое время находился в тени и считался опровергнутым. И лишь в 80—90-х годах XX столетия возобновилась оживленная дискуссия вокруг этого сочинения, которая была инициирована статьей американского политолога Майкла Дойла (Doyle, 1983, 1986), а также 200-летней годовщиной первой публикации этого сочинения.

Кант изображается многими авторами как первый и важнейший из философов, затронувших тему мира. При этом он выставляется в такой степени героем, которая ему лично, скорее всего, была бы неприятна. Типичным в этом смысле может служить следующее изречение Гайсмана: «Стоя на высоких плечах Гоббса и Руссо, обозревал поборник права Кант необозримую страну свободы и мира, ясные контуры которой, едва обозначившись, исчезли в тумане мировоззрений 19-го столетия» (Geismann, 1982, S. 189).

Это возвеличивание сопровождается, как правило, попыткой использовать Канта в качестве главного свидетеля для аргументов в сегодняшних дискуссиях. К нему часто апеллируют как к *первому борцу за международное право*, и в таком качестве «на него претендуют» самые разные «школы» политической науки. Другие видят в нем прежде всего первого *теоретика демократического мира*. Все эти предвзятые характеристики были бы ему, наверное, не по душе. Трактат «К вечному миру» повествует не только о международном праве и демократическом мире — в нем рассматриваются оба аспекта и содержится попытка истолковать их именно как комбинацию обеих идей.

Тенденция к возвеличиванию этого сочинения и его автора и к сопутствующей этому инструментализации (для научных и политических дискуссий) ни в коем случае не специфична для современности. Во время Первой мировой войны трактат неоднократно упоминался при обосновании военных намерений Германии (Hoeres, 2002), а во времена Веймарской республики — для аргументации критики Версальского мирного договора

(Kater, 1999). Он использовался противниками американского вторжения в Ирак весной 2003 года как доказательство ошибочности поведения администрации Буша (Kagan, 2003). И напротив, Кант приводился в качестве примера далекого от реальности идеалиста американскими неоконсерваторами. Но ни одну из этих характеристик нельзя считать справедливой по отношению к Канту.

Сохранение мира было для Канта темой *прикладного Просвещения*. Отсюда следует, что мирный трактат должен читаться иначе, чем его критические сочинения. Кант был философом Просвещения, и для него просвещение означало выход человека из состояния несовершеннолетия, в котором виноват он сам. Просвещение было для Канта перманентным, вполне диалектически понимаемым процессом, при котором благие идеи сталкиваются с реальной действительностью и либо терпят поражение, либо развиваются дальше. Поэтому любое серьезное изучение трактата «К вечному миру» рекомендуется начинать с установления его исторического контекста. Я попытаюсь его раскрыть с помощью следующих вопросов: каковы были дискурсивные и конкретно-исторические условия, на фоне которых следует рассматривать это сочинение? какой конкретный вклад Кант хотел внести своим сочинением в решение существовавших в то время проблем? каким образом это сочинение способствовало продвижению в решении проблем мира? какой критике это сочинение было подвергнуто, насколько справедливой она была? Свои ответы на эти вопросы я обобщаю в следующих восьми пунктах:

1. *В противоположность широко распространенному сегодня среди кантоведов мнению сочинение Канта «К вечному миру» ни в коей мере не представляет собой начало философского осмысления проблем войны и мира нового времени, а является продолжением оживленных интеллектуальных и политических дебатов XVIII столетия на эту тему на фоне Французской революции.*

Трактат «К вечному миру» содержит не так уж много нового. В основном Кант оперирует аргументами философов Просвещения XVIII столетия. Новой была у Канта лишь сис-

тематизация. Вопреки распространенному заблуждению трактат Канта был далеко не единственным произведением, призывающим к миру, — в XVIII веке появился ряд сочинений по проблемам мира, авторами которых были как известные философы (Монтескьё, Руссо, Вольтер), так и писатели (Bahner, 1965; Beutin, 1996). Большая политика мало прислушивалась к этим дискуссиям, однако процессы взаимного влияния, несомненно, были. В то время существовали три главных направления мысли: *теория равновесия*, *требование образования союза государств* и тезис, согласно которому мир между монархиями невозможен, потому что только *республики способны сохранять мир*. Теория сохраняющего мир равновесия мало что могла дать Канту. Она считалась в конце XVIII столетия во многом преодоленной (Kaeber, 1971). Теория необходимости союза государств была выдвинута в 1713 году аббатом Сен-Пьером в его широко известном сочинении (Saint Pierre, 1922). Тезис о том, что мир можно сохранить только между республиками, был впервые выдвинут в 1748 году бароном Шарлем Луи Монтескьё в девятом томе его знаменитого сочинения «О духе законов». Обе эти теории воспринял Кант и так же, как до него Монтескьё, пытался их соединить. Монтескьё писал, что только республики могут создать союз государств, обязующихся нести ответственность за сохранение мира (Montesquieu, 1992, S. 182), но он разделял распространенную в то время точку зрения о том, что республики могут быть созданы только на основе небольших политических объединений (главным образом городов). Это сужало возможности [установления] вечного мира и было похоже на коалицию проигравших.

2. *Сочинение Канта «К вечному миру» вышло в 1795 году, т. е. к тому времени, когда обрисованная Монтескьё перспектива достижения республиканского мира встала на повестку дня с новой остротой по ходу развития Французской революции.*

С основанием республики в рамках территориального государства (и прежде всего в самом влиятельном государстве Европы) Кант связывал надежду на то, что дилемма, сформу-

лированная Монтескьё (что лучше всего сохраняют мир республики, но республиканскую форму правления можно установить на длительное время только в городе-государстве), теперь может быть разрешена и что республик может стать больше. Трансформация Соединенных Штатов Америки в одну большую республику, казалось, подтверждала это ожидание. Тем самым открывалась перспектива радикального, положительного изменения межгосударственных отношений (Brandt, 2004, S. 140). Правда, сочинение Канта проникнуто не только оптимизмом, но и пессимизмом. На то была причина: республиканское равнинное государство Франция вопреки ожиданиям многих просветителей никак не было миролюбивым. Кант осознавал эту проблему, но не хотел делать выводы в том же направлении, что и Эдмунд Бёрк. Последний уже в 1790 году утверждал, что во Французской революции, которая считалась воплощением учения просветителей, что-то пошло в совершенно неверном направлении (Burke, 1970). С критикой Бёрка, которая нашла живой отклик и в Германии, связывалась, по мнению Канта, опасность, что проект просвещения в целом может оказаться под вопросом. Сочинение Канта «К вечному миру» следует в этой ситуации рассматривать как попытку уберечь главные идеи Просвещения о мире от затягивания в поток критики, связанной с неудачей Французской революции. Одновременно он сделал попытку с помощью этого сочинения приспособить идеи Просвещения о прочном мире к изменившимся политическим условиям и подверг критике некоторые аспекты французской политики. Если подойти к этому сочинению с этой точки зрения, то систематика и общий контекст этого труда раскроются совершенно другим образом, чем у большинства интерпретаторов Канта.

Кант повторяет в первых двух статьях, содержащих определения, по существу то, что наработали Монтескьё и аббат Сен-Пьер. Как и аббат, он исходит из того, что государства должны обсуждать свои проблемы между собой и решать их дипломатическим путем или с помощью привлечения мнения большинства. Для этого необходимо создать союз государств, который во многом воплощает идеи аббата Сен-Пьера. Кант

считал, как и Монтескьё, Вольтер, Руссо и Пэйн (Paine), что союз государств лишь тогда может быть реализован, когда будут упразднены монархии и останутся только республики. Кант аргументировал это тем, что республики должны быть миролюбивей, чем монархии, так как в них вопросы мира и войны станут решать люди, которые затем будут вынуждены испытывать все последствия войны. Как предварительными, так и третьей окончательной статьёй философ хотел показать, что недостаточно для сохранения мира только лишь существования республик и союза государств, обязательно должна быть этика мира. После ознакомления с предварительными статьями становится ясно, что они все имеют отношение к самым насущным проблемам того времени и что с их помощью Кант косвенно критикует Францию. Правда, ответ на вопрос, каков был эффект от его сочинения в то время, разочаровывает.

Первая предварительная статья гласит, что никакой мирный договор не может считаться таковым, если он заключается с той целью, чтобы затем его нарушить (Кант, 1966, с. 262; АА, VIII, S. 343). Подобная формулировка отражает озабоченность Канта тем, что только что заключенный в Базеле в апреле 1795 года мир между Пруссией и Францией долго не продержится. Это было мудрое наблюдение, и совет был продиктован благими намерениями. Но в последующие годы республиканская Франция оказалась намного агрессивней, чем монархии того времени, французы стремились к контролю над чужими территориями даже с большим рвением, чем феодальные властители. Это найдет свое подтверждение прежде всего во время правления Наполеона.

В свете вышеуказанной проблемы следует рассматривать также *вторую предварительную статью*, согласно которой ни одна страна не вправе завладеть другой путем наследования, обмена, купли или дарения (Кант, 1966, с. 260; АА, VIII, S. 344). Этот тезис был сформулирован аббатом Сен-Пьером уже в 1713 году. Но у Канта здесь отчетливо звучит критика произошедшего незадолго до этого раздела Польши между Пруссией, Австрией и Россией. Также имелся в виду, вероят-

но, и Базельский мирный договор, согласно которому Франция получила всю левобережную территорию Рейна, без учета мнения коренного населения этой области.

Третья предварительная статья содержала требование упразднения регулярных армий (Кант, 1966, с. 261; АА, VIII, S. 345). И здесь Кант использует идеи аббата Сен-Пьера. Но прежде всего эта статья представляет собой критику воинской повинности во Франции. Массовый набор рекрутов и связанное с ним длительное пребывание многочисленной армии в состоянии боевой готовности, вначале оправданные трудностями нового государства, впоследствии нарушили баланс военных сил в Европе и способствовали возникновению у Французской республики новых захватнических планов. Армии других государств были профессиональными, вследствие чего они были меньше, а солдаты менее мотивированы, чем во Франции. Кант осознавал эту проблему и хотел решить ее нормативным путем, потребовав, чтобы в мире государств с республиканским устройством не было регулярных армий. Философ советовал Франции быть осмотрительнее и благоразумнее, прежде всего ввиду того, что он предполагал увеличение количества республик в Европе. Но эти рекомендации не возымели должного воздействия. Как оказалось, после 1795 года потенциал Франции по массовому набору рекрутов только набрал полную силу — и вдобавок всё больше стали вербоваться мужчины из других стран.

Четвертая прелиминарная статья содержала требование, по которому запрещалось брать займы для внешнеполитических, и прежде всего военных, дел (Кант, 1966, с. 262; АА, VIII, S. 345). Это была действительно новая идея. В Великобритании и континентальных европейских странах, к сожалению, как и во Франции, стало нормой финансировать войны путем выпуска займов. Чем дольше длились войны, тем больше росли долги и тем больше великие державы стремились к тому, чтобы с целью погашения долгов аннексировать более мелкие страны, что с необходимостью приводило к новой войне. Но и это требование Канта не возымело действия, и при

Наполеоне всё стало еще хуже. При нем войны финансировались с помощью долгов, которые частично возвращались посредством добычи в следующей войне. Опасность постоянного пребывания в состоянии войны Кант хорошо видел, хотя он и не был знаком с методами Наполеона.

Пятая предварительная статья также основана на сочинении аббата Сен-Пьера от 1713 г. и содержала критику политики республиканской Франции. Кант требовал, чтобы ни одно государство не имело права вмешиваться в политическое устройство и внутреннюю политику другого государства (Кант, 1966, с. 262; АА, VIII, S. 346). В то время когда Национальное собрание Франции открыто призывало к свержению правительств других стран — будь то с помощью революции или с помощью интервенции, это требование было смелым заявлением, которое во времена Канта разделялось не всеми его современниками. Но и в последующие годы это требование осталось без внимания. Во время правления Наполеона в континентальной Европе был только один центр власти, и он вмешивался в дела каждой отдельной взятой страны.

Шестая предварительная статья касалась не столько Франции, сколько всех правительств в целом. В ней содержалось требование, чтобы ни одно государство во время войны не позволяло себе таких враждебных действий, которые делали бы в последующем невозможным заключение мира. К ним он причислял засылку «убийц из-за угла (*percussores*), отравителей (*venefici*), нарушение условий капитуляции» и тому подобное (Кант, 1966, с. 263; АА, VIII, S. 346). Эта мысль также была не нова, она вполне естественна, а позднее встречается и в трудах Клаузевица (Clausewitz, 1867, Bd. 3, S. 116). Среди *окончательных статей*, образующих ядро трактата Канта «К вечному миру», новым было только требование права гражданина мира на дружеский визит в другую страну. Эту статью следует рассматривать в связи с отходом Канта от идеи всемирного государства. До Французской революции он, по крайней мере в целом, разделял идею мирового государства, потому что оно могло ограничить власть монархий. Револю-

ция открывала ему перспективу того, что не только Франция, но и другие государства Европы могут стать республиками. Это ставило вопрос не о мировом государстве, а о совместном существовании республик. Для него и было задумано право на выезд за рубеж. Каждый человек в мире должен иметь право на невраждебное к себе отношение. Это право на визит содержало также критику — скорее, однако, косвенную — колониальной политики европейских государств и удержания революционной Францией своих заокеанских владений и практиковавшегося там рабства. Кант рассматривал право на дружественный визит в том смысле, что нельзя вести себя в чужих странах как завоеватель.

То, что установление нормативных требований не сможет оказать в короткий срок влияния на динамику развития Французской республики, Кант, по-видимому, осознавал. Он делал ставку на средний и длительный срок воздействия своих идей. В обоих *Добавлениях* он дал этому свое объяснение. Оно сводится к тому, что его этика будет реализована лишь со временем как «глубоко скрытая мудрость высшей причины, предопределяющей этот обычный ход вещей и направленной на объективную конечную цель человеческого рода, называется провидением» (Кант, 1966, с. 279; АА, VIII, S. 361).

3. Надежды и ожидания Канта не сбылись. Хотя во Франции трактат был встречен положительно, в политической реальности между 1795 и 1817 годами события развивались совсем иначе, чем этого ожидал Кант.

Не оправдались ни большие надежды на Францию, ни надежды на образование других независимых республик. Более того, после 1795 года появлялось все больше признаков того, что Французская республика стала движущей силой дальнейших военных авантур. В 1799 году закончился французский демократический эксперимент, власть перешла к энергичному и властолюбивому генералу — Наполеону Бонапарту. Он провозгласил себя в 1804 году императором Франции, растратил себя и свою страну в военных кампаниях, следовавших одна за

другой. Развязанные Наполеоном войны унесли около четырех с половиной миллионов жизней, намного больше, чем все монархические кабинетные войны XVIII столетия вместе взятые. Причиной этому было следующее: Наполеон желал побеждать своих противников, а не только создавать условия для благоприятного исхода переговоров. Он не хотел довольствоваться половинчатыми решениями. При нем вновь стало принятым, что находящееся в походе войско «обслуживало» себя за счет территории, как выражались в то время. Это означало, что население чужих стран — как некогда во времена 30-летней войны — беспрепятственно грабилось солдатами Наполеона. До этого государи Европы придерживались негласного правила — не затевать больше военных походов за счет грабежа гражданского населения, а создавать для своих войск логистическое обеспечение. Этот небольшой цивилизаторский прогресс отошел в прошлое, ибо он стоял на пути планов Наполеона создавать огромные армии, с помощью которых он мог окончательно побеждать своих противников. Наполеон творил свои бесчинства вплоть до 1813 года, когда, будучи ослабленным в результате вторжения в Россию, он в 1814 году, а затем вновь в 1815-м потерпел полное поражение.

4. *Именно ученик и бывший сторонник Канта Фридрих Генц был тем, кто восполнил слабые места Кантовых размышлений (особенно идею республиканского мира) и создал теорию демократической войны, которая имела гораздо большее значение для объяснения политики в начале XIX столетия, чем теория Канта.*

Генц показал, что революция приводит к релятивизму всех ценностей и к господству откровенного насилия. «Французская революция, — писал Генц в сочинении "О вечном мире", — возвысила власть военных над всеми другими и привела к состоянию, в котором только меч определяет судьбы народа» (цит. по: Raumer, 1953, S. 495). Но это еще не всё: Французская республика показала, что связанные с ней идеи свободы и

национализма породили совершенно новые перспективы подготовки войны и возможности ее проведения. Люди, говорит Генц, готовы ради идеалов свободы и нации совершить намного больше актов насилия, и даже гораздо более ужасных актов, чем во времена кабинетных войн. Войны стали ожесточеннее и с большими зверствами, но при этом они теперь не приводят к быстрому истощению сил (как это регулярно происходило с монархиями). По наблюдениям Генца, чем дольше революционная Франция находилась в состоянии войны, тем больше она была способна мобилизовать дополнительные силы для продолжения войн. Вместо истощения военной силы происходило многократное ее увеличение (цит. по: Raumer, 1953, S. 496). Кроме того, он отмечает огрубление нравов, «дерзкую безнравственность», которая приводит к совершению необычайных жестокостей (Gentz, 1997, S. 214 ff.). Можно было предвидеть, что этим духом будут заражены и другие народы, и тем самым война приобретет новые масштабы, а именно: из инструмента кабинетной политики, который использовался мало и к тому же, как правило, осторожно и сдержанно, возникнет новая форма организованного насилия, при которой мобилизуются все силы нации, ибо насилие только в ходе войны и достигает своих максимальных проявлений. В масштабах всей Европы это означает то, что, если другие страны последуют французскому примеру, дело может дойти до продолжительной и разрушительной войны.

5. Кант и Генц сходились во многих взглядах, расходились они, однако, в вопросе о миролюбии республик.

Оба считали главным то, чтобы государства в своих отношениях друг с другом проявляли сдержанность и миролюбие. Оба выступали за предотвращение войн и оба исходили из того, что внутреннее устройство государств влияет на то, как они ведут себя: мирно или воинственно. Кант рассматривал создание республик как лучшую гарантию сохранения мира, Генц видел все совершенно иначе. В противоположность Кан-

ту он приписывал решающую роль в сохранении мира *политике равновесия сил*. Правда, как он утверждает в своей статье 1800 года, на эту политику также не стоит возлагать чрезмерные надежды. В принципе идея неплоха, и в прошлом некоторые войны были таким образом прекращены или даже предотвращены. Но не следует понимать эту концепцию механистически, это будет безрезультатно. «Однако эта система политического равновесия, — писал Генц, — много раз становилась средством разрушения в руках тщеславия и себялюбия и не единожды способствовала той самой войне, которой должна была бы препятствовать» (цит. по: Raumer, 1953, S. 480). В этом он был прав, поскольку в середине XVIII столетия политика равновесия сил, которую ведущие державы Европы вплоть до 1730 года проводили с определенным успехом, стала приносить противоположные результаты.

6. Первая мировая война была демократической войной и подтвердила все опасения Генца, а теория демократического мира Канта была предана забвению.

Ожесточенная решимость европейских государств бороться всякий раз за единственное правое дело и выдерживать эту борьбу до полного истощения привела к войне, в результате которой было убито более 10 миллионов человек. Первая мировая война была войной, которая началась, несмотря на наличие институционных демократических инструментов контроля и права народа на соучастие в принятии решений. Наиболее ярко это можно было наблюдать на примере Германского рейха, который, не обладая достаточными налоговыми поступлениями, чтобы финансировать войну, сразу же вынужден был взять кредиты. Не только решительное одобрение Рейхстагом взятия кредита для военных целей, но также и готовность населения одобрить заем в большом размере была наряду со всеобщей военной эйфорией явным признаком того, что демократические институты или право граждан участвовать в принятии решений ни в коей мере не снижают готовность к

войне. Напротив, начавшаяся в 1914 году война была, по крайней мере в Германии, весьма желанной, да и в других странах ситуация не намного отличалась. Первая мировая война была *демократической войной*, которая свела тезис Канта и других философов о республиканском мире к абсурду. Это была к тому времени самая ужасная и кровопролитная война в человеческой истории, которая подтвердила все опасения Генца. Только Вторая мировая война, которая в определенном смысле была продолжением первой, превзошла ее.

7. Лишь новая эпоха, наступившая после Второй мировой войны, принесла с собой принципиальную перемену в отношении демократических национальных государств Европы к проблеме мира.

Это было следствием не столько возврата к идеям Канта, сколько прежде всего результатом масштабной активности США в деле оживления мировой экономики и связанного с этим учреждения международных организаций и поддержки демократии. Возрождение при этом мыслей, восходящих к идеям XVIII столетия (чему способствовал также и Кант), обязано соответствующим традициям в США. Кроме того, необходимо признать, что создание социального государства и условий для свободной торговли после Второй мировой войны высвободили невиданные доселе возможности, которые вели к умиротворению населения стран Запада: лишь с начала 50-х годов XX века наступает то самое общественное и политическое успокоение, которое привело к смене парадигмы во внешней и оборонной политике. Теоретическое обоснование того, каким образом следует повлиять на демократические государства, чтобы они стали стабильней и миролюбивей — как в отношениях между собой, так и с другими, ни Генц, ни Кант не предьявили. Лишь такие мыслители, как Гегель, Лоренц фон Штейн (Stein, 1964) или Джон Стюарт Милль в XIX столетии и Макс Вебер, Йозеф Шумпетер (Schumpeter, 1942), Джон Мейнард Кейнс, Гарольд Ласки и Уильям Беверидж в XX столетии,

заложили основы дифференцированного подхода к понятию стабильности (а тем самым и легитимности и, следовательно, миролюбивости) демократий, при котором основополагающую роль играют материальное положение широких масс, а также вопросы социального расслоения и мобильности.

8. *Современным положением вещей как Кант, так и Генц были бы довольны, если бы они сейчас были живы.*

Кто из них больше прав — Кант или Генц? Об этом можно спорить. Для Европы всего XX века и в период, по крайней мере, до Первой мировой войны прав был Генц, а не Кант. Но начиная с 50-х годов XX столетия все меняется. Сегодня существует мир между демократическими государствами Европы, и он подтверждает тезис Канта о том, что только республиканский мир является продолжительным. В пользу Канта говорит и то, что многие из его утопий стали реальностью. В пользу Генца — то, что он указал на проблемы, которые в то время стояли на пути реализации Кантовых утопий и на которые Кант великодушно не обращал внимания. Решающий поворот произвели те в Европе, кто лучше, чем Кант и Генц, смогли сформулировать условия для обеспечения демократической стабильности, и те в США, кто сформировал такой новый демократический стиль внешней политики, который осуществил на практике добродетели Просвещения. Ральф Дарендорф назвал однажды США страной прикладного просвещения (Dahrendorf, 1963). Так что Кант продолжает оказывать влияние, правда, скорее, косвенно.

Перевод с немецкого И. Д. Копцева и А. С. Зильбера

Список литературы

Кант И. К вечному миру // Соч. : в 6 т. М., 1964. Т. 6.

Bahner W. Der Friedensgedanke in der Literatur der französischen Aufklärung // Grundpositionen der französischen Aufklärung / Hrsg. W. Krauss, H. Mayer. Berlin, 1965. S. 139—208.

Beutin W. Kants Schrift „Zum ewigen Frieden“ (1795) und die zeitgenössische Debatte // *Hommage à Kant. Kants Schrift „Zum ewigen Frieden“*. Hamburg, 1996. S. 97—126.

Brandt R. Historisch-kritische Beobachtungen zu Kants Friedensschrift // *Zum ewigen Frieden. Grundlagen, Aktualität und Aussichten einer Idee von Immanuel Kant* / Hrsg. R. Merkel, R. Wittmann. Frankfurt, 1996. S. 31—66.

Burke E. *Reflections on the Revolution in France, and on the Proceedings in Certain Societies in London Relative to that Event*. London, 1970.

Clausewitz C. von. *Vom Kriege. Hinterlassene Werke über Krieg und Kriegführung des Generals Carl von Clausewitz*. 3. Aufl. Berlin, 1867.

Dahrendorf R. *Die angewandte Aufklärung*. Frankfurt, 1963.

Dietze A., Dietze W. *Ewiger Friede? Dokumente einer deutschen Diskussion um 1800*. München, 1989.

Doyle M. W. *Kant, Liberal Legacies, and Foreign Affairs* // *Philosophy and Public Affairs*. 1983. Vol. 12, nr 3. P. 205—235; nr 4. P. 323—353.

Doyle M. W. *Liberalism and World Politics* // *American Political Science Review*. 1986. Vol. 80, nr 4. P. 1151—1169.

Geismann G. *Kant als Vollender von Hobbes und Rousseau* // *Der Staat*. 1982. Nr. 21. S. 161—189.

Gentz F. von. *Über den Ursprung und Charakter des Krieges gegen die französische Revolution* // *Gesammelte Schriften* / Hrsg. G. Kronenbitter. Bd. 3. Hildesheim, 1997.

Hoeres P. *Kants Friedensidee in der deutschen Kriegsphilosophie des Ersten Weltkrieges* // *Kant-Studien*. 2002. Nr. 1. S. 84—112.

Ikenberry G. J. *After Victory. Institutions, Strategic Restraint, and the Rebuilding of Order after Major Wars*. Princeton, 2001.

Kaeber E. *Die Idee des europäischen Gleichgewichts in der publizistischen Literatur vom 16. bis zur Mitte des 18. Jahrhunderts*. Hildesheim, 1971.

Kagan R. *Paradise and Power. America and Europe in the New World Order*. London, 2003.

Kater T. *Forschungsbericht. Der Krieg, die Republik und der Friede: Zur Rezeption von Immanuel Kants Zum ewigen Frieden* // *Militarismus in Deutschland 1871 bis 1945. Zeitgenössische Analysen und Kritik* / Hrsg. W. Wette. Münster, 1999. S. 327—345.

Montesquieu C.-L. *Vom Geist der Gesetze* / Übers. und hrsg. E. Forsthoff. Tübingen, 1992.

Raumer K. von. Ewiger Friede. Friedensrufe und Friedenspläne seit der Renaissance. Freiburg ; München, 1953.

Saint-Pierre, Abbe Castel de Charles François. Der Traktat vom ewigen Frieden 1713) / Hrsg. W. Michael, F. von Oppeln-Bronikowski. Berlin, 1922.

Schumpeter J. Capitalism, Socialism and Democracy. N. Y., 1942.

Stein L. von. Die Gesellschaftslehre. Erste Abteilung: Der Begriff der Gesellschaft und die Lehre von den Gesellschaftsklassen. Osnabrück, 1964.

Об авторе

Йоахим Краузе — доктор политических наук, профессор, директор Института общественных наук Кильского университета им. Христиана Альбрехта, e-mail: jkrause@aol.com

А. А. Орлов

Проблема справедливого мирового порядка в трактате И. Канта «К вечному миру»

Существует множество проектов «вечного мира», но актуальность сохранили только те из них, которые отвечали на насущные вопросы эпохи. Знаменитый философ Иммануил Кант (1724—1804), не теряя идейной связи со своими предшественниками¹, новаторски подошел к решению проблемы прекращения войн и установления справедливого мирового порядка. Он

© Орлов А. А., 2013

¹ Его биограф пишет о влиянии, оказанном на Канта ближайшими предшественниками:

...с одной стороны, Г.В. Лейбницем и Х. Вольфом, с другой — Д. Юмом и Ж.Ж. Руссо. Критика Канта действительно занимает среднее положение между всеобъясняющим рационализмом Лейбница и эмпирическим скептицизмом Юма, между примиряющей, сухой философии Вольфа и страстным протестом Руссо (Филиппов, 1996, с. 346, 348, 371).

полагал, что природа² и разум неизменно ведут человечество по пути к лучшему будущему даже против воли людей.

Предварительное установление природы состоит в следующем: 1) она позаботилась о том, чтобы люди имели возможность жить во всех местах Земли; 2) посредством войны она рассеяла людей повсюду, даже в самые непригодные для хозяйства края, чтобы заселить их; 3) войной же она принудила людей вступать в более или менее законные отношения (Кант, 2003, с. 219).

Мирные связи первоначально возникли между народами благодаря взаимовыгодной торговле. Но, позаботившись о том, чтобы люди могли жить во всех уголках Земли, природа «деспотически пожелала», чтобы они действительно жили повсюду, и избрала для этого самое действенное средство — войну, рассеявшую родственные племена на тысячи километров друг от друга.

Для самой же войны не нужно особых побудительных оснований: она привита, по-видимому, человеческой природе и считается даже чем-то благородным, к чему человека побуждает честолюбие, а не корысть» (Кант, 2003, с. 220).

В самом начале трактата Кант утверждал:

Война есть печальное, вынужденное средство в естественном состоянии (где не существует никакой судебной инстанции, приговор которой имел бы силу закона) утвердить свои права силой (Кант, 2003, с. 208).

² Термином «природа» Кант, утверждавший, что поскольку Бог не может быть найден в опыте, он не принадлежит к миру явлений, то невозможно ни доказательство, ни опровержение его существования, меняет слово «Бог». Определение же «природы» у него следующее:

Действуя как принуждающая причина, законы которой нам неизвестны, она называется *судьбой*, а с учетом целесообразности мировых событий, выступая как глубоко скрытая мудрость высшей причины, направленной на объективную конечную цель человеческого рода и предрешающей ее достижение, она называется *провидением*... (Кант, 2003, с. 218).

Состояние мира между людьми, живущими по соседству, не есть естественное состояние; последнее, наоборот, есть состояние войны, т. е. если и не непрерывные враждебные действия, то постоянная их угроза. Следовательно, состояние мира должно быть установлено (Кант, 2003, с. 209).

Народы вынужденно организовались в государства для защиты от нападений извне. Здесь вступил в действие разум. Для автора наилучшая форма управления государством — республиканская³, но он признает, что люди не ангелы, поэтому изначально не склонны к столь возвышенному устройству. Однако хорошая организация государства (а это, добавляет философ, как раз под силу человеку) может так взаимно направить силы эгоистических склонностей, чтобы каждая из них или сдерживала, или уничтожала разрушительное действие другой. Не став моральным, человек, по крайней мере,

³ Кант отличает республиканское устройство от демократического. Он придерживается того взгляда, что существуют три формы политической власти: автократия, аристократия, демократия, т. е. власть монарха, дворянства, народа.

Вторая форма есть форма правления и касается того способа, каким государство распоряжается полнотой своей власти... *Республиканизм* есть государственный принцип отделения исполнительной власти (правительства) от законодательной; *деспотизм* — принцип самовластного исполнения государством законов, данных им же самим... Из трех форм государства *демократия* в собственном смысле слова неизбежно есть *деспотизм* (Кант, 2003, с. 211). Впрочем, гораздо важнее для народа способ правления, чем форма государства (Кант, 2003, с. 212).

Начинавший свою научную деятельность как последователь Канта И. Г. Фихте (1762—1814) в рецензии (1796 г.) на трактат «К вечно-му миру» писал:

Рецензенту кажется недостаточно определенным, по крайней мере подающим повод для неверных толкований, предлагаемое автором разделение законодательной и исполнительной властей. <...> ...Исполнительной власти должен быть придан дополнительный орган, который не направляет ее, но, как только устанавливает, что свобода и правопорядок находятся под угрозой, призывает к суду народа всегда лишь под своей собственной ответственностью (Фихте, 2003, с. 245—246).

сделается гражданином (Кант, 2003, с. 221—222). «Проблема создания государства разрешима... даже для народа дьяволов (если только они обладают рассудком)» (Кант, 2003, с. 222).

Кант не идеализирует людей и не собирается призывать к их моральному улучшению, в отличие от Пенна и Бентама. Но в природе он видит механизм, помогающий нейтрализовать немирные побуждения человека и осуществить состояние мира, определяемое силой закона (т.е. правом). Не от высокой моральности следует ожидать хорошего государственного устройства, а скорее наоборот.

...Разум при помощи эгоистических склонностей, которые естественным образом даже внешне противодействуют друг другу, может воспользоваться механизмом природы как средством для того, чтобы осуществить свою собственную цель — предписание права... можно сказать: природа неодолимо хочет, чтобы право получило в конце концов верховную власть (Кант, 2003, с. 222).

Право должно господствовать во всех государствах, в их отношениях между собой, и тогда человечество постепенно придет к идее всемирно-гражданского права, поскольку все люди, по убеждению Канта, потенциально являются гражданами общечеловеческого государства. Но если хоть один народ останется в естественном (догосударственном) состоянии, истребительная война не прекратится.

Человек... (или народ) в естественном состоянии... живя рядом со мной, нарушает мое право уже самим этим состоянием, если не делом, то беззаконностью своего состояния. Этой беззаконностью он постоянно угрожает мне, и я могу принудить его или вступить вместе со мной в общественно-законное состояние, или же избавить меня от своего соседства (Кант, 2003, с. 209—210, примеч.).

В современном ему мире философ видит некое подобие действующей системы международного права.

Более или менее тесное общение между народами Земли развилось всюду настолько, что нарушение права в *одном* месте чувствуется во всех других. Из этого видно, что идея права всемирного гражданства есть не фантастическое или нелепое представление о праве, но необходимое дополнение неписанного кодекса как государственного, так и международного права к публичному праву человека вообще и, таким образом, к вечному миру (Кант, 2003, с. 218).

По мнению Канта, подобная система международного права еще не гарантирует человеку мира, так как в самой ее сути заложено представление о раздельном существовании независимых государств⁴. Тем не менее слово «право» не изгнано полностью даже из военной политики, да никто и не решился предложить это публично. Во время войны стороны простодушно ссылаются на него для оправдания нападения, хотя в таком случае, пишет Кант, оно не имеет законной силы и не побудило ни одно государство отказаться от своих планов (Кант, 2003, с. 213—214).

Для философа состояние войны, как ни горько это звучит, все же лучше, чем слияние государств в единую державу, переход к всеобщей монархии. Он уверен: бездушный деспотизм (кладбище свободы) превращается тогда в анархию. Однако и здесь Кант видит заложенный природой защитный механизм — разделение народов различием языков и религии⁵. Это различие, хотя и влечет за собой склонность к взаимной ненависти

⁴ Кант отмечает: международное право — это обоюдоострое оружие, так как воля каждого государства направлена на то, чтобы с его помощью подчинить народы своей власти — хитростью или силой (Кант, 2003, с. 223).

⁵ К этим словам дано следующее примечание: религия на Земле одна, обязательная для всех людей и во все времена. Различны могут быть только верования, в зависимости от исторических средств, употреблявшихся для содействия религии, и священные книги. «Следовательно, эти средства могут быть только орудием религии, тем, что случайно и может быть различным в зависимости от времени и места» (Кант, 2003, с. 223, примеч.).

и дает повод к войне, с ростом культуры и при приближении людей к большому согласию в принципах ведет к взаимопониманию и миру, осуществляемому равновесием всех сил, их активнейшим соревнованием (Кант, 2003, с. 223).

Кроме права гарантией движения к миру будет «дух торговли, который рано или поздно овладевает каждым народом» и «не может существовать рядом с войной» (Кант, 2003, с. 223). (Автор, проведший всю жизнь в крупном торговом городе Кёнигсберге, друживший с некоторыми купцами из числа членов местной британской фактории, постоянно имел перед глазами прямые доказательства важнейшей роли международного обмена товарами⁶.) Торговля приносит правителям деньги, и желание их приобрести заставляет государства

...содействовать благородному миру и повсюду, где угрожала вспыхнуть война, предотвращать ее своим посредничеством, как будто они находятся с этой целью в постоянном союзе⁷. <...> Таким образом, самим устройством человеческих склонностей при рода гарантирует вечный мир (Кант, 2003, с. 223—224).

Его, конечно, нельзя предсказать, но его обязательно надо добиваться (Кант, 2003, с. 223—224).

Борьба за дело мира может быть значительно облегчена, если правители в своей практической деятельности согласятся учитывать предложения философов. Кант считает не лишним включить в проект будущего мирного договора одну тайную статью, категорически отрицающую возможность добавления в до-

⁶ Наиболее близкими по духу людьми для Канта были английские купцы Грин и Мотерби (Филиппов, 1996, с. 346—348).

⁷ Роль денег Кант оценивает неоднозначно. Ранее он писал:

Накопление богатств могло бы привести к... [тому, что] другие государства, увидев в том военную угрозу, будут вынуждены к упреждающему нападению (так как из трех сил: *вооруженной силы, силы союзов и силы денег* — последняя могла быть наиболее надежным орудием войны, если бы не было так трудно определить ее размеры) (Кант, 2003, с. 207).

кументы такого рода статей как основу для новой войны (Кант, 2003, с. 205). Он называет статью тайной только в том смысле, что «признание авторства будет сомнительным для собственного достоинства» автора (Кант, 2003, с. 224) в следующей формулировке: «...максимы (принципы. — А. О.) философов об условиях возможности всеобщего мира должны быть учтены государствами, вооружившимися для войны» (Кант, 2003, с. 224). Государству следует негласно, чтобы не подорвать авторитет правителей и не вызвать сомнений в их государственных способностях, побуждать философов к публичному обсуждению «всеобщих максим» ведения войны и укрепления мира. Философов полезно выслушать даже в том случае, если их советы не привлекут внимания представителей власти. «Нельзя ожидать, чтобы короли философствовали или философы стали королями»⁸, но обмен мнениями необходим и тем и другим для внесения ясности в их деятельность. При этом ученый убеждает власть имущих не опасаться подрыва устоев государства: «...поскольку класс этот [философы] по своей природе не способен создавать сборища и клубы, нет оснований упрекать его в пропаганде» (Кант, 2003, с. 225).

В 1795 году эти слова звучали неубедительно для коронованных особ. Перед их глазами был пример революции во

⁸ Кант критикует идею древнегреческого философа Платона, выраженную в знаменитом диалоге «Государство», над которым тот работал всю жизнь. Платон предложил проект идеального государства, где существуют три сословия: философы, воины и работники. Целью всех является достижение общего блага. Цари должны философствовать, а философы царствовать, причем таковыми могут быть только немногие созерцатели истины. Платон выступал за уничтожение частной собственности, общность жен и детей, государственную регулируемость браков, общественное воспитание детей, которые не должны знать своих родителей. Платон сознавал, что его взгляды не вполне реалистичны. В конце жизни он составил другой проект, изложенный в сочинении «Законы», оставшемся незаконченным. Здесь он дает картину общества, где нет ни резкого разделения на сословия, ни общности имущества и женщин.

Франции, в идейном плане подготовленной философами-просветителями. Людовик XVI уже сложил голову на плахе. Французские войска, наносившие армиям первой коалиции поражение за поражением, перенесли революцию за границы своей страны. После прихода к власти в Пруссии короля Фридриха Вильгельма II (1786—1797), издавшего эдикты об усилении цензуры (1788, 1792 гг.) и о защите официального протестантизма (1788 г.), Канту — ректору Кёнигсбергского университета — пытались запретить писать. Опубликование же им (по преодолении долгих цензурных мытарств) сборника статей «Религия в пределах только разума» (1793 г.) вызвало ответное действие прусского правительства, по выражению российского биографа, последнее «вечным позором». Сочинение имело необычайный успех и вскоре вышло вторым изданием. Из Берлина Канту прислали королевский указ, в котором говорилось:

С величайшим неудовольствием мы заметили... что вы злоупотребляете вашей философией для искажения и унижения многих основных учений Св. Писания и христианской веры. Мы были о вас лучшего мнения; вы сами должны понять, как безответственно действуете вы против вашего долга как учителя юношества и против наших, вам отлично известных, отеческих поучений о стране (Филиппов, 1996, с. 362, 365—366).

Затем была высказана угроза, что если Кант осмелится сделать нечто подобное впредь, он подвергнется «самым неприятным последствиям». Выговор тяжело подействовал на семидесятилетнего философа. С тяжелым сердцем он подчинился запрету, скрыв от всех, кроме одного близкого друга, содержание указа. Но как только король умер и на престол вступил более либеральный Фридрих Вильгельм III (1797—1840), Кант издал сочинение «Спор факультетов» (1798 г.), где подробно изложил обстоятельства борьбы с цензурой (Филиппов, 1996, с. 362, 365—366).

В России в период правления императора Павла I (1796—1801) Кант вкупе с другими философами пришелся не ко двору.

В мемуарах принца Евгения Вюртембергского (1788—1857) — племянника супруги Павла, императрицы Марии Фёдоровны — говорится о том, как 13-летний мальчик вместе со своим воспитателем бароном Г. Э. фон Дибичем впервые (в феврале 1801 года) посетил Петербург. Во время аудиенции Павел ласково беседовал с ним по-немецки и по-французски.

...Всё шло хорошо до тех пор, пока у принца с языка не сорвалось имя Канта. Лицо императора тотчас же омрачилось, а Дибич пробормотал как бы про себя: «Проклятые философы!» Принц все же сумел придать своим словам такой смешной оборот, что Павел громко рассмеялся (Зубов, 2007, с. 101—102).

Думается, что не будь французской революции, отношение Павла I, прекрасно знакомого с учениями просветителей, к Канту не было бы таким отрицательным. Император положил в основу своей государственной программы, подготовленной задолго до занятия им трона, некоторые принципы, например примат закона, согласующиеся с теорией немецкого философа.

Представитель русского зарубежья XX века В. П. Зубов писал:

...Павел был сыном своего времени, времени просвещенного абсолютизма, энциклопедистов и французской революции. Он способствовал развитию событий эпохи, полагая, что противостоит им... Французская республика в глазах Павла была безумием, но, как ученик Монтескьё⁹, он отклонял и деспотию, пагубную как для монарха, так и для общества. Ирония судьбы состоит в том, что именно Павел вошел в историю как деспот» (Зубов, 2007, с. 34—35).

⁹ Ш. Л. Монтескьё (1689—1755) — творец учения о разделении властей: законодательной, исполнительной и судебной в духе английской конституционной монархии. В его классическом труде «Дух законов» (*L'esprit des lois*, 1748 г.) определены основные начала справедливого государственного строя: самоограничение власти, гражданская свобода и религиозная терпимость.

Слова Канта о деспотизме, превращающемся в анархию, могли бы стать эпиграфом к исследованию жизни и деятельности Павла I.

При Александре I интерес россиян к сочинениям великого кёнигсбержца уже не сдерживался никакими запретами. Напротив, власть поощряла этот интерес, о чем говорит помещенное в «Санкт-Петербургском журнале» (официальном печатном органе Министерства внутренних дел) в октябре 1804 года (через 8 месяцев после смерти ученого) наряду с переводами работ английских мыслителей Дж. Бентама и А. Смита статьи о Канте¹⁰ (Пыпин, 1869, с. 814).

Умонастроению издателей и, вероятно, значительной части читателей журнала соответствовали идеи Канта (главная цель любого общества — достижение счастья его членов, а истинная задача политики — сделать подданных довольными своим состоянием). Этого, с его точки зрения, можно достигнуть только благодаря устранению всякого недоверия к политическим максимам. Принципы практической политики должны быть в согласии с правом общества, ибо только так возможно соединение целей всех. Надо стремиться к выработке публичного права, и тогда вечный мир станет задачей, решение которой достигается постоянно и непрерывно приближает к осуществлению (Кант, 2003, с. 240—241).

«Дней Александровых прекрасное начало» с их наивной верой в быстрое и успешное реформирование государства побуждало относиться с доверием к идеалистическим представлениям философа о том, что практическая политика может и должна быть моральной, поскольку оба понятия (политика и мораль) имеют отношение к праву. Кант полагал: несмотря на разные сферы правового приложения политики и морали, их

¹⁰ Имеется в виду статья Вилерса (Вилерс, 1804). Об интересе, проявленном в начале XIX века русской научной общественностью к философии Канта, см. статью Каменского. Автор отмечает (Каменский, 1960, с. 58): первая публикация о Канте в русской периодической печати указанного периода — статья Н. М. Карамзина, где сообщалось о том, что философия кёнигсбергского мыслителя была принята во Франции в штыки (Карамзин, 1802).

сближает общая цель. «... Не может быть... спора между политикой как практическим учением о праве и моралью как теоретическим учением о нем (тем самым никакого спора теории с практикой)...», — заявляет он (Кант, 2003, с. 225—226). Еще в преамбуле к трактату ученый оговаривался, что мыслит с позиций политика-теоретика, поэтому его идеи не могут быть опасны для политика-практика, исходящего в своих действиях только «из принципов, основанных на опыте». «... Государственный муж, умудренный опытом, может несколько не опасаться за исход игры¹¹, как бы удачны ни были ходы его партнера» (Кант, 2003, с. 205). Но если цели народа и правителя не совпадают, как часто бывает в жизни? А если одна часть народа настроена против другой? Как, наконец, человеку победить «злой принцип»¹² в самом себе? Кант пишет, что практик, исходя из человеческой природы,

¹¹ Эта фраза свидетельствует: Кант задолго до голландского историка Й. Хёйзинги, автора знаменитой книги «Человек играющий», вскрыл игровой характер человеческой культуры. Игра невозможна без соблюдения правил, известных всем участникам (Хёйзинга, 2003, с. 107, 207). Если правила — это право, а политики — игроки на мировой сцене, то философы — рефери, строго следящие за соблюдением правил. Игра не может состояться в отсутствие кого-либо из ее участников. По мнению Хёйзинги, в тотальной войне, в отличие от войны рыцарской, теряется игровой характер (Хёйзинга, 2003, с. 107). Подобная идея встречается и у Канта:

...Истребительная война, в которой могут быть уничтожены обе стороны, а вместе с ними и всякое право, привела бы к вечному миру лишь на гигантском кладбище человечества (Кант, 2003, с. 209).

¹² Кант придерживается принципа свободы воли. Поэтому, признавая наличие у людей злой воли, он в то же время верит в возможность человека развить в себе (при помощи цивилизующего влияния законов) моральные задатки «непосредственного уважения к праву»:

...так как уважение к понятию права, от чего человек не может отречься, самым торжественным образом санкционирует теорию, утверждающую возможность соответствовать этому понятию, то каждому ясно, что он... *должен* вести себя в согласии с ним, а другие — как хотят (Кант, 2003, с. 230—231, примеч.).

...берется предвидеть, будто человек никогда не захочет осуществления цели, приводящей к вечному миру. Конечно, для этой цели недостаточно желания *всех отдельных* людей жить в законном устройстве по принципам свободы (*расчлененное* единство воли *всех*). Но необходимо, чтобы все вместе захотели такого состояния (*коллективное* единство объединенной воли)... необходимо еще и объединяющее их основание для выявления общей воли (Кант, 2003, с. 226).

Кант понимает: правовое общество возникнет нескоро. В существующих условиях идея отчасти может быть реализована с помощью публичного права, основанного на принуждении. Но вряд ли стоит рассчитывать на то, что законодатель после объединения дикой массы в народ добровольно предоставит ему возможность создать правовое устройство посредством общей воли подданных. «...Тот, в чьих руках власть, не позволит, чтобы народ предписывал ему законы» (Кант, 2003, с. 227). Во внешней политике ни одно государство не желает подчинять себя суду других государств¹³. Европа стремится поработить и ограбить другие части света¹⁴. «Таким образом,

¹³ Опять обращаем внимание на противоречивость утверждений автора. Далее он пишет: «...великие державы никогда не стыдятся простого народа, только друг друга...» (Кант, 2003, с. 230).

¹⁴ Кант, как и Бентам, выступает против колониальной политики европейских государств. Но побудительный мотив у него другой. Он критикует «поведение цивилизованных, преимущественно торговых, государств нашей части света» за чудовищную несправедливость, проявляемую ими при завоевании чужих стран и народов (Кант, 2003, с. 217). Как, однако, сочетается критика политики «торговых государств» (за общим эвфемизмом угадывается конкретное указание на Англию) с высказанной ранее мыслью о том, что никто не может быть спокоен, пока хоть один народ находится в естественном состоянии, порождающем войны? У Канта читаем:

Уже из того, что мы с глубоким презрением смотрим на приверженность дикарей к их не основанной на законе свободе, когда они предпочитают вести бесконечные распри... и считаем это грубостью, невежеством и скотским унижением человечества, следовало бы заключить, что культурные народы (каждый сам по себе объединенный в государство) поспешат как можно скорее выйти из столь порочного состояния (Кант, 2003, с. 213).

все варианты теории права государственного, международного и всемирного гражданства расплываются в бессодержательные, невыполнимые идеалы...» Практика же, основанная на знании человеческой природы, напротив, «могла бы найти прочную основу для государственной мудрости» (Кант, 2003, с. 227).

В этой ситуации гражданское общество и власть имущие будут двигаться навстречу друг другу. Первое потребует от вторых, чтобы они стремились приблизиться к лучшему по своим правовым основам устройству.

Государство может управляться *республикански*, даже если оно обладает по действующей конституции деспотической *верховой* властью, пока народ постепенно не окажется способным воспринимать чистую идею авторитета закона... и тем самым созреет для выработки собственного законодательства... А если бурей революции, вызванной дурным устройством, неправомер-

Отношение Канта к Англии — главному торговому конкуренту Пруссии — было весьма критическим. В прелиминарных статьях предлагаемого им проекта всеобщего мирного договора он посвятил отдельную статью (4-ю) оправданию борьбы с государством, пытающимся за счет своей кредитной политики («остроумное изобретение одного торгового народа в этом столетии») вызвать государственное банкротство конкурентов и нанести «неоправданный ущерб другим государствам» (Кант, 2003, с. 207—208). Ср. с антибританским пассажем Гердера:

Торговля... должна не разделять, а объединять людей... Если один народ вознамерился закрыть море для другого народа, запретить ему пользоваться силой ветра, это должно вызвать всеобщее возмущение народов... (Гердер, 2003, с. 256—257).

Знакомство Канта с английским купцом Грином началось с весьма неприятного обстоятельства. Философ в присутствии последнего резко осудил деспотический образ действий британского правительства в отношении североамериканских колоний. Грин вызвал Канта на дуэль. Тот попросил позволения договорить до конца, после чего собеседник, пораженный безупречностью аргументации, дружески пожал ученому руку (Филиппов, 1996, с. 346—347).

но было создано более законосообразное, то тогда ни в коем случае не дозволено пытаться вернуть народ к старому порядку... Что касается внешних сношений, то от государства нельзя требовать, чтобы оно отказалось от своего деспотического устройства (которое, однако, могущественнее внешних врагов) до тех пор, пока ему грозит опасность быть немедленно поглощенным другими государствами» (Кант, 2003, с. 228).

Кант призывает не покушаться на состояние публичного права, даже если оно запятнано несправедливостью:

...любое *правовое*... устройство лучше, чем никакое (анархия), что может возникнуть в результате *преждевременной* реформы. Государственная мудрость, следовательно, обязана при существующем положении дел проводить реформы, соответствующие идеалу публичного права; революции же, которые возникают естественно, призваны самой природой не для того, чтобы приукрасить еще большее угнетение, а чтобы путем коренной реформы установить единственно прочное, основанное на принципах свободы законное устройство (Кант, 2003, с. 228, примеч.).

Здесь Кант дал ответ как сторонникам, так и противникам революции. В соответствии с духом просветительской идеологии он признает естественными и полезными только те революции, которые побуждают общество двигаться в сторону большей разумности и цивилизованности, позволяют приблизиться к достижению общего блага. Препятствовать этому бессмысленно и преступно. Но редко бывает так, чтобы революция не сопровождалась насилием. Кант полагает: восставший народ берет на себя всю ответственность за совершение, пусть и ради благой цели, неправых действий¹⁵. Во втором приложении к трактату, носящем название «О согласии политики и морали», он пишет:

¹⁵ Понятие «суверенитет народа» одновременно привлекает и отталкивает Канта. С одной стороны, в начале трактата он утверждал: «государство — это общество людей, повелевать и распоряжаться которыми не может никто, кроме него самого», «государство приоб-

Если права народа попораны, то низложение (тирана) будет правомерным, в этом нет сомнения. Тем не менее со стороны подданных в высшей степени неправомерно именно таким способом добиваться своего права, и они не могут жаловаться на несправедливость, если потерпят поражение в этой борьбе и вследствие этого подвергнутся жестоким наказаниям¹⁶ (Кант, 2003, с. 237).

ретает себе правителя, а не этот последний... приобретает себе данное государство» (Кант, 2003, с. 206). С другой стороны, далее он заявляет: суверенитет принадлежит государству, «суверенность народа — нелепое выражение» (Кант, 2003, с. 213). Философ разрешает противоречие следующим образом. Его не устраивает положение, при котором верховный глава государства не член этого государства, а его собственник (Кант, 2003, с. 210—211). «Любая *непредставительная форма* правления есть, по сути дела, *псевдоформа*, потому что в одном лице не может выступать законодатель и исполнитель собственной воли...» (Кант, 2003, с. 211). Идеалом для него является ситуация, когда, по примеру прусского короля Фридриха II Великого (1740—1786), правитель — «всего лишь верховный слуга государства» (Кант, 2003, с. 212). Высокие эпитеты, которые традиционно даются властителю «должны внушать его душе смирение... на него возложена миссия... управлять *правом людей*, и ему постоянно следует опасаться чем-либо задеть эту зеницу Господа» (Кант, 2003, с. 212, примеч.). Здесь же см. мнение Канта о том, что «демократии совершенно невозможно (кроме как путем насильственной революции) достичь единственно совершенного правового устройства».

¹⁶ В соответствии с этой логикой подданные должны применить такое насилие по отношению к своим противникам, которое позволит не допустить поражения революции. История доказала: революционеры часто готовы переступить через кровь, для того чтобы добиться победы над внутренними и внешними врагами. Кант уже имел перед глазами страшные примеры — события периода якобинской диктатуры во Франции 1793—1794 годов. Впереди было огромное количество и других примеров — ср. воспоминания одного из лидеров заговорщиков П. А. фон дер Палена об убийстве Павла I (Брикнер, 2008, с. 162).

«...Люди не могут уйти от понятия права ни в частных своих отношениях, ни в публичных», — утверждает философ (Кант, 2003, с. 231). Он стремится выявить общий принцип, порождающий идею «вечного мира», и показать, что зло, преграждающее путь к нему, возникает из-за подчинения принципов конкретной политической цели. Таким образом, лошадей запрягают позади повозки.

...Принцип моральной политики заключается в том, что народ должен объединиться в государство в соответствии с одними только правовыми понятиями свободы и равенства, и этот принцип основан не на смысленности, а на долге (Кант, 2003, с. 233).

Правители обязаны

...не устранять и не ущемлять ничьих прав из-за недоброжелательства или сочувствия к другим. Для этого прежде всего необходимо внутреннее устройство государства, опирающееся на чистые принципы права, и, кроме того, объединение государства с соседними или даже с отдаленными государствами (по аналогии со всеобщим государством) для законного решения их споров (Кант, 2003, с. 234).

Мир не погибнет, если злых людей станет меньше. Моральное зло самопротиворечиво и саморазрушительно. Оно медленно, но уступает место моральному принципу добра (Кант, 2003, с. 234).

Кант призывает человека бороться со злым принципом в самом себе, ибо это есть источник всех преступлений:

...разум... непрестанно растет в силу постоянного прогресса культуры, вместе с которой растет и вина за правонарушения. <...> Истинная политика не может сделать шага, не присягнув заранее морали, и хотя политика сама по себе — трудное искусство, однако соединение ее с моралью — вовсе не искусство... Право человека должно считаться священным, каких бы жертв это ни стоило господствующей власти (Кант, 2003, с. 235).

Принципы моральной политики, по мнению Канта, могут и должны быть применены в международном праве. Такое правовое положение (*status juridicus*)

...должно проистекать из какого-нибудь договора, которому, однако, не нужно (подобно тому, из которого происходит государство) основываться на принудительных законах, но которое, во всяком случае, может быть договором *постоянно свободной* ассоциации, подобно вышеупомянутому договору федерации различных государств (Кант, 2003, с. 239).

Моральность международной политики (или правовой характер последней, что для автора одно и то же) проявится в том случае, «...если договор связывает государства для того, чтобы поддерживать мир между собою и по отношению к другим государствам, но ни в коем случае, чтобы делать приобретения» (Кант, 2003, с. 238).

...единственное *правовое* состояние государств, совместимое с их *свободой*, — это федерация, имеющая целью устранение войны. Итак, согласие политики с моралью возможно только в федеративном союзе (Кант, 2003, с. 239).

В соответствии с этими взглядами Кант предлагает свой проект мирного договора, который установит не временное перемирие, чреватое опасностью нового конфликта, а прочный мир на вечные времена. Проект состоит из шести предварительных (прелиминарных) и трех окончательных (дефинитивных) статей. Прелиминарные статьи таковы:

- 1) не сохранять в договорах (тайно) основ для новой войны;
- 2) государства не могут приобретаться другими государствами;
- 3) постоянные армии должны со временем исчезнуть, так как они представляют постоянную угрозу для соседей и превращают человека в орудие в руках другого, «а это несовместимо с правами человека, присущими каждому из нас». Постоянные армии следует заменить добровольным ополчением граждан (Кант, 2003, с. 207);

4) государственные долги не должны использоваться для целей внешней политики;

5) нельзя допускать насильственное вмешательство в политическое устройство и управление другого государства;

6) во время войны непозволительно прибегать к тайным действиям против своего врага, дабы сохранить возможность примирения в будущем.

После принятия таких условий, в реальности чего автор не сомневается, можно будет подписать окончательные статьи мирного договора. Они составят основу кодекса всемирно-гражданского права, который позволит всем людям считать себя гражданами общечеловеческого государства. Для этого необходимо:

1) привести устройство государств, вошедших в союз, к республиканской форме правления;

2) основать международное право на принципе федерализма свободных государств. Каждый народ в целях своей личной безопасности должен требовать от другого совместного вступления в сообщество, подобное гражданскому, где всем должны быть обеспечены их права. «Это был бы *союз народов*, который, однако, не должен быть государством народов»¹⁷ (Кант, 2003, с. 213—214);

17

...Должен существовать особого рода союз, который можно назвать *мирным союзом* и который бы отличался от *мирного договора* тем, что последний стремится положить конец лишь одной войне, тогда как первый — *всем* войнам и навсегда... Можно показать осуществимость (объективную реальность) этой идеи *федерации*, которая должна охватить постепенно все государства и привести таким путем к вечному миру. Если бы какому-нибудь могучему и просвещенному народу выпало счастье образовать республику (которая по своей природе должна тяготеть к вечному миру), то она явилась бы центром федеративного объединения других государств, которые примкнули бы к ней... (Кант, 2003, с. 214—215).

Тезис Канта о подражании одних народов другим — достигшим «единственного правомерного государственного устройства», то есть счастья, поддерживает Фихте (Фихте, 2003, с. 249).

3) всемирно-гражданское право должно быть ограничено условиями всемирного радушия:

...*радушие* означает право каждого чужака на то, чтобы тот, в чью землю он прибыл, не обращался бы с ним как с врагом... Это еще не право быть гостем, на что может претендовать каждый (для такой цели необходим особый благотворительный договор, который делал бы его на определенное время членом дома), но лишь *право посещения*, принадлежащее всем людям в силу права общего владения земной поверхностью... (Кант, 2003, с. 216)¹⁸.

В последней идее прослеживается понимание философом того, что развитие человечества немислимо без свободы передвижения. Желание этой свободы и необходимость постоянно отстаивать ее из-за стремления диктаторских и авторитарных режимов «закрыть» свои государства от мира, сделав граждан заложниками собственной политики, порождает такое явление, как народная дипломатия. Тесное общение народов между собой, ежедневно создающее тысячи связей, оказывающихся порой гораздо более прочными и длительными, чем межгосударственные отношения, не менее важно, чем дипломатические контакты.

Таким образом, мы видим, что проект Канта был действительно новаторским по многим позициям. В нем развиты идеи

¹⁸ В идее «всемирного радушия», как и во всей философии Канта, ощущается нравственное влияние его родителей, придерживавшихся пиетизма (от лат. *pietas* — благочестие) — мистического течения, ставившего, в пику официальному протестантизму, религиозные чувства выше догматов религии. Для Канта не являлась умозрительным постулатом и свобода передвижения. Его предки с отцовской стороны были шотландцами. Дед в конце XVII века переселился в прусский г. Тильзит. Отец — Иоганн Георг — даже писал свою фамилию на шотландский манер (*Cant*, а не *Kant*). «Так подписывался первоначально и сам философ, но, заметив, что некоторые немцы произносят его фамилию неправильно (*Цант* вместо *Кант*), усвоил немецкую орфографию» (Филиппов, 1996, с. 299—300).

международного федерализма и правового государства, возникшие в работах Бентама и Руссо. Указаны важные вехи на пути политического, экономического и идеологического реформирования общества с целью движения к идеалу — возвышению человеческой личности и достижению общего блага. Республиканская форма правления, как ее понимал Кант, развитие торговли и финансовой системы, создание гражданского общества — всё это этапы пути Европы в будущее. Идея о союзе народов, созданном с помощью всемирно-гражданского права, является крупным вкладом в обсуждение вопроса о соотношении полномочий международной организации и суверенитета государств. Не менее важны предложения о создании экспертного сообщества ученых, независимого, насколько возможно, от государственных структур, гласного обсуждения насущных проблем, свободного передвижения людей по миру, народной дипломатии и т. д. Читателя привлекает оптимизм Канта, порожденный верой в нравственное улучшение человечества, постепенно освобождающегося от злых черт своей натуры¹⁹. Европейские политики первой половины XIX века, в том числе российские императоры Александр I и Николай I, осмысливали и использовали отдельные элементы учения Канта²⁰. В то же время следует обратить внимание на идеа-

¹⁹ По словам современного ученого — сотрудника университета, носящего имя Канта,

...идеал общественного устройства у Канта всегда возможен, но у нас нет полной уверенности в том, что мы его осуществим: например, если человечество не сумеет пресытиться войнами, то его ожидает вечный мир на всеобщем кладбище (Луговой, 2011, с. 104).

²⁰ Здесь можно указать на следующие примеры влияния просветительской философии, в том числе идей Канта, на членов российского царствующего дома. Александр, наследник престола, в письме своему бывшему воспитателю, швейцарцу Ф. С. Лагарпу (1754—1838), 27 сентября 1797 года пишет, что ему следует отказаться от прежних мечтаний об оставлении отечества и что, если когда-либо придется царствовать, он должен поработать над дарованием стране свободы:

лизм и в некоторых случаях двойственность взглядов ученого²¹, что отразилось на всем дальнейшем развитии европейской философии конца XVIII — начала XIX века²² (Богомолов,

Мне кажется... что это было бы лучшим видом революции... Когда придет моя очередь, нужно будет стараться образовать, само собой разумеется, постепенно народное представительство, которое, надлежащим образом руководимое, составило бы конституцию, после чего моя власть совершенно прекратилась бы (Семевский, 2008, с. 343—344).

По воспоминаниям одной из дочерей Николая I Ольги Николаевны (1822—1892), император при встрече в Палермо в 1845 году с неаполитанским королем Фердинандом II (1830—1859), приверженцем неограниченной монархии, в ответ на абсолютистские заявления последнего «сказал ему, что считает себя первым слугой своего государства и для него [существует] прежде всего долг, а потом уже собственные удобства и развлечения. Он [Фердинанд] был очень смущен и признался, что был воспитан в ложных идеях и ложных представлениях» (Сон юности ... 2000, с. 311—312).

Граф П. Д. Киселёв (1788—1872) вспоминал, что император не любил конституционной монархии, примеры которой видел во Франции и сам определенное время вынужден был мириться с конституционным строем Царства Польского. Он говорил Киселёву:

Я понимаю, что такое монархическое и республиканское правление, но я не могу взять в толк, что такое конституционное правление: это непрерывное жонглирование, для осуществления коего нужен фокусник (Записка графа ... 2000, с. 529).

²¹ См. противоположное мнение:

Проект Канта имеет и то преимущество пред другими, что он нигде не противоречит самому себе, и с точки зрения логики представляется поэтому возможным. Многие же другие проекты этим достоинством... не обладают (Лодыженский, 1880, с. 172).

Хотя автор признает, что «мысли, высказанные Кантом, имеют... практическое значение, но не для достижения вечного мира».

²² Исследователь рассматривает влияние Канта на развитие немецкой, французской и английской философии:

...история кантианства — это история того, как сами сторонники Канта натываются на некоторые из противоречий кантовской системы и пытаются их устранить и тем самым установить "истинное" значение философии Канта (Богомолов, 1978, с. 98).

1978, с. 97—154). Как отмечал русский дореволюционный исследователь А. С. Яценко, теории Руссо, Канта и Фихте — это наиболее типичные построения идеалистического международного федерализма:

...целью в них являлось не общество, не союз, а индивид, автономная личность, обладающая природным естественным правом свободы. <...> Во всем идеалистическом федерализме... было коренное противоречие: или эта доктрина должна была твердо стоять на индивидуалистическом принципе, и тогда трудно обосновать всемирную организацию; или начало всеобщности провозглашается нетерпящим возражений императивом, и тогда, вернувшись к стоическим традициям, нельзя обосновать федерализма, а лишь всемирное государство²³ (Яценко, 1908, с. 325—326).

Список литературы

Богомолов А. С. Кант, кантианство и европейская философия XIX в. // Кант и кантианцы : критические очерки одной философской традиции / отв. ред. А. С. Богомолов. М., 1978.

Брикнер А. Г. Смерть Павла I / сост. В. И. Семевский. М., 2008.

Гердер И. Письма о поощрении гуманности // Трактаты о вечном мире / сост. И. С. Андреева, А. В. Гулыга. СПб., 2003.

²³ А. Н. Лодыженский считал, что предложения Канта

...едва ли... осуществимы на практике во всем совершенстве и полноте. Многие из того, о чем мечтал Кант, получило уже применение в жизни; а войны все продолжают. При представительной форме правления войны, без сомнения, не могут быть объявлены с такою легкостью, как при господстве абсолютизма; но и жизнь конституционных государств также подвержена иногда болезненным экономическим или политическим процессам, которые, как явления ненормальные, и последствия могут иметь ненормальные, а в числе их войну. Кант опустил это обстоятельство из виду. Он мечтал о таком государственном устройстве, которое всегда и везде соответствовало бы потребностям народа, и потому было бы всегда и везде прочно. При этом условии вечный мир, конечно, мог бы быть осуществлен весьма легко (Лодыженский, 1880, с. 172).

Вилерс К. Еммануил Кант / пер. с фр. // Санкт-Петербургский журнал. 1804. № 10 (октябрь) : Второе отделение. С. 125—135.

Записка графа Киселёва о государе Николае Павловиче // Николай I. Муж. Отец. Император / сост. Н. И. Азарова. М., 2000.

Зубов В. П. Император Павел I [: человек и судьба] / пер. с нем. В. А. Семёнова. СПб., 2007.

Каменский З. А. И. Кант в русской философии начала 19 века // Вестник истории мировой культуры. 1960. № 1. С. 49—64.

Кант И. К вечному миру // Трактаты о вечном мире / сост. И. С. Андреева, А. В. Гулыга. СПб., 2003.

Карамзин Н. М. Кантова философия во Франции // Вестник Европы. 1802. № 6. С. 138—139.

Лодыженский А. Н. Проекты вечного мира и их значение. М., 1880.

Луговой С. В. Влияние кантовской философии на становление марксистской концепции практики // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. 2011. Вып. 12.

Пытин А. Н. Русские отношения Бентама // Вестник Европы. 1869. Т. 1, кн. 2.

Семевский В. И. Послесловие к первому изданию // Брикнер А. Г. Смерть Павла I / сост. В. И. Семевский. М., 2008.

Сон юности. Воспоминания великой княжны Ольги Николаевны. 1825—1846 // Николай I. Муж. Отец. Император / сост. Н. И. Азарова. М., 2000.

Филиппов М. М. Кант. Его жизнь и философская деятельность // Сенека. Декарт. Спиноза. Кант. Гегель. Биографические повествования / сост. Н. Ф. Болдырев. Челябинск, 1996.

Фихте И. К вечному миру. Философский проект Иммануила Канта // Трактаты о вечном мире / сост. И. С. Андреева, А. В. Гулыга. СПб., 2003.

Хёйзинга Й. Homo Ludens // Человек играющий : ст. по истории культуры / сост. Д. В. Сильвестров. М., 2003.

Яценко А. С. Международный федерализм. Идея юридической организации человечества в политических учениях до конца XVIII века. М., 1908.

Об авторе

Александр Анатольевич Орлов — доктор исторических наук, профессор кафедры зарубежной истории Московского государственного гуманитарного университета им. М. А. Шолохова, e-mail: arkigolkin@yandex.ru

А. И. Троцак

**И. Кант и его трактат «К вечному миру»:
исторические предпосылки
и философские основания**

Век Просвещения обычно называют веком разума. Однако «разум века Просвещения» с его наукой, атеизмом и верой в человека породил в XVIII веке Французскую революцию, в рамках которой правящая верхушка, несмотря на выдвигаемые идеалы либерализма, проводила колониальную политику, ознаменовав конец столетия войнами с Австрией, Англией, Италией и оккупацией Египта.

Трактат Канта «К вечному миру» вышел в свет в 1795 году и завоевал славу еще при жизни философа. Облегченный язык (по сравнению с «Критикой чистого разума») не мог не понравиться публике (работа несколько раз переиздавалась в Париже и Берне), а актуальная тема была значимой для каждого человека, который хоть немного думал о политических событиях, происходивших в Европе.

Интерпретация первая: трактат стал развитием и сосредоточением (по крайней мере, по форме) философского метода Канта.

Уже по содержанию трактата можно заключить, что на всем его протяжении Кант пытается решить ряд выдвигаемых дилемм, синтезируя тезис и антитезис, вырабатывая в конце концов требуемое решение. В структуре произведения виден синтетический метод: два раздела и два дополнения к ним. Она вполне отражает метод составления Кантом других своих трудов: раздел — общее примечание («Метафизические начала естествознания», 1785); раздел — книга — момент — общее примечание («Критика способности суждения», 1790); часть — раздел — общее замечание («Религия в пределах

только разума», 1793); в «Метафизике нравов» видна более усложненная структура: часть — глава — раздел — добавочный раздел — приложение. Особую (если не основополагающую) роль играют приложения, в которых делаются предположения о возможности вечного мира, основывающиеся на решении спора между моралью и политикой. Если разделы передают содержание проблемы, то в приложениях дается ответ на главный вопрос работы.

При интерпретации сочинения как проявления формы синтетического метода Канта исчезают многие вопросы, которые возникают по поводу его структуры, о которых говорит А. Вуд (1997, с. 8). Получается, что весь трактат разворачивается перед читателем по следующей схеме: тезис – антитезис (разделы) = синтез (приложения), где разделы служат средством к получению ответа, выступающего в качестве цели. Такая структура подчинена телеологическому методу — одному из отличительных признаков Кантовой философии. Интерпретация телеологического метода основательно показана Л. А. Калининским (1998, с. 32).

Интерпретация вторая: трактат возник как политико-философская оппозиция Канта современной ему власти.

В предисловии к «Вечному миру» Кант иронически просит читателя быть благосклонным к автору работы и называет главную цель своего трактата (разрешение спора между политиком-теоретиком и политиком-практиком) спасительной оговоркой (*clausula salvatoria*) (Кант, 1966б, с. 259; АА, VIII, S. 343). С чем связано это словесное употребление? Тем более что в оригинальном тексте стоит только латинское выражение, без перевода на немецкий. *Clausula salvatoria* упоминается в Уголовном уложении императора Карла V, являвшемся в Восточной Пруссии вплоть до XVIII века единым сводом законов, основанных на римском праве. Это *Constitutio Criminalis Carolina* было издано через семь лет после Крестьянской войны (1524—1526). И Кант, как теоретик права, должен был знать об этом кодексе, поэтому мог вполне употребить выражение *clausula salvatoria* как устойчивое, которое в законе обозначало право князей и курфюрстов «в разумных пределах» само-

стоятельно вершить суд и выступать в качестве судей (Каролина). Кант же понимал эту оговорку как право на собственную гласность и уход от давления властей, которые с 1788 года ввели в действие религиозный эдикт, запрещающий публиковать все то, что не согласовывалось с идеями церковного катехизиса. Биограф Канта Боровский описывает злополучную историю отказа издателя в публикации второй статьи «Религии в пределах только разума». Тогдашний министр Вёльнер (автор эдикта) и его советники Гильмер, Вольтерсдорф и Гермес контролировали в целом процесс образования в Восточной Пруссии. От последнего из них Канту пришла записка, которая запрещала публикацию статьи со ссылкой на эдикт (Wogowski, 1910, S. 104). Философу все же удалось опубликовать «Религию в пределах...» в Йене, однако свое недовольство замечанием Вёльнера Кант выразил в предисловии к «Спору факультетов» (1798):

Я... в своих сочинениях... никогда не подрывал устои официальной религии страны... упомянутая книга совершенно не пригодна для этого, а является, напротив, непонятным и недоступным публике сочинением... Далее я доказал свое большое уважение к библейскому вероучению в Христианстве, воздав, в частности, хвалу Библии как наилучшему из имеющихся средств публичного воспитания религиозности... (Кант, 2002, с. 32, 36; AA, VII, S. 7, 9).

Исходя из непростых взаимоотношений с властями, Кант уже в предисловии «К вечному миру» называет себя лишь теоретиком, надеясь на то, что его не обвинят в разжигании спора в политике.

Интерпретация третья: трактат стал ответом на вызов исторической ситуации XVIII века.

У многих исследователей философии Канта, к сожалению, нельзя найти ясного объяснения, как связан Базельский мир и трактат «К вечному миру» Канта. А. Гулыга, например, просто констатирует то, что Кант откликнулся на Базельское соглашение этой работой (Гулыга, 1981, с. 235). Наверное, такое недо-

статочное внимание связано с тем, что Канта не воспринимают как политического деятеля. По этому поводу Ф. Гаузе замечает: «Кант не был политиком в сегодняшнем смысле слова и не мог быть таковым в своем государстве, где существовала политическая связь короля и министра» (Gause, 1974, S. 51).

Канта как мыслителя той эпохи не могло не волновать происходящее во Франции, хоть он и не участвовал прямо в управлении своей страны (если мы слово «политик» понимаем в современном смысле), но влияние его как философа было велико. Биограф Яхман свидетельствует:

Во время Французской революции я восторгался богатым содержанием и многосторонностью его бесед. Это великое событие занимало его душу настолько, что он даже в обществе почти всегда возвращался к политике (Jachmann, 1910, S. 179—180).

Итак, 1795-й — год подписания мирного договора между контрреволюционной Пруссией и республиканской Францией. Мир был «выгоден» обим сторонам. Франция ликвидировала своего соперника, а Пруссия смогла сохранить свои силы для борьбы с зачатками революционного движения в своей стране (восстания уже были подавлены в районе Магдебурга в 1794 году и в Силезии, где бастовали ткачи). Генерал Манштейн 4 сентября 1793 года писал Мёллендорфу о том, что надо «с честью выйти из самой позорной войны... и извлечь бóльшую пользу» (Хольцапфель, 1988, с. 159). Соглашение было подписано в Швейцарии 5 апреля 1795 года. Этим же годом выходит трактат Канта. Думаю, что разделение Кантом своего трактата на прелиминарные и окончательные статьи свидетельствует об его осведомленности о содержании соглашения. Тем самым философ в своей работе как бы обыгрывает статьи договора, прямо на них не ссылаясь, но постоянно имея их в виду. Например:

1. Базельское соглашение предусматривало выплату Пруссии компенсации за утрату левого берега Рейна. У Канта по этому поводу находим: «Ни одно самостоятельное государст-

во <...> ни по наследству, ни в результате обмена, купли или дарения не должно быть приобретено другим государством» (Кант, 1966б, с. 260; АА, VIII, S. 344).

2. Базельское соглашение включало тайную статью о разделе Польши на взаимовыгодных условиях (Хольцапфель, 1986, с. 166). Кант в пятой прелиминарной статье договора о вечном мире указывает: «Ни одно государство не должно насильственно вмешиваться в политическое устройство и управление другого государства» (Кант, 1966б, с. 262; АА, VIII, S. 346).

3. Базельский мир был компромиссом, над которым висел дамоклов меч: Франция хотела ослабить Пруссию, а Пруссия потеряла авторитет у своей коалиции, подписав пакт. Общее настроение этого мира выразилось в 1796 году, когда в журнале Архенгольца «Минерва» 28 августа было напечатано следующее сообщение: «Война закончена, а сохраненный мир скорее оказывается полной противоположностью окончательному (миру. — А. Т.)» (Хольцапфель, 1988, с. 23). У Канта первый пункт прелиминарной статьи гласит: «Ни один мирный договор не должен считаться таковым, если при его заключении сохраняется основа новой войны» (Кант, 1966б, с. 260; АА, VIII, S. 343).

Все прелиминарные статьи Канта отсылают к мирному соглашению — при такой исторической интерпретации исчезает всякая загадочность текста. Однако, создавая этот трактат, философ не был первым, кто высказывался по поводу вечного мира. До кёнигсбержца такие попытки были, и Кант вынужден был с ними считаться.

Другие проекты «вечного мира», до 1795 года включительно, в сравнении с Кантовым

Для наглядности приведем ниже таблицу проектов «вечного мира», в которой отражена зависимость создания работы от исторических условий времени и средства достижения мира между народами.

Таблица 1

Автор	Название трактата	Дата создания	Политический повод	Средства достижения мира
Эразм Роттердамский (1466—1536)	«Жалоба мира»	1517	Религиозные распри между конфессиями, Итальянские войны (1494—1559)	1. Потенция мира скрыта внутри самой природы (Роттердамский, 1963, с. 41) 2. Устранение волонтаризма тиранов путем очищения от злых помыслов (Роттердамский, 1963, с. 48) 3. «Иногда мир может быть куплен» (Роттердамский, 1963, с. 54)
Ян Амос Коменский (1592—1670)	«Всееленский совет об исправлении человеческих дел»	Начат в 1645	Религиозные распри между христианами; Международная конференция в Бреде (1668)	1. Единство (всеобщая забота о всеобщем спасении) (Коменский, 1997, с. 257) 2. Простота (Божественное присутствие в человеке) (Коменский, 1997, с. 260) 3. Добровольность («Нашим способностям подвластно все, что дано нам сделать в этом мире») (Коменский, 1997, с. 261)
Уильям Пенн (1644—1718)	«Опыт о настоящем и будущем мире в Европе»	1693	Война между Францией и Аугсбургской лигой (с 1688)	1. «Вера в тысячелетнее царство Христа» (Пенн, 1963, с. 83) 2. «Правительство является... орудием справедливости и мира» (Пенн, 1963, с. 87) 3. Создание Верховной ассамблеи, которая будет разрешать конфликты с помощью права (Пенн, 1963, с. 88)

Шарль-Ирине де Сен-Пьер (1658—1743)	«Проект вечного мира в Европе»	1719—1717	В 1713 г. был подписан «Спасительный мир» в Утрехте как результат войны Франции с европейскими державами за испанский престол	1. Создание конфедерации (с единой религией, правом, торговлей) (Сен-Пьер, 1963, с. 109) 2. Установление единой системы публичного права (Сен-Пьер, 1963, с. 114) 3. Создание единой армии, которая будет направлена против любого государства, подвергнутого санкциям (Сен-Пьер, 1963, с. 122)
Жан Жак Руссо (1712—1778)	«Суждение о вечном мире»	1756	Ахенский мир (1748) как результат войны между Францией и Англо-австрийским союзом за австрийское наследство	1. Создание Европейской республики путем революции (Руссо, 1969, с. 142) 2. Сумма частных интересов должна быть тождественна общим (Руссо, 1969, с. 146)

То, что состояние мира должно быть установлено разумом в рамках гражданского устройства, можно найти почти у всех приведенных в таблице предшественников Канта. Главным отличием становится идея первоначальности людского антагонизма (необщительной общительности), постоянно угрожающая обществу разъединением (Кант, 1966а, с. 11; АА, VIII, S. 20), поэтому должно быть установлено государственное устройство (для Канта, Руссо и Сен-Пьера — республика), имеющее своим началом общественный договор, основанный на идее представительной демократии.

Кант отдает предпочтение единственной форме правления — республике (где законодательная власть отделена от исполнительной). Понятие демократии он использует в негативном смысле и называет ее деспотизмом, «так как она устанавливает такую исполнительную власть, при которой все решают об одном... (который, следовательно, не согласен), стало быть, решают все, которые, тем не менее, не все, — это противоречие общей воли с самой собой и со свободой» (Кант, 1966б, с. 270; АА, VIII, S. 352). Однако Канту приходится идти на уступки — признать правление своего современника Фридриха II почти республиканским, что является, скорее всего, неизбежной уступкой власти. Эту неизбежность в 1899 году доцент Московской духовной академии П. В. Тихомиров трактовал в защиту самодержавия Николая II, который, в отличие от европейских правителей, первым предложил идею всеобщего разоружения, впоследствии ставшей причиной Гаагской конференции 1898 года (Тихомиров, 1899, с. 23). Еще раз следует подчеркнуть, что кантовский принцип республиканизма, основанный на всеобщей воле, противоречит всякому государственному устройству, базирующемуся на единоличном правлении. Поэтому оговорка Канта скорее носит политический, нежели философский характер. Если для государства оптимальным устройством является республика, то какое устройство должен иметь союз государств, готовых идти к вечному миру?

Тихомиров упрекает Канта за то, что республика не в состоянии дать реальную гарантию всеобщего мира — в ней нет механизма, способного контролировать как отдельное государство,

так и союз: «...ведь достигает же иногда своей цели так называемый европейский "концерн" великих держав — путем угроз и давления, практикуемых в отношении второстепенных государств и некультурных народов» (Тихомиров, 1899, с. 31). Замечание Тихомирова правомерно в том плане, что не ясна идея Канта, какой же союз должен существовать между государствами? В «Метафизике нравов» философ пишет: «...этот союз должен быть не суверенной властью (как в гражданском устройстве), а лишь товариществом (федерацией), союзом, который в любое время может быть расторгнут и, стало быть, должен время от времени обновляться» (Кант, 1965б, с. 271; AA, VI, S. 344). При таком свободном союзе (основанном на нравственном принципе) исчезает возможность с помощью армии подавлять второстепенные страны, как настаивает Тихомиров, ведь пока механизм давления существует, по Канту, мир оказывается невозможным.

Идея мирного союза оспаривается до сих пор, вследствие того что сам Кант не указал реальные механизмы, как построить союз. Кораб-Карпович упрекает Канта за идею международной анархии, при которой нет строгих правил, как удерживать союз государств от распада и бороться против возможного передела власти, то есть против возможной войны. Кант боялся, по его мнению, того, что при установлении такого строгого порядка утратится идея республиканизма (Korab-Karpowicz, 2005, p. 83). Л. Пойман тоже говорит о слабости утверждаемого Кантом свободного союза государств, так как реальной защиты своих прав в таком государстве человек не может получить без наличия постоянной армии, налоговых органов, центральной службы, проповедующей вечный мир, службы по созданию международного права (Pojman, 2005, p. 68). Таким образом, Пойман предлагает мягкий гоббсианский вариант межгосударственного союза и утверждает, что только при такой политической структуре возможна реализация идеи союза государств, предлагаемой Кантом (Pojman, 2005, p. 62).

Вопрос организации международного союза — важный вопрос, однако его не решить без учета идей, развитых Кантом в приложении к своему трактату, ведь именно там кроется основная причина, из-за которой до сих пор не был образован

этот союз и не достигнут вечный мир: спор между самими участниками международных отношений, а именно между политическим моралистом и моральным политиком.

***Pro et contra: какие существуют условия
для моральной политики?***

Причин спора между моралью и политикой объективно не существует. Так полагает Кант. Если мы придерживаемся принципа автономии морали и ее основного закона (категорического императива), то вечный мир будет тождественен царству целей, где действует всеобщий принцип нравственности (Кант, 1965в, с. 275; AA, IV, S. 433). В таком случае институт права становится вовсе ненужным, ведь если всё совершаемое людьми морально, то запрещать нечего, а наказывать некого. Однако в реальном мире дело обстоит не так: принцип автономии не реализуется как всеобщий, и человек подчас полагается не на разум, а на склонности, побуждающие его к действию. Так же поступает политический моралист — отличие только в том, что его мотивы заранее могут быть злыми и он осознанно может идти на безнравственный поступок. Кант обобщает максимы политического моралиста в виде трех выражений на латинском языке (табл. 2).

Таблица 2

Латинское выражение	Содержание
<i>Fac et excusa</i> (Действуй и будешь прощен)	«Не упускай удобного случая для самовластного захвата (права государства либо над своим народом, либо над соседним). Гораздо проще... приукрасить насилие задним числом» (Кант, 1966б, с. 295; AA, VIII, S. 374)
<i>Si fecisti, nega</i> (Если сделал, то отрицай)	«Совершив преступление... утверждай, что в этом виновата строптивость подданных...» (Кант, 1966б, с. 295; AA, VIII, S. 374)
<i>Divide et impera</i> (Разделяй и властвуй)	«Поссорь их между собой и разъедини их с народом, заступись затем за народ, соблазняя его бóльшей свободой...» ¹ (Кант, 1966б, с. 295; AA, VIII, S. 375)

¹ Формула, которой руководствовался римский сенат в период колонизаций, также приписывается французскому королю Людовику XI.

Максимы, приведенные в таблице 2, показывают лишь субъективный интерес государства (правительства) — без учета интересов всего человечества. Любая субъективная максима не может стать моральным законом, если она не удовлетворяет трем главным требованиям, которые предъявляет Кант:

- автономия — «Основы метафизики нравственности»: «...[следует] выбирать только так, чтобы максимы, определяющие наш выбор, в то же время содержались в нашем волеии как всеобщий закон» (Кант, 1965б, с. 283; АА, IV, S. 440);

- высшее благо — «Критика практического разума»: «...добродетель и счастье вместе составляют обладание высшим благом в одной личности, причем счастье распределяется в точной соразмерности с нравственностью (как достоинством и ее достоинством быть счастливой)» (Кант, 1965а, с. 441; АА, V, S. 110);

- всеобщность воли — «Метафизика нравов»: «Всеобщая воля народа объединилась в общество, которое должно постоянно себя поддерживать и для этого подчиняться внутренней государственной власти» (Кант, 1965б, с. 249; АА, VI, S. 326).

Если бы политический моралист придерживался вышеуказанных принципов, то спора между политикой и моралью не возникло бы. Философ-реалист может в таком случае, отталкиваясь от действительности, задать закономерные вопросы: почему, если есть возможности для вечного мира, он не осуществлен до сих пор? если природа как система целей «желает», чтобы человек стал добр, то почему чувственная часть человека (склонности, страсти) воспринимается Кантом как гетерономная, если она и есть признак присутствия природы в человеке? Эти вопросы и многие другие все еще актуальны. Кант сам видел все эти трудности и в трактате «К вечному миру» говорит об этом с душевным трепетом: «...это противоречие (между политикой и моралью. — *A. T.*) остается и может оставаться всегда, потому что оно есть оселок добродетели, истинная сила которой... состоит... в том, чтобы смело взглянуть в глаза гораздо более опасному, лживому, предательскому, хотя и мудрствующему, злему принципу в нас самих...» (Кант, 1966б, с. 300—301; АА, VIII, S. 379).

Список литературы

Вуд А. «Вечный мир» после двух столетий // Кантовский сборник. 1997. Вып. 20. С. 3—15.

Гулыга А. Кант. М., 1981.

Залызина Т. В., Брюшинкин В. Н. Нравственность и культура: размышление на тему... // Кантовский сборник. 1988. Вып. 13. С. 81—88.

Калинников Л. А. Категорический императив и телеологический метод // Кантовский сборник. 1988. Вып. 13. С. 25—38.

Калинников Л. А. Кант в русской философской культуре. Калининград, 2005.

Кант И. Идея всеобщей истории во всемирно-гражданском плане // Соч. : в 6 т. М., 1966а. Т. 6.

Кант И. К вечному миру // Там же. 1966б.

Кант И. Критика практического разума // Там же. 1965а. Т. 4, ч. 1.

Кант И. Метафизика нравов // Там же. 1965б. Т. 4, ч. 2.

Кант И. Основы метафизики нравственности // Там же. 1965в. Т. 4, ч. 1.

Кант И. Спор факультетов. Калининград, 2002.

Каролина: уголовно-судебное уложение Карла V // Сайт студентов и выпускников юридического факультета СПбГУ. URL: <http://www.law-students.net/modules.php?name=Content&pa=showpage&pid=298&page=1%7СКаролина> (дата обращения: 18.11.2012).

Коменский Я. А. Вселенский совет по исправлению человеческих дел // Сочинения. М., 1997. С. 177—403.

Новгородцев П. И. Нравственная проблема в философии Канта. М., 1903.

Пенн В. Опыт о настоящем и будущем мире в Европе // Трактаты о вечном мире. М., 1963. С. 82—107.

Росси Ф. Д. Общность республик по законам добродетели: гарантия вечного мира? // Кантовский сборник. 1997. Вып. 20. С. 55—65.

Роттердамский Э. Жалоба мира // Трактаты о вечном мире. М., 1963. С. 39—66.

Руссо Ж.-Ж. Суждение о вечном мире // Трактаты. М., 1969. С. 142—151.

Сен-Пьер Ш. И. де. Избранные места из проекта вечного мира // Трактаты о вечном мире. М., 1963. С. 107—138.

Симоне М. Р. ди. Право // Мир Просвещения : исторический словарь. М., 2003. С. 142—152.

Судаков А. К. Абсолютная нравственность: этика автономии без-условной воли. М., 1998.

Тихомиров П. В. Вечный мир в философском проекте Канта. Сер-гиев Посад, 1899.

Хольцманфель К. К предыстории Базельского мира 1795 // Фран-цузский ежегодник. 1986. М., 1988. С. 151—171.

Borowski L. E. Darstellung des Lebens und Charakters Immanuel Kants // Immanuel Kant. Sein Leben in Darstellungen von Zeitgenossen. Berlin, 1910. S. 33—115.

Gause F. Kant und Koenigsberg. Oldenburg, 1974.

Jachman R. B. Immanuel Kant geschieldert in Briefen... // Immanuel Kant. Sein Leben in Darstellungen von Zeitgenossen. Berlin, 1910. S. 119—212.

Korab-Karpowicz W. J. A global authority — classical arguments and new issues // Theoria. 2005. Apr. P. 81—92.

Pojman L. P. Kant's perpetual peace and cosmopolitanism // Journal of social philosophy. 2005. Vol. 36, Nr 1. P. 62—71.

Scheel H. Zur Frage des Charakters der Franzoesischen Kriege // Zur Frage des Charakters der Franzoesischen Kriege. Berlin, 1958.

Yovel Y. Kant & Philosophy of history. Princeton, 1980.

Об авторе

Алексей Иванович Троцак — кандидат философских наук, стар-ший научный сотрудник Института Канта Балтийского федерально-го университета им. И. Канта, e-mail: aleksei_trocak@mail.ru

Я. Шчепаньский

Вечный мир: философская шутка или серьезный проект?

Название «вечный мир» отсылает к надписи на вывеске датского трактирщика, на которой изображено кладбище. Этот сатирический прием привел меня к вопросу: не смеялся ли ав-тор над своим читателем?

© Шчепаньский Я., 2013

© Зильбер А. С., перевод, 2013

Вот два вероятных ответа, первый — чисто практический: высмеивая эту идею, автор предусмотрительно делает спасительную оговорку, отводящую от него гнев политиков за его проект.

Второй возможный ответ следующий: эта шутка может быть осознанной попыткой способствовать тому, чтобы текст дошел до восприятия тех читателей, которые реально творят историю; по мнению Канта, эти люди не политики.

Целевая аудитория текста Канта — «наблюдатели», иными словами, публика, которая в противоположность политикам, принимающим во внимание только реальность, готова воспринять проект трансформации, нацеленный на достижение такого радикального идеала, как вечный мир. Если допустить, что проект Канта должен быть выполнен «наблюдателями», а не «деятелями» — политиками, вопрос остается. Является ли вечный мир проектом, который все-таки можно реализовать эффективно, и каков смысл такого проекта?

Вечный мир не та цель, которая несет узко специфический кантовский смысл. Смысл действий, создающих основу для любых политических структур, — установление мира. Кант распространяет этот подход на уровень международных отношений. Он предполагает, что выход кого-либо из состояния природы аналогичен пути тех людей, которые остаются в естественном состоянии войны: должны появиться стандарты управления взаимоотношениями, то есть закон.

Однако мы не можем как практически достичь вечного мира, так и убедительно доказать, что он недостижим. Вечный мир в общем и целом поэтому следует понимать как некое практическое по сути предположение, допущение. Это допущение, не связывающее нас моральными обязательствами, мы должны постараться сделать истинным.

Перевод с английского А. С. Зильбера

Об авторе

Якуб Шчепаньский — доцент кафедры истории философии Ягеллонского университета в Кракове, e-mail: jakub.szczepanski@uj.edu.pl

**МИРНЫЙ ПРОЕКТ
В ИСТОРИИ ФИЛОСОФИИ
XIX—XX ВЕКОВ**

А. Ю. Дудчик

Гегелевская критика проекта вечного мира

Влияние кантовских идей на философию Г. Гегеля, несомненно, велико. Как явная, так и скрытая полемика со взглядами И. Канта (одновременно с их дальнейшей разработкой, развитием) характерна для самых разных областей гегелевской философии, в том числе и для его концепции государства и права. Существенную роль в последней играет критический анализ кантовского проекта «вечного мира».

Наиболее полно гегелевская критика проекта вечного мира изложена в его «Философии права». В работе дается критический разбор кантовской концепции (§ 259, 324, 333). При этом, анализируя кантовскую идею вечного мира, Гегель не критикует ее как идеалистическую, и даже не отрицает саму ее возможность. Он отмечает с неизбежностью относительный характер этой идеи, так как она «предполагает согласие государств, которое исходило бы из моральных, религиозных или любых других оснований и соображений, вообще — всегда из особенной суверенной воли, и вследствие этого оставалось бы зависимым от случайности» (Гегель, 1990, с. 366—367). Подобная позиция во многом является следствием понимания оснований международного права, которое имеет относительный и изменчивый характер. Поэтому достаточно часто гегелевскую позицию в области международного права характеризуют как «реалистическую». Не случайно американские исследователи Р. Палан и Б. Блэр (Палан, 2005) говорят о немецком идеализме, и о философии Гегеля в особенности, как о своеобраз-

разном идейном предвосхищении политологической школы реализма, занимавшейся теорией международных отношений. Представители реализма (Г. Моргентау, Дж. Кеннан, З. Бжезинский, У. Ростоу, С. Хантингтон) исходят из приоритета интересов того или иного государства и полагают, что конфликты между странами неминуемы. Здесь надо сказать, что, несмотря на определенное сходство воззрений Гегеля и представителей школы политического реализма, есть и значительные различия в понимании ими сущности государства и конфликтов между государствами. Так, немецкий исследователь А. Херберг-Рёте, сравнивая гегелевское понимание войны с пониманием К. Клаузевица (как еще одного «реалиста») и находя в них много общего, называет и принципиальное различие. Он пишет, что «гегелевское понимание государства через самосознание свободы и закона через реализацию свободы противоположно концептуализации политики как силы и власти... Гегель утверждает, что сила вовсе не является основанием закона; она — исходная точка, внешняя по отношению к государству, но не его сущностный принцип» (Herberg-Rothe, 2007, p. 150). Х. Оттманн также подчеркивает, что Гегеля нельзя причислить к политическим реалистам: «...гегелевский политический реализм — реализм другого рода... он следует из самой сути гегелевской философии» (Ottmann, 2007, s. 28).

При этом война понимается Гегелем как весьма существенный и даже необходимый момент межгосударственных взаимоотношений. Эта особенность гегелевского взгляда на проблему войны зачастую вызывала разного рода нарекания, а иногда и обвинения его в апологетике войны. Следует отметить, что вся гегелевская философия проникнута духом борьбы и противоречия, а его диалектический подход к изучению самых разных проблем — одна из существенных особенностей этой философии. Гегелевскую диалектику можно рассматривать как своего рода стратегию понимания исторических конфликтов и трансформаций. С этой точки зрения диалектика выполняет важные эпистемологические задачи и, по словам американской исследовательницы А. Нуццо, ее можно

считать «ключом к пониманию гегелевской герменевтики истории» (Nuzzo, 2008, p. 21). Постулирование наличия, неизбежности и значимости борьбы и противоречия во всех сферах, в том числе и в отношениях между государствами — неотъемлемая черта гегелевской философии. Поэтому, несмотря на всю свою деструктивность, война, по мнению Гегеля, имеет и определенные положительные, и даже нравственные, следствия (в чем проявляется пресловутая «хитрость мирового разума»). Добавим, что гегелевские идеи о значимой роли войны в конституировании современного государства созвучны позициям известных современных исследователей Ч. Тилли (Тилли, 2009) и М. ван Кревельда (Кревельд, 2004).

При этом гегелевское представление о неизбежности войн следует из особенностей понимания им гражданского общества. Как показывает П. Розанваллон, с одной стороны, в целом оно соответствует либеральной традиции его восприятия (как саморегулирующегося «общества рынка»), с другой — это результат критического осмысления подобного явления. Отметим, что в данном случае либерализм трактуется не в узком значении (как политическая или экономическая идеология), а как определенный утопический проект, предлагающий собственное видение взаимоотношений в обществе и его организации. В своих работах Гегель достаточно подробно анализирует проблемы и противоречия, возникающие в ходе развития гражданского общества. При этом он «озабочен тем, чтобы учесть все эти непредвиденные побочные эффекты и рассматривать их как нормальные, а не случайные последствия развития гражданского общества» (Розанваллон, 2007, с. 90). И если в рамках отдельного сообщества эти противоречия могут разрешаться при участии государственных, корпоративных и правовых институтов, то на уровне международного сообщества действие этих институтов проблематично.

При этом простое расширение гражданского общества до мировых масштабов не может способствовать снятию его имманентных противоречий. Как пишет по этому поводу Х. Оттманн, «ни одна из проблем гражданского общества не оказы-

ваются разрешенной в результате его универсализации» (Ottmann, 2007, s. 34). Польский исследователь А. Новак, сравнивая гегелевскую модель с концепцией мир-системного анализа И. Валлерстайна, указывает на сходство между понятиями гражданского общества и капиталистической мир-системы. При этом исследователь считает, что противоречия в развитии гражданского общества долгое время нивелировались за счет его самотрансценденции и экспансии вовне. Однако сегодня, в ситуации мир-системы, или глобального гражданского общества, дальнейшее его расширение уже невозможно из-за «достижения пределов роста и экспансии современной мир-системы» (Nowak, 2007, s. 129), что ведет к неизбежному кризису и, возможно, эскалации вооруженных конфликтов как способу политического разрешения кризисной ситуации. Подобное положение предполагает достаточно серьезные социальные и политические изменения уже в глобальном масштабе.

Подведем краткие итоги. Существенную роль в гегелевской концепции государства и права играет критический анализ кантовского проекта вечного мира. Гегель отмечает с неизбежностью относительный характер этого проекта, следующий из договорной природы международного права («реализм» гегелевской трактовки). При этом гегелевское представление о неизбежности войн обусловлено особенностями понимания им гражданского общества (как результата критического осмысления проекта либеральной утопии).

Список литературы

Гегель Г. В. Ф. Философия права. М., 1990.

Палан Р. Об идеалистических истоках реалистической теории международных отношений // Неприкосновенный запас. 2005. № 5 (43). URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2005/43/pa2.html> (дата обращения: 01.10.2009).

Розанваллон П. Утопический капитализм. История идеи рынка. М., 2007.

Тилли Ч. Принуждение, капитал и европейские государства. 990—1992 гг. М., 2009.

Herberg-Rothe A. Clausewitz's Puzzle. The Political Theory of War. N. Y., 2007.

Krevelde M. van. The Rise and Decline of the State. Cambridge, 2004.

Nowak A. Czy możliwa jest globalna etyczność? Kultura, prawa człowieka a nowoczesny system światowy // Filozofia polityczna Hegla / red. A. Przyłębski. Poznan, 2007. S. 119—129.

Nuzzo A. Dialectical Reason and Necessary Conflict: Understanding and the Nature of Terror // The Spirit of the Age: Hegel and the Fate of Thinking / ed. by P. Ashton. Melbourne, 2008. P. 21—37.

Ottmann H. Realizm polityczny Hegla // Filozofia polityczna Hegla / red. A. Przyłębski. Poznan, 2007. S. 27—41.

Об авторе

Андрей Юрьевич Дудчик — преподаватель кафедры философии культуры Белорусского государственного университета, e-mail: a_dudchik@tut.by

М. Ю. Загирняк

Рецепция идеи вечного мира И. Канта в философско-правовой концепции С. И. Гессена*

Идея вечного мира служит великолепной матрицей для осмысления и оценки истории человечества. Априорность нравственных законов является условием их формальности, а поэтому и универсальности. В философии И. Канта способность чистого разума быть для самого себя практическим — базис и морали, и права (Соловьев, 2005). «Лишь в том случае, если они [нравственные законы] могут быть основаны а priori и осознаны как необходимые, они имеют силу законов...» (Кант, 1965, с. 122; АА, VI, S. 215). Именно осмысление происхожде-

© Загирняк М. Ю., 2013

* Статья подготовлена при поддержке РГНФ, проект № 12-03-00321а.

ния свободы становится отправным условием для определения назначения морали и права. Несмотря на различие этического и юридического законодательства, И. Кант указывает на значимость обоих составляющих для продвижения к цели развития человечества — стремлению к вечному миру. Право — это «совокупность условий, при которых произвол одного лица совместим с произволом другого с точки зрения всеобщего закона свободы» (Кант, 1965, с. 139; АА, VI, S. 230). Право связано с воплощением вечного мира, оно структурирует возможное содержание общественной жизни в соответствии с категорическим императивом. По мнению Л. А. Калининкова, право представляет собой развитие и осуществление идеи свободы: «Такой областью правовых норм, например, оказываются права человека, которые из естественного права под действием морали переходят в право позитивное и претендуют на ту же субъектоабсолютность, что и мораль»² (Калинников, 2009, с. 71).

Выхолощенный от содержания категорический императив Иммануила Канта, становится главным критерием истории человечества и позволяет задать систему отчета, в которой возможно наблюдать процесс совершенствования человека. Осуществление формального идеала свободы в содержании жизненных практик человечества неизбежно будет встречать множество проблем, разрешением которых и должно заниматься право. Стремление к компромиссу в многообразии спорных ситуаций основано на понятии справедливости как следствия приоритета категорического императива в развитии общества: «Стремитесь прежде всего к царству чистого практического разума и к его *справедливости*, таким путем ваша цель (благодаря вечного мира) приложится сама собой» (Кант, 1966, с. 299; АА, VIII, S. 378).

² Необходимо также указать, что именно имеет в виду автор под *субъектоабсолютностью*: «Субъективная абсолютность норм морали означает, что она захватывает в свою сферу любую профессиональную группу, сколь бы специфичной не была деятельность этой группы профессионалов» (Калинников, 2008, с. 46).

Как пишет И. А. Горулько о правовом учении Канта, «признание человека в качестве субъекта, наделенного свободой, позволяет говорить о его свободе — внутренней и внешней. При этом понятие свободы наполняется правовым содержанием, сохраняя и свой априорный характер» (Горулько, 2008, с. 318). Кант наделяет закон и право важнейшей функцией в совершенствовании человека на пути к идеальному человеческому обществу. Государство выступает в качестве механизма «до тех пор, пока народ не приобретет способности воспринимать чистую идею авторитета закона» (Кант, 1966, с. 292—293; АА, VIII, S. 372). Задача государства, по мнению Канта, — создать совокупность условий, при которых произвол одного лица совместим с произволом другого с точки зрения всеобщего закона свободы. И развитие права позволяет анализировать совершенствование человека и человечества на пути к идеалу свободы.

Идея вечного мира И. Канта и процесс ее реализации силами права были использованы С. И. Гессеном при конструировании собственной философско-правовой концепции как важнейшие принципы ее организации. С. И. Гессен пишет, что И. Кант установил «свое понятие свободы как "автономии или самозаконности, равно отличной как от беззаконного произвола... так и от следования извне, другими приписанному закону"» (Гессен, 1995, с. 71—72). И именно идею автономии воли С. И. Гессен кладет в основание собственной философско-правовой концепции как принцип, задающий отправную точку, итог развития и критерии стремления вперед в развитии человечества. С. И. Гессен позиционирует в качестве одной из главных задач необходимость показать, «что современный социализм не противоречит свободе личности, но, напротив, доводит идею свободной личности до ее крайнего завершения» (Гессен, 1999, с. 136). Действия личности причастны к движению к осуществлению целей-заданий, именно так обретается уникальность: «Я тем индивидуальнее, чем больше я приблизил своим действием совокупность действующих к разрешению общей им всем задачи и тем самым сделал себя неза-

меннее» (Гессен, 1995, с. 75). Это возможно потому, что идеал формальный. Данный принцип дает возможность для личного творчества.

С. И. Гессен почерпнул в практической философии И. Канта эту универсальность (формальность) как главную характеристику идеала права. Он наделил право функцией воплощения идеального во временном, структурирование содержания общественной жизни в соответствии с формальным идеалом категорического императива. Как пишет Т. Рокмор, И. Кант понимал философию аисторично, не связывал идеал человеческого существования с динамикой его постепенного воплощения³. Однако именно формальность идеала задает возможность истории. Идеал не содержит эмпирических данных, так как человек — высшая цель развития. Наполненность идеала определенным содержанием связывает представление об идеале с определенным пространством и временем, ограничивает идеал. Связывание идеала с определенным содержанием приводит к утрате самого идеала, подменяет формальный принцип на содержание, значение которого абсолютизируется. В подобных случаях общество развивается по *утопичному* пути⁴. Если идеал будет содержать эмпирические данные, это приведет к абсолютизации определенного содержания, которое тем самым будет поставлено выше по значимости, чем человек, и, следовательно, превратит человека в средство достижения идеала. С. И. Гессен пишет о недостижимости воплощения идеала права, равно как и других целей-заданий, но это не означает их ложность. *«Неразрешимость задачи науки, искусства, права совсем не означает, что эти задачи — мнимые... Работа над ними ведет к непрерывным достижениям, она означает не бег на месте, но неуклонное движение вперед»* (Гессен,

³ «Кант писал об истории в нескольких небольших сочинениях... Но в целом его понимание философии и познания в основе своей аисторично» (Рокмор, 2011, с. 332).

⁴ О понятии утопизма в философии С. И. Гессена см.: (Гессен, 1999), с. 147—166.

1995, с. 33). История осмысливается как воплощение неисчерпаемых целей, прошлое представляет собой предшествующие этапы воплощения идеала⁵. Идеал вечного мира необходим как путеводная звезда для развития человеческого общества в целом.

Право позиционируется С. И. Гессеном как путь достижения справедливого общества. Кантово противопоставление морального политика и политического моралиста говорит о том, что политик должен ставить перед собой приоритет идеалов права в собственной деятельности. Именно на эту идею опирался С. И. Гессен, когда писал о необходимости *суверенитета права*, а не государства. Провозглашенный И. Кантом принцип верховенства права достигается в философско-правовой концепции С. И. Гессена в результате функционального разделения властей⁶. Государство не использует право в качестве инструмента собственного укрепления и процветания, а наравне с социальными организациями содействует формированию социального права, отражающего интересы всего народа и каждого человека. По мнению С. И. Гессена, разделение властей по функциональному принципу и обеспечение функционирования новой системы власти приведет к совпадению государства с правопорядком, и это позволит говорить о *суверенитете права*.

⁵ «История, сказали мы, есть непреходящее прошлое, т. е. прошлое, которое передается от поколения к поколению как неотъемлемое достояние» (Гессен, 1995, с. 33).

⁶ Вместо законодательной, исполнительной и судебной властей согласно функциональному принципу выделяются:

1) государство как координирующая организация;

2) множество скоординированных социальных правопорядков, которые представляют сферы интересов индивида.

Для сохранения целостности общества государство устанавливает «известный уровень общественно-корпоративной активности, ее качество или форму, которая специфицируется и наполняется определенным содержанием уже подлежащими функциональными организациями» (Гессен, 1999, с. 396 ; Загирняк, 2010, с. 46—47).

Идея вечного мира как формального идеала, в стремлении к которому совершенствуется человеческое общество, — основной принцип философско-правовой концепции С. И. Гессена. Благодаря формальному идеалу возможно осмысление исторической динамики. Аисторичность идеала позволяет выйти за пределы любого возможного содержания и тем самым обеспечить анализирующий взгляд извне — из области метафизики. Оценивающая позиция за пределами исторического содержания с точки зрения категорического императива упорядочивает хаотичное многообразие исторического опыта человека как родового существа и задает вектор развития человечества.

Исторический путь — это процесс воплощения вечного мира. Постепенно и индивид и общество облагораживают содержание жизни сообразно категорическому императиву. Каждый индивид совершенствуется, когда приводит собственную деятельность в соответствии с долгом. По словам И. Канта, право — «самое святое из того, что есть у Бога на земле» (Кант, 1966, с. 270; АА, VIII, S. 352). Институты права позволяют человеку осознать свой долг. Пока люди не достигнут состояния, когда полностью будут руководствоваться категорическим императивом, институты права поддерживают такую сложную систему, как общество, в функциональном состоянии, выполняют важнейшую роль в формировании общей воли.

Не меньшим значением обладает право в философско-правовой концепции С. И. Гессена, поскольку выступает в качестве главного орудия совершенствования общества и индивида — взаимозависимых задач. Право является полем для взаимодействия личной и общей воли в стремлении к реализации идеала свободы. Переосмысление и расширение объема понятия права — необходимое условие для развития индивида и общества. Право — постоянно создаваемый феномен, совершенствование которого производится в стремлении к идеалу свободы. Основанность на категорическом императиве освобождает право от привязанности к определенному содержанию, превращая его в механизм для нравственного прогресса человечества.

Список литературы

Гессен С.И. Основы педагогики. Введение в прикладную философию. М., 1995.

Гессен С.И. Политическая свобода и социализм // Избр. соч. М., 1999.

Гессен С.И. Правовое государство и социализм // Там же.

Горулько И.А. Свобода личности как основание учения о праве Иммануила Канта // Вестник Тамбовского университета. Сер. : Гуманитарные науки. 2008. №10. С. 315—319.

Загирняк М.Ю. Демократические аспекты понятия «общей воли» в социальной философии Ж.Ж. Руссо, И. Канта и С.И. Гессена // Вестник Российского государственного университета им. Иммануила Канта. Вып. 6 : Гуманитарные науки. Калининград, 2010. С. 41—50.

Калинников Л.А. Кант о специфике морали и ее роли в системе нравов // Кантовский сборник. 2009. №2 (30). Калининград, 2009. С. 61—73.

Калинников Л.А. «Метафизика нравов» 1797 года и ее проблематика в начале 2000-х годов // Кантовский сборник. 2008. №2 (28). Калининград, 2008. С. 35—48.

Кант И. К вечному миру // Собр. соч. : в 6 т. М., 1966. Т. 6. С. 257—309.

Кант И. Метафизика нравов в двух частях // Там же. 1965. Т. 4, ч. 2.

Рокмор Т. Маркс после марксизма: философия Карла Маркса. М., 2011.

Соловьев Э.Ю. Категорический императив нравственности и права. М., 2005.

Об авторе

Михаил Юрьевич Загирняк — кандидат философских наук, ассистент кафедры философии Балтийского федерального университета им. И. Канта, e-mail: mikhail.zagirnyak@gmail.com

А. Н. Круглов

**Проблема мира на рубеже XIX и XX веков
в диалоге трех царей:
И. Кант, Николай II и Л. Н. Толстой**

Еще при жизни Иммануила Канта (1724—1804) нередко именовали «Цезарем среди мудрецов» (Ungarn-Sternberg, 1796), но и спустя столетие после смерти он по-прежнему оставался для многих «царем на кафедре». На рубеже XIX и XX веков среди живущих в России были, по меткому выражению современника, две царствующие особы: «Два царя у нас: Николай II и Лев Толстой» (Суворин, 1992, с. 316). Примечательно, что оба они — и Николай II (1868—1918), и Лев Николаевич Толстой (1828—1910) — при всем их антагонизме своеобразно откликнулись на знаменитый кантовский трактат «К вечному миру».

Ранняя внешнеполитическая деятельность Николая II озаглаивалась рядом забытых ныне инициатив, имевших значительный международный и общественный резонанс. Главные из них — это российский меморандум 1898 года о необходимости созыва международной конференции по вопросам сохранения мира и сама 1-я мирная конференция в Гааге 1899 года. Философская реакция на предложения Николая II и его окружения сразу же обнаружила параллели данных инициатив с кантовским трактатом о вечном мире. Венгерский философ Людвиг Штайн (1859—1930) в берлинском журнале «Цукунфт» («Die Zukunft») в 1898 году заметил, что царский манифест придал новое значение проекту Канта «К вечному миру»: «царь на троне» тем самым протягивает братскую руку «царю на кафедре», а мечта Канта превращается в идеал Николая II. Штайн отметил и иные необычные совпадения между

текстом манифеста и кантовским трактатом (Stein, 1898). Журнал «Кант-Студиен» (Kant-Studien) в лице редактора Ханса Файхингера (1852—1933) откликнулся на инициативы русского царя серией заметок, в частности сообщением под названием «Сочинение Канта "К вечному миру" и русское предложение о разоружении» (Vaihinger, 1899, S. 256—258; Vaihinger 1900, S. 60). Не обошла вниманием мирную конференцию в контексте философского проекта Канта и русская печать: так, профессор Московской духовной академии Павел Васильевич Тихомиров (1868 — после 1818) публикацию о «Вечном мире» в «Богословском вестнике» прямо увязал с международной мирной конференцией (Тихомиров, 1899).

Тем не менее наибольший философский интерес в отношении кантовского трактата «К вечному миру» представляет все же не эта реакция, а пацифистский проект Л. Н. Толстого (Krouglov, 2008; Krouglov, 2010; Круглов, 2012а, с. 122—159), ставший в дальнейшем для некоторых выдающихся исторических деятелей путеводной нитью. В отличие от Канта пацифистские взгляды Толстого не сконцентрированы систематически в одном произведении, а обнаруживаются в разрозненном виде в ряде статей и более крупных сочинений («Не могу молчать», «Солдатская памятка», «Офицерская памятка», «Одумайтесь!» и др.).

Война оказалась для ветерана Крымской войны 1853—1856 годов Л. Толстого массовым нарушением заповеди «Не убий». В ее истолковании он разошелся с иерархами Русской православной церкви, от лица которых выступил Харьковский архиепископ Амвросий (Алексей Иосифович Ключарёв, 1820—1901). Если для Толстого было очевидно и несомненно, что «не убий» входит в неустранимое ядро заповедей Иисуса Христа, то Амвросий настаивал на том, что Христос никогда не запрещал ни присяги, ни убийства, о чем красноречиво свидетельствует Священное Писание (Толстой, 1952а, с. 250). Толстой в статьях «Не убий» (1900) и «Не убий никого» (1907) возразил, что Христос не начал с заповеди «Не убий» потому,

что считал эту старую заповедь настолько ясной, само собой разумеющейся и значимой, что даже не стал о ней говорить, обращая в своих проповедях главное внимание на устранение того, *что* может вести к убийству (Толстой, 1956а, с. 40). Иная аргументация против юридического или религиозного оправдания убийства носила у Толстого философский характер и опиралась на Канта. Именно на его тезис писатель и ссылался в своей полемике с православными иерархами:

Прежде всего я принимаю как правило следующее ни в каких доказательствах не нуждающееся положение: *все, что человек сверх доброго образа жизни предполагает возможным сделать, чтобы стать угодным Богу, есть лишь религиозное заблуждение и лжеслужение Богу* (Кант, 1994г, с. 184; RGV². В 260—261; Толстой, 1936б, с. 125).

Бог как для Канта, так и для Толстого был, в соответствии с первым посланием Иоанна, любовью (1Ин. 4:8—16; Кант, 1994г, с. 158; RGV. В 220; Толстой, 1952а, с. 251).

Кант в качестве центрального средства устранения войны из политики рассматривал международное право (Кант, 1994в, с. 203—204; TP. А 282), он даже набрасывал договор о вечном мире, хотя и признавал при этом, что подобный договор может выглядеть весьма сомнительно (Кант, 1994а, с. 19—20; ZeF. В 32—33). Толстой скептичен по отношению к правовым проектам (Толстой, 1955б, с. 90). Если Кант понимает собственный проект скорее в правовой плоскости, то Толстой — в этической и религиозной. Человеческое право должно быть подчинено божественному. Еще до всякой воинской присяги солдат уже должен следовать воле Бога (Толстой, 1952б, с. 282). Богу следует повиноваться больше, нежели людям, даже если последние — в чине генералов (Толстой, 1952б, с. 283). Со-

² Сочинения Канта на немецком языке цитируются по изданию: *Kant I. Werke* : in 10 Bde. / Hrsg. W. Weischedel. Darmstadt, 1983. По приведенной пагинации А соответствует первому изданию, В — второму.

гласно Толстому, лист бумаги нельзя называть законом лишь потому, что он был принят в юридическом смысле процессуально безупречно (Толстой, 1936а, с. 558).

Неявно отказываясь от юридических средств Канта для достижения мира, Толстой в собственном понимании пути к миру опирается, однако, на религиозные и этические представления кёнигсбергского философа. В отличие от Канта Толстой обращается не к государствам и правительствам, а к отдельным солдатам и офицерам. Кант же в этике утверждает, что каждый человек может исполнить свой долг, ибо он должен его исполнять (Кант, 1994в, с. 173; TP. А 229; Кант, 1994а, с. 37; ZeF. В 71). Для Толстого постепенное устранение войн лежит на пути свободного исполнения своего долга, о котором говорит моральный закон, каждым отдельным человеком, а также приближения всеобщей религии разума в кантовском смысле.

Одно из главных отличий, при всех параллелях и сходствах разводящих Канта и Толстого в их пацифистских проектах, состоит в разном восприятии и отношении к праву (Круглов, 2012б). Если для Канта было несомненным разделение права на положительное и естественное, а равно как и существование последнего, то Толстой столетие спустя находился в ситуации явного кризиса и даже отрицания естественного права, что также обуславливало у бывшего студента юридического факультета существенно иное отношение к правовым проектам.

Для кантовского учения было принципиальным различие естественного и положительного права: лишь первое основано на априорных принципах, лишь с постепенным его осуществлением в истории Кант и связывал свои надежды на прогресс. Для него ситуация, при которой право истолковывается исключительно как позитивное, без какого бы то ни было естественного права, вряд ли представима. Естественное право у Канта так или иначе соотносится с нравственностью и религией, его основания априорны, оно основано на (внешней) человеческой свободе. При этом в общей картине мораль зачас-

тую выступает доминирующим фоном, хотя Кант осознает и сложные случаи, и серые зоны (Кант, 1994б, с. 257—258; MS. RL. В 39—40). Это подспудно понимает и Толстой, отмечая: «Никогда не теряет нравственной точки зрения и Кант» (Маковицкий, 1979, с. 99).

Историческая ситуация Толстого — это время победы позитивистских и историчистских представлений о праве: «...то, что называется "правом", выражается в законах, придумываемых или отдельными людьми, или спорящими партиями парламентов...» (Толстой, 1956б, с. 57), «которые живут насильями и потому ограждают эти насилья устанавливаемыми ими законами. Они же, те же люди, и приводят эти законы в исполнение <...> до тех пор, пока законы эти для них выгодны, когда же законы эти становятся невыгодны им, они придумывают новые, такие, какие им нужно» (Толстой, 1956б, с. 56). Подобному юридическому закону, «закону насилья» Толстой противопоставляет моральный закон, «закон любви» (Толстой, 1955а).

Писатель зафиксировал то состояние права, которое стало утверждаться еще в его времена и сохраняется и поныне: исторически право имело исключительные претензии, основанные ранее на представлении о его божественном происхождении или, в крайнем случае, опирающиеся на концепцию естественного права. В эпоху десакрализации источников права и отказа от естественного права претензии права, тем не менее, сохранились и даже усилились, хотя всякое их прежнее обоснование было отброшено. На чем они базируются сейчас, понять затруднительно. Сам вопрос об этом ранее, во времена Толстого, воспринимался как нигилистский, а сегодня звучит как «варварский», «нецивилизованный». Особенно отчетливо это заметно на примере пресловутой концепции «священных» прав человека, которая превратилась в гражданскую псевдо-религию правозащитников и индоктринеров всепобеждающей демократии.

Но даже если бы естественное право, как его понимал Кант, во времена Толстого и не пребывало бы в кризисе, меж-

ду ними во взглядах на право сохранилось бы принципиальное различие. Если Кант чуть ли не обожествляет право, то Толстому гораздо ближе позиция Владимира Сергеевича Соловьёва (1853—1900): «Задача права вовсе не в том, чтобы лежащий во зле мир обратился в Царство Божие, а только в том, чтобы он *до времени* не превратился в ад» (Соловьев, 1990, с. 454). Подобное восприятие права существенно меняет взгляд и на кантовский проект вечного мира — как во времена возникновения трактата, так и ныне.

Список литературы

- Кант И.* К вечному миру // Соч. : в 8 т. М., 1994а. Т. 7.
Кант И. Метафизика нравов // Там же. Ч. 1. 1994б. Т. 6.
Кант И. О поговорке... // Там же. 1994в. Т. 8.
Кант И. Религия в пределах только разума // Там же. 1994г. Т. 6.
Круглов А.Н. Кант и кантовская философия в русской художественной литературе. М., 2012а. С. 122—159.
Круглов А.Н. Право в восприятии позднего Толстого // Лев Толстой и мировая литература : матер. VII Междунар. науч. конф. Тула, 2012б. С. 267—283.
Маковицкий Д.П. У Толстого 1904—1910. «Яснопольские записки». 26 октября 1904 // Литературное наследство. Т. 90, кн. 1. М., 1979.
Соловьев В.С. Оправдание добра. Нравственная философия // Соч. : в 2 т. М., 1990. Т. 1.
Суворин А. С. Дневник. М., 1992. Запись от 29 мая 1902 г.
Тихомиров П.В. Вечный мир в философском проекте Канта (По поводу международной мирной конференции) // Богословский вестник. 1899. № 3. С. 402—434 ; № 4. С. 577—601.
Толстой Л.Н. Закон насилия и закон любви // Полн. собр. соч. М., 1955а. Т. 37.
Толстой Л.Н. Не могу молчать // Там же. 1955б. Т. 37.
Толстой Л.Н. Не убий никого // Там же. 1956а. Т. 37.
Толстой Л.Н. [Николай Палкин] // Там же. 1936а. Т. 26.
Толстой Л.Н. Одумайтесь! // Там же. 1936б. Т. 36.
Толстой Л.Н. Ответ на определение синода от 20—22 февраля и на полученные мною по этому случаю письма // Там же. 1952а. Т. 34.
Толстой Л.Н. Солдатская памятка // Там же. 1952б. Т. 34.
Толстой Л.Н. [Письмо студенту о праве] // Там же. 1956б. Т. 38.

Kants Schrift: Zum ewigen Frieden und der Russische Abrüstungsvorschlag / H. Vaihinger // *Kant-Studien*. 1899. Jg. 3.

Krouglov A. N. Das Problem des Friedens bei I. Kant und L. N. Tolstoj // *War and Peace: the Role of Sciences and Arts* / ed. by S. Nour, O. Remaud. Berlin, 2010. S. 257—264.

Krouglov A. N. Leo Nikolaevič Tolstoj als Leser Kants. Zur Wirkungsgeschichte Kants in Russland // *Kant-Studien*. 2008. Jg. 99. S. 361—386.

Stein L. Kant und der Zar // *Die Zukunft*. 1898. Jg. 25. S. 106—112.

Ungarn-Sternberg W. von. An Immanuel Kant [Briefe bey Uebersendung der Epistel (unpaginiert)] // *Epistel an Rußland*. St. Petersburg, 1796 (unpaginiert).

Vaihinger H. Eine französische Kontroverse über Kants Ansicht vom Kriege. Auch ein Wort zur Friedenskonferenz // *Kant-Studien*. 1900. Jg. 4.

Vaihinger H. Kants Schrift: Zum ewigen Frieden und der Russische Abrüstungsvorschlag // *Ibid.* 1899. Jg. 3.

Об авторе

Алексей Николаевич Круглов — доктор философских наук, профессор кафедры истории зарубежной философии Российского государственного гуманитарного университета, e-mail: akrouglov@mail.ru

Т. Г. Румянцева

Гегель о правомерности и нравственном значении войн против кантовской идеи «вечного мира»

К данной теме я обратилась с целью ответить на вопрос о том, почему начиная с И. Фихте немецкие философы отказываются от кантовского идеала «вечного мира» и приходят к выводу о правомерности, более того, нравственной значимости войн, в том числе и тех, которые предпринимаются не только для достижения национальной независимости, но и ра-

ди утверждения «естественных границ государства». Не случайно М. К. Мамардашвили, противопоставляя И. Канта его ближайшим последователям, писал, что после него начинается эпоха так называемых «национал-философов, т. е. идеологов, которые под барабанный бой своих фраз хотели вести вперед свои народы» (Мамардашвили, 1991, с. 121). Гораздо в большей мере, чем к Фихте, который в истории философии остался все же скорее сторонником *освободительных войн* благодаря своим знаменитым речам в осажденной французами Германии, это относится к Г. Гегелю. Именно он уже в своих ранних политических произведениях фактически противопоставил «совершенно неосуществимому», по его словам, кантовскому представлению о вечном мире идею *необходимости войн* и попытался философски обосновать их нравственное значение. Правда, его точка зрения по вопросу о войне и мире менялась на протяжении всей жизни. Так, в работе 1796 года «Первая программа системы немецкого идеализма» Гегель выступал за исчезновение государства и идею о вечном мире рассматривал как «подчиненную более высокой идее» свободы. Однако уже в 1802 году в работе «О научных способах исследования естественного права» он резко меняет свои взгляды и в противовес Канту объявляет войну сильным целебным средством для восстановления нравственного здоровья. Далее, в VI разделе «Феноменологии духа», посвященном исследованию нравственности, он вскрывает глубинные истоки войн через выявление потребностей «рефлектированного в себя действительного духа», который в лице правительства, с одной стороны, дает личную и экономическую независимость отдельным изолированным индивидам, а с другой — стремится подчинить эти единичные свои части всеобщему. «Для того чтобы последние не укоренились и не укрепились в этом изолировании, благодаря чему целое могло бы распасться и дух улетучился бы, правительство должно время от времени внутренне потрясать их посредством войн, нарушать этим и расстраивать наладившийся порядок и право независимости». Так дух предотвращает

щает «погружение из нравственного наличного бытия в природное и сохраняет самость своего сознания и возводит его в *свободу* и в свою *силу*» (Гегель, 1992, § 454). Война становится своего рода *моментом* намеченной уже в этой работе одной из главных презумпций всей гегелевской философии — его посягательства на самоценность единичности и особенности, которые он, не раздумывая, приносит в жертву всеобщему. Любовь к всеобщему и усмотрение в государстве «самостоятельной силы, в которой отдельные индивиды лишь моменты» с необходимостью имплицировали представленное выше его понимание роли и значения войн, сделав Гегеля, как это часто принято говорить, «заложником его системы». Однако в этой работе он еще ни словом не упоминает кантовский «вечный мир», да и самой теме «войны» посвящает всего несколько строк на одной страничке текста.

Я не касаюсь здесь отдельно 3-й части «Энциклопедии философских наук», где Гегель также высказывает ряд весьма одиозных суждений о войнах, так как почти все они, по его же словам, найдут «более пространное и прежде всего систематическое развитие» в «Философии права», в которой он попытается философски опровергнуть кантовский идеал и развернуть свою *диалектику всеобщего и единичного*, в этой работе теснейшим образом сопряженной с учением о *суверенитете государства*. Как «идеальное свободное и нравственное целое» государство приобретает статус абсолютной власти над всем индивидуальным и конечным — жизнью, собственностью и правами отдельных граждан. Отсюда Гегель делает вывод о высоком «*нравственном моменте войны*», ибо «ее не следует рассматривать как абсолютное зло и чисто внешнюю случайность»: случайны лишь «конечное владение и жизнь», все суетное и временное. И дальше ставшая знаменитой его фраза о том, что война «сохраняет нравственное здоровье народов, их безразличие к застыванию конечных определенностей... предохраняя... от гниения, которое непременно явилось бы следствием продолжающегося и тем более вечного мира» (Гегель, 1990, § 324).

Значение войн Гегель увидел и в том, что «удачные войны предотвращали возникновение внутренних смут и укрепляли государственную власть». Он резко противопоставляет здесь свои взгляды кантовским, полагая, что из абсолютной суверенности государств вытекает невозможность существования какого-либо международного органа, который был бы способен уладить возникающие здесь споры, чаще всего поэтому решаемые лишь войной. Отсюда все надежды на установление «вечного мира» кажутся ему неосуществимыми. Гегель пытается философски обосновать право государств вести войны, невзирая ни на какие заключенные ими договоры или же принципы международного права. Здесь он, правда, противоречит одному из главных тезисов своей философии, утверждающей первенство всеобщего над особенным и единичным, так как позволяет государствам начинать войну, руководствуясь своим «отдельным субстанциальным благом в его особенности».

Итак, войны, по Гегелю, требуются для здоровья, они дают внутреннее спокойствие нациям, раздираемым внутренними противоречиями; они укоренены в самой природе вещей и не есть абсолютное зло или внешняя случайность, а, наоборот, сами утверждают случайный характер всего конечного (в том числе и отдельной человеческой жизни); они подтверждают суетность всего временного, которое только благодаря им и возвышается до высокого дела свободы и нравственности. Он поэтизирует храбрость тех, кто жертвует своими жизнями для государства, отстаивая необходимость существования особого «сословия храбрости» — постоянного войска, в котором подчинение всеобщему достигает наивысшего значения. Правда, вслед за Кантом он считает, что государства обязаны уважать и признавать суверенитет других государств и не должны вмешиваться в их внутренние дела. Однако в отличие от Канта, основывавшего международное право на «*федерализме свободных государств*» и «*союзе народов*» (Кант, 1966, с. 271;

АА, VIII, S. 354), которые бы решали все споры третейским судом и предотвращали войны, для Гегеля внешнее право имеет лишь характер *долженствования* (Гегель, 1990, § 333). Оно актуально до тех пор, пока этого хотят сами же государства, из-за отсутствия судьи все споры между ними решаются с помощью войн. Гегель, правда, призывает государства вести войны согласно международному праву, не причиняя вреда безоружным гражданам, полагая, что даже в войне как состоянии бесправия и насилия должны действовать принципы взаимного признания государствами преходящего характера войны и возможности мира. Однако такого рода призывы выглядят несколько утопично, а может, и наивно, так как единственным высшим правителем в урегулировании отношений государств у него остается эфемерный «всеобщий в себе и для себя сущий мировой дух», определяющий исторические судьбы народов.

При размышлении об истоках гегелевского антипацифизма возникает соблазн списать его на так называемый «сервиллизм» философа, т. е. на его служение интересам милитаристского по духу прусского государства, как, собственно, чаще всего и делалось, особенно в советские времена. Это не означает, что мы должны в принципе отвергнуть «близкое сродство и внутреннее согласие прусского государства с философией Гегеля» (Гайм, 2006, с. 294). В отличие от Канта Гегель действительно жил в иную историческую эпоху — эпоху «великих войн», рассматриваемых многими европейскими мыслителями именно как *освободительные*, в которых, как они считали, не могла не проявить себя «нравственная сила духа во всей ее энергии»: «война очеловечивает, ибо несет с собой отрицание, прогресс посредством войн», т. е. разрушает старый миропорядок. После разгрома Наполеона, когда прусское государство входит в период реставрации, Гегель прилагает все усилия, чтобы философски обосновать справедливость вмешательства государства в свободную самодеятельность граждан. В отличие от Канта, смотревшего далеко в будущее, Гегель как бы «спуска-

ется» на землю, возводит свой абсолютный идеализм в «конкретные понятия» прусской действительности. В предисловии к «Философии права» он так и напишет, что далек от того, чтобы «конструировать государство таким, каким оно *должно быть*, чтобы поучать его, каким ему следует быть, его цель — лишь "постичь то, *что есть*", "наличное и действительное"» (Гегель, 1992, с. 54—55).

Осуществленное им отождествление нравственности со здоровьем и политической гигиеной, а права с силой найдет, увы, в XIX и XX веках множество сторонников, которые пойдут куда дальше Гегеля, утверждая войну как высшее проявление духовной мощи народа и более совершенную форму государственной деятельности. Авторы такого рода станут конституировать нацию и государство как нечто объединенное исключительно опасностью общего врага.

Истоки гегелевской трактовки войн можно отыскать и в особенностях его диалектического метода. В духе столь почитаемого им Гераклита, писавшего о войне как об «отце и царе всех вещей», Гегель распространяет на весь мир положение о единстве и борьбе противоположностей, понимая его как движущую силу развития истории, где именно войны становятся результатом столкновения противоположностей и средством утверждения государственного суверенитета.

В XX веке развитие человечества — то, что Гегель назвал бы его «эмпирической историей», — оказалось, увы, во многом созвучным гегелевским идеям, когда воплотились в жизнь в том числе и его суждения о роли войн в эпоху утверждения абсолютного духа. Многие тенденции современной эпохи позволяют судить о том, что процессы глобализации могут быть описаны в терминах гегелевской политической философии (Румянцева, 2009, с. 525). Примером тому — Первая и Вторая мировые войны, а также многие события конца XX — начала XXI века, когда разрешение конфликтов, или, на языке Гегеля, «объективация форм права и свободы», во многом осуществляется все теми же «силовыми», военными способами.

Список литературы

- Гайм Р.* Гегель и его время. СПб., 2006.
- Гегель Г. В. Ф.* Первая программа системы немецкого идеализма // Работы разных лет : в 2 т. М., 1972. Т. 1.
- Гегель Г. В. Ф.* О научных способах исследования естественного права // Политические произведения. М., 1978.
- Гегель Г. В. Ф.* Феноменология духа. СПб., 1992.
- Гегель Г. В. Ф.* Философия права. М., 1990.
- Кант И.* К вечному миру // Соч. : в 6 т. М., 1966. Т. 6.
- Мамардашвили М. К.* Кантианские вариации // Квинтэссенция : философский альманах. М., 1991. С. 120—158.
- Румянцева Т. Г.* Феномен глобализации в контексте политической философии Гегеля // Современное русское зарубежье : антология. М., 2009. Т. 6 : Философия. С. 525—531.

Об авторе

Татьяна Герардовна Румянцева — доктор философских наук, профессор кафедры философии культуры Белорусского государственного университета, e-mail: tr30@mail.ru

**МИРНЫЙ ПРОЕКТ
И СОВРЕМЕННАЯ ПОЛИТИКА**

Х. Вагнер

**Кантовская дилемма — «мировое государство».
Как сегодня можно мыслить
мировое сообщество?**

В связи с темой калининградского семинара по философии Канта для начала замечу, что нахожу удивительными два аспекта. Первый заключается в том, что небольшой трактат Иммануила Канта «К вечному миру», написанный в 1795 году, по прошествии более чем двух столетий вновь и вновь оказывается актуальным. Это наверняка говорит о том, что он посвящен теме, которая в какой-то степени находится вне времени¹. Второй — в том, что Кант, рожденный в Кёнигсберге двести восемьдесят лет назад, проявил себя в этом трактате как космополит. Если не ошибаюсь, среди философов и ученых со времен Платона (ок. 428—348 до н. э.) и Аристотеля (384—322 до н. э.) было не слишком много тех, кто занимался будущим политическим миропорядком. Мне вспоминаются только три имени тех, кто выразил мнение об этом будущем человечества: Иммануил Кант (1724—1804), Карл Маркс (1818—1883) и Макс Вебер (1864—1920). Как ни странно, но все трое были немцами.

Порядок изложения материала будет следующий: вначале я покажу (знатокам Канта, конечно, это известно), что фило-

© Вагнер Х., 2013

© Зильбер А. С., перевод, 2013

¹ В 1796 году, год спустя после публикации этого трактата Канта, гёттингенский теолог Карл Фридрих Штойдлин (1761—1826) дал ему следующий комментарий: «...сочинение... будет удостоено внимания народов и окажет воздействие на далеких потомков. Поучительное наставление для князей и министров, равно как и для подданных, поможет им подчинить политику морали и приблизить людей к братскому объединению» (AA, XII, S. 60. Brief Nr. 660).

соф выступал строго против «мирового государства» (Weltstaat) как способа гарантировать «вечный мир» между народами. Затем я объясню (и в этом также нет ничего нового), что по веским основаниям он считал «мировую республику» невозможной, хотя теоретически видел в ней решение проблемы мира. Еще я намерен воспроизвести аргументы Канта в пользу «мирного союза государств», или союза народов (Völkerbund), которые считаются ничем иным, как его высшим и наиболее влиятельным достижением в области политологии. Наконец, в заключение я выдвину и обосную тезис, что мы сегодня — да, именно сегодня! — в состоянии по-настоящему воплотить кантовскую интенцию, проектировать всемирное миротворческое объединение (Gemeinschaft). Не только мыслить его в форме «всемирного союза» (Welt-Union), как я его называю, но и способствовать тому, чтобы в далеком будущем такой союз был основан, — вот чего бы я хотел.

I. Нежелательное мировое государство

Почему Кант, как и другие его современники, такие как аббат Сен-Пьер (1658—1743) и Жан Жак Руссо (1712—1778), не видели в мировом государстве, обладающем монополией на все виды власти, достаточной гарантии для мира во всем мире? Потому что оно хотя и было бы способно обеспечить мир, но пренебрегало бы «обособлением государств», что для блага человечества, по мнению Канта, недопустимо: «Человек хочет согласия, но природа лучше знает, что для его рода хорошо; и она хочет раздора» (Кант, 1966а, с. 12; АА, VIII, S. 21). В мирном трактате соответствующий пассаж звучит так: существование суверенных государств, из которого неизбежно следуют военные конфликты, «согласно идее разума лучше, чем слияние государств в единую державу, превосходящую другие и переходящую во всеобщую монархию, так как с увеличением сферы правления законы все более и более теряют свою силу и бездушный деспотизм, искоренив зачатки добра, в конце концов превращается в анархию» (Кант, 1966б, с. 286—287; АА, VIII, S. 367).

Непосредственно к сказанному Кант добавлял: пожалуй, верно то, что любое большое государство стремится к тому, чтобы овладеть всем миром и в этом смысле обеспечить в нем мир. «Но, — говорит он, — природа хочет по-другому. — Двумя средствами пользуется она для того, чтобы удерживать народы от смешения и разъединять их, — различием языков и религий» (Кант, 1966б, с. 287; АА, VIII, S. 367). Всё это, видимо, направлено не на то, чтобы уготовить свободе «кладбище» средствами «деспотизма» одного государства, а на то, чтобы «активнейшим соревнованием» всех общественных и государственных сил достичь мира как «согласия»² (Кант, 1966б, с. 287; АА, VIII, S. 367).

Между прочим, этими аргументами Канта, на мой взгляд, можно объяснить то, почему все великие империи прошлого в мировой истории просуществовали недолго. Они возникали из превосходства одного государства и бессилия других сообществ, чаще всего не имевших государственной организации, и вследствие сверхконцентрации и монополизации всей власти в них рано или поздно погибали. Говоря языком Канта, они не дали «обособлению» достаточного пространства для свободного развития их граждан. Рано или поздно это должно было привести к падению таких империй.

II. Недостижимая мировая республика

Нет сомнений в том, что Кант имел очень конкретное представление о том, как было бы лучше всего обеспечить мир между государствами. Это явствует из его следующего высказывания:

² Гюнтер Патциг интерпретирует этот пункт следующим образом: «...только множественность государств может, по-видимому, дать гарантию от смертельной опасности, которую несет вырождение мирового правительства в диктатуру, чье превосходство хотя и предотвращает войны, но вместе с тем может и полностью уничтожить пространство свободы личностей» (Patzig, 1996, S. 21).

В соответствии с разумом в отношениях государств между собой не может быть никакого другого способа выйти из свободного от закона состояния постоянной войны, кроме как отречься подобно отдельным людям от своей дикой (не основанной на законе) свободы, приспособиться к публичным принудительным законам и образовать таким путем (разумеется, постоянно расширяющееся) государство народов (*ci vitas gentium*), которое в конце концов охватит все народы земли (Кант, 1966б, с. 275; AA, VIII, S. 357).

И к этому он добавляет, что так как народы «решительно не хотят» делать это — «то, что верно *in thesi*», то «не положительная идея мировой республики, а (чтобы не все было потеряно) лишь негативный суррогат союза, отвергающего войны, существующего и постоянно расширяющегося, может сдержать поток враждебных праву и человеку склонностей при сохранении, однако, постоянной опасности их проявления» (Кант, 1966б, с. 275; AA, VIII, S. 357).

В этом утверждении, на мой взгляд, стоит обратить внимание на три вещи. Во-первых, воплощение кантовского мирного проекта возможно только путем образования мировой республики, которая единственная была бы в состоянии сменить перманентное состояние войны на длительное правовое состояние. Во-вторых, так как народы не желают отказываться от своего суверенитета, на практике не остается ничего другого, кроме компромиссного решения, а именно создания союза народов. Но он, в-третьих, не смог бы предотвратить того, чтобы (пусть и в меньшей степени, чем раньше) вражда выливалась бы в военные столкновения.

Остановимся сперва на том, что Кант отстаивал компромиссное решение в виде союза народов по той причине, что он считал государства неспособными добровольно ограничить свой суверенитет. И при этом также нельзя упускать из виду то, что от такого отказа в пользу того, что он высказал о мировом государстве, философ не ожидал ничего хорошего. О затронутой таким образом проблеме государственного сувере-

нитета как о *casus knacksus*, или о пробном камне подлинного мирного правопорядка в кантовском смысле, пойдет речь в следующем разделе.

III. Союз народов как наилучшее решение

До создания союза народов в кантовском смысле дело действительно дошло — в форме основанной в 1920-м Женевской Лиги Наций и созданной в 1945-м в Сан-Франциско, а сегодня располагающейся в Нью-Йорке Организации Объединенных Наций, членами которой на данный момент являются 193 государства. Для менее известной Женевской Лиги Наций и для нью-йоркской ООН, также играющей скорее второстепенную роль в решении вопросов, имеет силу то, что сказал о них Оливер Эберль: на их опыте вновь доказывает свою истинность «кантовская приверженность универсальному порядку добровольного союза народов и его длительному умиротворяющему влиянию как, пожалуй, по-прежнему реалистичный вариант обеспечения мира» (Eberl, 2004, S. 210). Возникает, правда, вопрос, действительно ли союз народов как организация, членами которой являются все суверенные государства Земли, есть последнее слово в создании эффективного мирного порядка — нет ли для этого другой, более подходящей организационной формы, выходящей за пределы того, что казалось реализуемым Канту, но сегодня лежит в сфере возможностей.

IV. Предпосылки возможного мирового сообщества

1. Разделение государственного суверенитета

Позвольте мне, прежде чем выступить за новую форму организации мирового сообщества, дать пояснения по предварительному вопросу, который в этой связи имеет решающее значение. Не следует ли положительно оценивать то, что с проблематикой суверенитета дело обстоит так же, как и с проблематикой государства? Государство как монополист всей политической власти «приручено» — государственная власть поделена на законодательную, исполнительную и судебную, ко-

торые в соответствии с Конституцией взаимно контролируют друг друга, но ни в коем случае не лишают государство его функций по обеспечению безопасности и порядка. Нельзя ли также помыслить, что с государственным суверенитетом происходит нечто подобное, что монополия государства на суверенитет «цивилизуется» тем, что она, как и монополия на принуждение, разделяется? Только в этом случае не горизонтально — на разные формы осуществления власти, а вертикально — на разные уровни осуществления суверенитета? Например, на муниципальный, государственный и континентальный уровни, каждый из которых обладает самостоятельностью и, соответственно, прямо и непосредственно участвует в осуществлении суверенитета, не теряя при этом свою ведомственную функцию или право на окончательное решение? Разделение суверенитета на разные уровни зафиксировано в новом понятии «субсидиарность». Которое означает не что иное, как то, что полномочия на принятие решений закреплены там, где истоки и последствия этих решений оцениваются наилучшим образом.

Такую форму организации можно не только представить. Она уже существует, пусть даже в еще несовершенной форме, — в виде Европейского союза. Особенность и новизна ЕС как раз в том, что он не государство и что он вовсе и не желает быть или становиться государством. ЕС обладает полномочиями, которые использует не по собственному праву, а на основании «ограничения власти отдельных государств», как это провозглашено в статье Лисабонского договора. «Распорядителями устройства ЕС» являются, собственно, по Лисабонскому договору государства-члены ЕС. Они основали ЕС, они же (и никто другой) решают его дальнейшую судьбу.

2. Преимущества и недостатки субсидиарного союза государств

Очевидно, для начала нужно прояснить, каковы преимущества и недостатки такой субсидиарной формы организации, как ЕС. Этот союз, как гласит постановление Федерального

конституционного суда в Карлсруэ, является «объединением государств» (Staatenverbund), которое помимо хорошо известных «союза государств» (Staatenbund) и «федеративного государства» (Bundesstaat) представляет собой третью категорию государственных сообществ. Убедить вас в том, что должна дать эта новая форма сообщества, призвано нижеследующее изложение, которое с подобающей здесь краткостью посвящено разделению полномочий между Евросоюзом и входящими в него государствами. Только после этого я обращаюсь к центральной проблеме «юридификации»³ (Verrechtlichung) отношений между государствами-членами ЕС, которая достигнута путем их интеграции, или «обобществления».

Самым слабым местом в конституционном праве объединения государств типа ЕС можно считать наряду со многими другими политическими нелепостями, такими как специфические вопросы идентичности и легитимации, чрезвычайно сложную реализацию конституционных реформ. Для любого расширения полномочий союза согласно статье 5 Лисабонского договора нужна «ограниченная передача полномочий», которая, поскольку ее можно получить только заключив новый европейский договор, требует одобрения всеми членами и соответствующей ратификации их парламентами (или даже референдума некоторых народов). В любом случае это в высшей степени растянутая процедура, и даже очень схожая со «свободным вето», поскольку достаточно голоса одного члена союза, чтобы сорвать всю реформу.

Правда, государства-члены ЕС оставили себе и другой путь реформирования действующих соглашений. В рамках «углубленного сотрудничества» существует возможность того, что часть союзных государств, как минимум девять, согласно статье 20 Лисабонского договора могут заключать соглашения о более тесном взаимодействии, однако для вступ-

³ Увеличение количества и объема позитивного права в современном социальном государстве, «правовой взрыв». Далее переводится также как «правовое регулирование», «правовое оформление» (в зависимости от контекста и применительно к позиции Канта). — *Пер.*

ления в силу в соответствии со статьей 329 Соглашения о порядке работы Европейского союза они должны быть единогласно одобрены Советом Европы. До сих пор таким способом было заключено только Шенгенское соглашение, которое предусматривает «постепенное упразднение пограничного контроля на внутренних границах». Но эта процедура, на мой взгляд, вполне может быть образцом того, как обойти труднодостижимое единогласие членов союза при изменении договоров.

Из преимуществ, которые дает государствам членство в ЕС, я хотел бы здесь назвать только три достижения, которые считаю важными.

Во-первых, что не стоит недооценивать, членство в Европейском союзе автоматически гарантирует отдельным государствам безопасность и самостоятельность. Отныне им не надо об этом беспокоиться. В этом в равной степени заинтересованы все члены союза, и вместе они достаточно сильны, чтобы отстоять это право. Особенно многострадальные в прошлом народы будут чувствовать себя в этом объединении государств как у Христа за пазухой.

Во-вторых, выгода членам Евросоюза заключается в том, что они становятся частью крупного экономического региона и, если желают, могут участвовать в обращении мировой валюты. Если они экономически ослабнут, им окажут финансовую помощь. Вдобавок они на равных участвуют во внутренней и внешней политике союза. Этим формируется такой особый эффект, как запрет для ЕС расширять свои полномочия по своей воле и своему усмотрению. То, чем, как правило, занимаются великие державы этого мира, в том числе федеративные, а именно постоянное увеличение полномочий, усиление власти и овладение все большими финансовыми средствами, Европейскому союзу не позволено. Он идет на поводу у своих государств-членов. Они определяют его полномочия, его власть и его финансы. Не позволить имперским устремлениям союза даже появиться — вот в чем заключается их благотворная функция.

Наконец, в-третьих, члены союза согласно статье 50 Лисабонского договора имеют право выйти из него, если их интересы больше не совместимы с членством в нем. То есть ЕС для них не тюрьма, из которой им теперь не сбежать. Пословица «Грех пополам и беду пополам» на них не распространяется. Их вступление добровольно, и выход для них открыт в любое время.

3. Юридификация международных отношений

Я здесь подробно остановился на Евросоюзе только потому, что он как негосударственное сообщество является примером того, как можно спроектировать всемирный союз без недостатков суверенитета — союз, который не будет тянуть все полномочия на себя. Это как раз то, что удерживало Канта от того, чтобы остановиться на миротворческой организации в форме мирового государства: его безграничная монополия на власть. Ее он вполне обоснованно боялся. Однако, отдаляясь в своих размышлениях от государства, он совершенно не мог себе представить, что учредить мир во всем мире может негосударственная организация. Но, судя по опыту ЕС, как я полагаю, мы способны это воплотить. Для этого, правда, надо распрощаться с «вестфальским порядком», который установился в Европе в XVII столетии по окончании 30-летней войны и затем практиковался по всему миру. В этом порядке политическую общность можно считать государством, причем обороноспособным, но только если оно обладает полным суверенитетом. И лишь основание Европейского союза учит нас кое-чему другому. На его примере мы видим, что разделение суверенитета возможно и что, может быть это еще важнее, как раз негосударственное образование типа ЕС благодаря «юридификации» его супранациональных и международных связей также представляет собой предпочтительную миротворческую организацию. Это разделение суверенитета и юридификация отношений между государствами — отличительный признак «поствестфальского порядка».

Кант настаивал на усилении правового регулирования внутренней политики по той причине, что он видел в этом единственную возможность обуздать эгоистические склонности людей и народов, рационализировать их и сделать продуктивными, чтобы избежать завоеваний и истребления друг друга. Но правовое государство реализовалось только в ходе длительного исторического процесса — посредством разделения властей, посредством следующего из него регулируемого законодательства — и увенчалось демократизацией, в которой была установлена и легализована «власть народа». Правда, от правового регулирования отношений между государствами Кант, полагаю, отказался обоснованно, но все же преждевременно. Он поступил так потому, что придерживался идеи неприкосновенности государственного суверенитета. Поэтому он и считал неосуществимым правовое регулирование внешних государственных связей.

Однако сегодня у нас есть основание полагать, даже быть уверенными, что когда в 1951 году шесть государств Европы учреждением Европейского объединения угля и стали предприняли первый шаг к интеграции, тем самым они сделали также первый шаг к юридификации их внешних отношений, которая с каждым следующим заключенным европейским договором распространялась все дальше. Подоплекой этого процесса было то, что европейские государства, исходя из опыта, который у них был к концу Второй мировой, пришли к убеждению, что теперь они смогут действовать на международной арене не в одиночку, а только вместе. И то, что они придерживались созданного ими содружества и расширили его, воздалось им сторицей.

Отфрид Хёффе уже в 1996 году указал на то, что и правовое оформление всемирного союза не удастся осуществить одним махом. «Необходимо, — писал он, — разрабатывать темы соответствующих конфликтов одну за другой, мелкими шагами, оформляя решения в действующих правовых актах. Для этого требуется не гомогенная центральная власть, а многоступенчатый суверенитет. Возможно, республиканский порядок организации (или правовое государство. — *X.B.*) госу-

дарств (или, как я это называю, конституционно-правовые континентальные союзы. — *X. B.*), или мировая республика (в кантовском смысле — *X. B.*), есть не что иное, как высшее воплощение этих надстраиваемых друг над другом правовых актов (Höffe, 1996, S.170). Мы с Кантом явно не одиноки во мнении, что правовое регулирование всемирного объединения (*Weltgemeinschaft*) при некоторых строго определенных условиях возможно.

Интересно в этом историческом процессе также то, что объединение (*Vergemeinschaftung*) внешней и оборонной политики, предписанное ст. 22 пп. 1, 3 Лисабонского договора, еще отнюдь не произошло, и все решения в этих областях могут приниматься только при единогласном одобрении Совета Европы. Таким образом, достигнутое в европейских договорах правовое оформление политики ЕС до сих пор как таковое совершенно не воспринято должным образом — и это до сих пор пресекало на корню совместную внешнюю и оборонную политику Европейского союза. Можно уверенно сказать, что правовое оформление хозяйственной и валютной политики в Евросоюзе уже начали, не объединив внешнюю и оборонную политику, на которую еще только взяли курс, анонсировали, но еще не институционализировали. Последнее еще предстоит.

V. Очертания всемирного союза

Исходя из вышесказанного, я хотел бы теперь по возможности кратко обрисовать контуры всемирной организации (*Weltorganisation*), которая, полагаю, могла бы однажды заменить союз народов в ООН мировой республикой в кантовском смысле (или всемирным союзом), поскольку она эффективнее. Первая предпосылка к ее созданию заключается, на мой взгляд, в том, чтобы вместо 193 более или менее суверенных государств появилось небольшое число континентальных объединений субсидиарного типа, наподобие ЕС, которые суверенны не полностью, а частично. Вдобавок для них будет

иметь силу «принцип гомогенности», на что обратил внимание Роланд Виттман. Кант совершенно справедливо исходил из того, что все составные части «мировой республики» должны быть «республиканскими». Под этим он понимал верховенство права, разделение властей и демократический режим, который, однако, абсолютно совместим с монархией⁴. Эта основа, по-моему, — *conditio sine qua non*, то есть условие, без которого всемирная организация будет неработоспособной. Почему же? Потому что всемирной организации нужен прочный фундамент, который позволит ей целиком посвятить себя глобальным задачам и обязанностям, а от всех муниципальных, государственных и континентальных решений ее освободит. Эти решения должны приниматься другими соответствующими инстанциями. Всемирная организация не может о них заботиться. К тому же континентальные объединения, поскольку они сами имеют субсидиарный характер, готовы и способны делиться своими полномочиями. Континентальные сверхдержавы из-за своей организационной формы и амбиций на это в любом случае не способны.

Такого рода мировая организация, которую я назвал бы всемирным союзом, должна быть — и это вторая предпосылка ее эффективности — так устроена, чтобы иметь опору в континентальных сообществах. Это означает, что она ими основывается, от них комплектуется кадрами и финансируется, что ее существование и компетенции должны быть обеспечены в договорном порядке, чтобы отношения между континентальными союзами могли быть «юридифицированы» — так же как это ранее было сделано между странами — членами ЕС. По числу участников всемирный союз будет небольшим, поскольку количество континентальных сообществ очень ограничено. Нужны ли всемирному союзу помимо исполнительного еще и законодательный орган и судебная инстанция — это покажет время, если он будет создан. Не вижу для себя задачу проектировать их.

⁴ О «принципе гомогенности» у Канта см.: (Wittmann, 1996, S. 143).

Всем тем, кто укажет, что я совсем не принял в расчет «государство», что я никак не учел кантовский «федерализм свободных государств» и что я готов оказать «неправительственным организациям» слишком большое доверие, я хотел бы дать следующую пищу для размышлений: что касается «государства», то оно в моих рассуждениях, даже если я его «приручил», все же играет решающую роль, поскольку оно, как нельзя не заметить, в моем проекте является основой или даже сердцем континентальных союзов. — Что касается кантовского «федерализма», то, на мой взгляд, он не может служить основой «всемирного союза», поскольку его смысл, в понимании Канта, заключается только в децентрализации суверенного государства, а не в делении суверенитета в смысле субсидиарности⁵. — А что касается жизненной силы негосударственных сообществ, я могу лишь напомнить о том, что Швейцария — лучший исторический пример того, как конфедеративные, то есть негосударственные сообщества, которые уважают и охраняют свои (очень гетерогенные) части, продержались вместе лучше, чем многие империи и еще чаще просто государства, потому что интересы и целостность кантонов в Швейцарии во все времена имели высшую ценность.

VI. Разрешение дилеммы Канта, но в его же духе

Если дилемма Канта состояла в том, что суверенитет «мирового государства» настолько пугал его, что он считал суверенитет отдельных государств меньшим злом, и поэтому выступал за «союз народов» как наилучшую возможную форму мирного порядка на Земле, то я могу хорошо представить себе, что обрисованный здесь «всемирный союз» пришелся бы ему в высшей степени по вкусу. Имея перед глазами субсидиарную форму организации ЕС, мы сегодня можем набросать проект более эффективного мирного порядка, и не только говорить о нем, но и, возможно, в будущем, когда будут созданы необходимые предпосылки, также и реализовать его.

⁵ О «принципе федерализма» у Канта см.: (Wittmann, 1996, S. 143).

Хотя я полагаю, что для «раздора» в кантовском смысле будет отведено достаточно места в восхваленном здесь «всемирном союзе», чтобы не задушить свободу граждан, а по всем правилам искусства позволить им состязаться, вместе с Кантом не исключаю возможность того, что даже в этом союзе и вопреки ему дело может дойти до «проявления враждебных склонностей», или, по его словам, *furor impius intus*⁶ (Кант, 1966б, с. 275; АА, VIII, S. 357). Если уж демократические правовые государства невозможно полностью уберечь от превращения в авторитарные или даже тоталитарные, то также нельзя исключить того, что и юридифицированное всемирное сообщество может переживать кризисы в форме таких конфликтов, которые трудно урегулировать. Приведу последнюю здесь цитату Канта: «...из столь кривой тесины, как та, из которой сделан человек, нельзя сделать ничего прямого. Только приближение к этой идее вверила нам природа» (Кант, 1966а, с. 14; АА, VIII, S. 23). Очерченный мной всемирный союз в любом случае намного ближе к идее «вечного мира», чем предпочтенный Кантом в качестве компромисса «союз народов».

Перевод с немецкого А. С. Зильбера

Список литературы

Кант И. Идея всеобщей истории во всемирно-гражданском плане // Соч. : в 6 т. М., 1966а. Т. 6.

Кант И. К вечному миру // Там же. 1966б. Т. 6.

Eberl O. Realismus des Rechts — Kants Beitrag zum internationalen Frieden // Blätter für deutsche und internationale Politik. 2004. Februar.

Höffe O. Eine Weltrepublik als Minimalstaat — Zur Theorie internationaler Gerechtigkeit // “Zum ewigen Frieden“ — Grundlagen, Aktualität und Aussichten einer Idee von Immanuel Kant / Hrsg. R. Merkel, R. Wittmann. Frankfurt a/M, 1996.

⁶ «Внутри нечестивая ярость» (*лат.*) — слова из «Энеиды» Вергилия (Aen. Кн. 1, 294—296). — *Пер.*

Patzig G. Kants Schrift „zum ewigen Frieden“ // “Zum ewigen Frieden“ — Grundlagen, Aktualität und Aussichten einer Idee von Immanuel Kant / Hrsg. R. Merkel, R. Wittmann. F. a. M., 1996.

Wittmann R. Kants Friedensentwurf — Antizipation oder Utopie? // Ibid.

Об авторе

Хельмут Вагнер — профессор политической теории (в отставке) в Свободном университете Берлина, e-mail: helwag00@yahoo.de

В. И. Дашичев

Иммануил Кант и современные проблемы международных отношений

Когда читаешь трактат Иммануила Канта «К вечному миру», не устаешь поражаться, как точно философ определил еще два века тому назад основополагающие условия и предпосылки для сохранения мира и очертил принципы международного права и морали, которые не потеряли своей актуальности и сегодня.

Кант перечислил важнейшие «запрещающие законы», которым должны следовать ответственные государственные деятели в своей внешней политике. Среди них особенно важными, применительно к настоящему времени, можно назвать следующие:

Ни одно государство не должно насильственно вмешиваться в политическое устройство и правление другого государства (Кант, 1966б, с. 262; АА, VIII, S. 346).

Это положение о государственном суверенитете было установлено еще в Вестфальском мирном договоре 1648 года,

положившем конец Тридцатилетней войне в Европе. Кант рассматривал суверенитет государства как фундаментальный принцип международного права, нарушение которого означало начало всех зол и бед для международного сообщества.

Ни одно самостоятельное государство (большое или малое — это безразлично) не должно быть приобретено другим государством ни по наследству, ни в обмен, ни куплей, ни в виде дара. Дело в том, что государство (в отличие, скажем, от земли, на которой оно находится) не есть имущество (Кант, 1966б, с. 260; АА, VIII, S. 344).

Иными словами, это означало запрет захватнических войн, войн за господство одного народа над другим.

Ни один мирный договор не должен считаться таковым, если при его заключении тайно сохраняется основание для будущей войны (Кант, 1966б, с. 260; АА, VIII, S. 343).

История подтвердила данный тезис Канта. Победитель, который навязывает побежденному униженный мир, сеет семена будущей войны. Примером может служить Версальский мирный договор.

Ни одно государство во время войны с другим не должно прибегать к таким враждебным действиям, которые сделали бы невозможным взаимное доверие в будущем состоянии мира... (Кант, 1966б, с. 263; АА, VIII, S. 346).

Так Кант ставил под запрет жестокие способы ведения войн:

...истребительная война, в которой могут быть уничтожены обе стороны, а вместе с ними и всякое право, привела бы к вечному миру лишь на гигантском кладбище человечества (Кант, 1966б, с. 264; АА, VIII, S. 347).

Как это справедливо звучит в наше время, в ракетно-ядерный век! После того как по решению правительства США Хи-

росима и Нагасаки подверглись в августе 1945 года атомной бомбардировке, мировое сообщество стало жить под страхом ядерной войны. В последние годы эта угроза усилилась в связи с планами Израиля и США нанести удары по Ирану. Не приведет ли это в случае осуществления столь опасных планов к «большому кладбищу рода человеческого»?

Постоянные армии (*miles perpetuus*) должны со временем полностью исчезнуть (Кант, 1966б, с. 261; АА, VIII, S. 345).

Канта можно назвать отцом политики разоружения. Он призывал даже запретить расходование государственных средств на военные цели. А что же творится сейчас? Военные расходы США в 2011 году составили более 600 млрд долларов — это более половины мировых военных расходов. Америка стала мотором мировой гонки вооружений. Она подстегнула многие страны мира стать в целях своей безопасности обладателями ядерного оружия. Это может привести к трагическим результатам.

Важность подобных кантианских «запрещающих законов» для сохранения мира очевидна. В основе философских размышлений Канта лежит тезис: в международных отношениях *решающую роль должна играть не сила, а право*. Однако этот тезис постоянно нарушался и нарушается грубейшим образом. Его несоблюдение привело к многочисленным войнам, в том числе к трем мировым — двум «горячим» и одной «холодной».

Разумеется, соблюдение «запретительных законов» Канта предполагает высокий интеллектуальный и моральный уровень, высокое чувство ответственности политиков и руководства государств, правящей элиты в целом. Но не только это важно. Кант пишет в своем трактате, что «*честолюбие, властолюбие и корыстолюбие*» (Кант, 1966а, с. 11; АА, VIII, S. 21) людей могут быть устранены только в рамках определенной государственной системы. Для воплощения данной функции государства ему казался наиболее подходящим республиканский правопорядок — поистине революционная идея для тогдашней монархической Европы. Кант сформулировал

важную закономерность: между возникновением войн и системой государственной власти существует прямая и косвенная взаимосвязь.

Развязывание и ведение войн свойственно, как правило, государствам с сильной концентрацией власти в одних руках, власти, которая не контролируется обществом и не ограничена общественными институтами. Развитие международных отношений в XX веке наглядно продемонстрировало, что возникшая на европейском континенте тоталитарная, сильно идеологизированная система государственной власти стала движущей силой экспансии. Но опыт межгосударственных отношений показал, что и демократические государства с отлаженной системой разделения властей также служили источниками войн или провоцировали их. Это в первую очередь относится к квазидемократическим государствам. В наше время международные отношения продемонстрировали достаточное количество подобных примеров. Под флагом утверждения «западных ценностей», свободы и прав личности США проводят политику мессианского экспансионизма и глобального доминирования — Проект нового американского века (PNAC) (Abrams, 1997).

Согласно Канту, мир может быть достигнут при условии тесной взаимосвязи политики и морали. Голый прагматизм, который рождает эгоизм и стяжательство, невозможно соотносить с обеспечением мира. Мораль Кант ставит на один уровень с правом. Только те политические действия отвечают нормам морали, нравственности и способствуют поддержанию мира, которые основаны на правовых нормах.

Исходя из идейного наследия Канта, можно сделать вывод, что в основе поведения каждого отдельно взятого человека, особенно наделенного политической и экономической властью, должны быть следующие принципы нравственности: а) ненанесение ущерба собственному моральному авторитету, собственной совести, достоинству и чести; б) ненанесение ущерба своему ближайшему окружению; в) ненанесение ущерба интересам собственного народа; г) ненанесение ущерба интересам других народов; д) ненанесение ущерба окружающей природе.

В современной политической практике принципы морали и политики, как правило, не объединены. В наше время широко распространено мнение, что политика и мораль вообще несовместимые вещи. Более того, существует убеждение, что политика является грязным делом и навсегда таковым останется. В действительности это вредное заблуждение служит идеологическим оправданием для тех, кто вершит несправедливые дела. Ведь если политика отвечает истинным интересам своего народа, не угрожает интересам других народов и основана на праве, она не может быть грязной. Существуют только грязные политики, которые служат корыстным эгоистическим интересам сил, оторванных от народа и ставящих свои личные интересы выше интересов народа.

В трактате «О вечном мире» есть глубокие мысли о недопустимости вмешательства во внутрисударственные конфликты. Это особенно актуально для настоящего времени. Как должны вести себя внешние силы по отношению к государству, если оно «вследствие внутренних неурядиц распалось на две части, каждая из которых представляет собой отдельное государство, претендующее на полную самостоятельность?» (Кант, 1966б, с. 263; AA, VIII, S. 346).

Допускается ли в данном случае вмешательство извне? Кант дает на это такой ответ:

Но до тех пор пока этот внутренний спор не решен, вмешательство посторонних держав означает нарушение прав независимого народа, борющегося лишь со своей внутренней болезнью. Такое вмешательство, следовательно, было бы дурным примером для других и угрожало бы автономии всех государств (Кант, 1966б, с. 263; AA, VIII, S. 346).

Кант был убежден: в результате подобного вмешательства в международных отношениях наступит *последующая анархия*. Подтверждением этих идей Канта являются, например,

силовое вмешательство США и НАТО во внутренние дела Югославии с целью ее расчленения или провоцирование и поддержка извне действий наемных сил против правительства Асада в Сирии.

Но нельзя отрицать, что в международной жизни в конце XX века возникло много серьезных осложнений, связанных с этническими проблемами. Так, выяснилось, что между принципом целостности многонационального государства и правом национальных меньшинств на самоопределение существуют противоречия, способные привести к конфликтам. Как должно реагировать международное сообщество, если в рамках одного государства грубо попираются права человека и гражданские свободы или в каком-либо государстве осуществляется геноцид одного из национальных меньшинств или целого народа? Являются ли органы ООН дееспособными и в состоянии ли они предотвратить вышеупомянутые ситуации и возникающие из-за этого конфликты?

Кант считал недопустимым насильственное вмешательство во внутренние дела какого-либо государства. Для урегулирования конфликтов есть более подходящие средства и инструменты, чем военная сила, а именно политическое, экономическое и моральное давление, изоляция, осуждение международной общественностью, решения соответствующих международных организаций и пр. Пример Чехословакии продемонстрировал, что противоречие между принципом права народа на самоопределение и принципом целостности государства может быть решено мирным путем.

Только в одном случае «запретительный закон» в плане соблюдения принципа суверенитета теряет свою силу: если государство (народ) добровольно по договору передает свой суверенитет или часть его в пользу центральных органов интеграционного сообщества. Такая практика нашла применение в рамках западноевропейской интеграции. Но этот процесс натолкнулся неожиданно на значительные трудности. Выясни-

лось, что не так просто совместить принцип суверенитета страны с централизованным, забюрократизированным управлением интеграционной группировкой. Нерешенность этого вопроса обернулась нынешним кризисом европейского сообщества, но отнюдь не поставила под сомнение саму интеграцию. Она дает национальным государствам не только лучшие возможности для их всестороннего сотрудничества и взаимные выгоды в области политики, экономики, культуры и духовных ценностей, но и гарантирует им эффективное обеспечение безопасности. Войны в рамках подобных интеграционных объединений просто нельзя себе представить.

Итак, идейное наследие Канта в вопросах войны и мира указывает правильное направление, в каком должны развиваться современные международные отношения. Политики, ответственные за судьбы народов, должны постоянно сверять свои планы и действия с принципами трактата «К вечному миру».

Список литературы

Кант И. Идея всеобщей истории во всемирно-гражданском плане // Соч. : в 6 т. М., 1966а. Т. 6.

Кант И. К вечному миру // Там же. 1966б.

Abrams E. et. al. Project for the New American Century. Statement of Principles (1997). URL: <http://www.newamericancentury.org/statementofprinciples.htm> (дата обращения: 15.02.2012).

Об авторе

Вячеслав Иванович Дашичев — доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник отделения международных экономических и политических исследований Института экономики РАН, e-mail: v.dashichev@mail.ru

В. Я. Дыханов, А. С. Зильбер

«Демократический мир» и кантовское условие невмешательства во внутреннюю политику государства: неразрешимое противоречие?*

Одной из самых острых проблем современных международных отношений является вопрос о допустимости вооруженной интервенции в независимое государство и условиях, при которых такая интервенция становится возможной или необходимой. Интервенции в Югославии, Афганистане, Ираке и Ливии были неоднозначно восприняты международным сообществом, хотя в них принимали участие бесспорно демократические государства.

Основанием для подобного вооруженного вмешательства, как правило, служит концепция «гуманитарной интервенции», то есть насильственные действия, направленные на предотвращение массовой гибели людей. Фундаментальное право человека на жизнь ставится выше принципов суверенитета. Массовые убийства в Руанде, Сомали, Дарфуре и Боснии, перед которыми оказалось бессильно международное право, убедили многие международные организации и национальные правительства в необходимости интервенции в случае возникновения подобных угроз гуманитарного характера.

Кроме того, эти страны проявляли агрессивность во внешней политике. Югославия поддерживала боснийских сербов и фактически побуждала их к совершению гуманитарных преступлений. Афганистан был превращен режимом талибов в прибежище международных террористических организаций. Ирак оккупировал Кувейт и проводил агрессивную политику по отношению к соседним странам. Ливийский режим организовал террористические акты в Европе (самые известные из них в Локерби и Берлине).

© Дыханов В. Я., Зильбер А. С., 2013

* Статья подготовлена при поддержке РГНФ, проект №12-03-00321а.

Однако неофициально, в средствах массовой информации, в качестве оправдания интервенции широко обсуждался недемократический характер политических режимов в этих странах, с чем связывалась их агрессивность и репрессивность по отношению к собственным гражданам. Гарантией предотвращения гуманитарных преступлений и агрессии интервенты считали демократизацию политических институтов, процессов и отношений после устранения недемократического режима.

С позиций неоинституционализма самой сложной задачей и одновременно самым надежным критерием демократизации является формирование устойчивых демократических институтов. С этим связана американская концепция «проекции демократических институтов», к которой более скептически относятся европейские сторонники неоинституционализма (Mesquita et al., 1999).

В России подобные концепции ассоциируются с большевистской идеей «экспорта революции», так как в основе «проекции демократических институтов» лежит убежденность в универсальности определенных политических и социальных моделей и эволюционизм, предполагающий универсальную стадиальность в экономическом, социальном и политическом развитии (Мамаев, 2005). Сами приверженцы универсальности демократии признают, что после интервенции страна будет переживать длительный период нестабильности и должна пройти несколько стадий развития, прежде чем возникнут устойчивые демократические институты. Однако такая эволюция возможна, на что указывает успешный опыт «насильственной» демократизации Германии, Японии и позднее Сербии.

Не вдаваясь в дискуссии относительно обоснованности и осуществимости «проекции демократических институтов», следует заметить, что конечная цель внешнего вмешательства — обеспечение длительного и гарантированного мира. По отношению к данной цели демократия является главным и необходимым условием (Russett, 1993).

В концепциях мировой политики и международных отношений подобная идея впервые была выдвинута Уинстоном Черчиллем во время визита в США в 1938 году. В условиях нарастания международной напряженности, осознания неизбежности мировой войны, дискредитации либеральных и демократических ценностей британский политик предложил англосаксонским нациям, как самым последовательным носителям демократических традиций, взять на себя особые, полицейские функции по поддержанию мира во всем мире и предупреждению новых войн, в том числе и путем «подавления атактистических режимов» (Charmley, 1995). Предполагалась не только допустимость, но и необходимость вооруженной интервенции в случае возникновения угрозы войны, так как прежние нормы международного права и международные институты, например Лига Наций, оказались неэффективными для предотвращения больших войн. Разумеется, новый миропорядок предлагалось выстроить после победы над нацизмом. Именно эти идеи легли в основу политической идеологии атлантизма и позднее евроатлантизма.

Теоретической основой этих идеологий, признающих необходимость интервенции, является концепция «демократического мира» (Pescu, Pickering, 2008), сторонники которой порой указывают на ее истоки в проекте «вечного мира» Иммануила Канта (Doyle, 1983). Тезис о мирной природе демократии, точнее, республики (Кант против такой демократии, в которой «все решают об одном», и открыто предостерегает от смешения понятий демократического и республиканского устройства) содержится в первой из «окончательных» статей трактата «К вечному миру» (Кант, 1966б, с. 267; АА, VIII, S. 352), в менее строгой форме он сформулирован ранее в «Идее всеобщей истории...» (Кант, 1966а, с. 13; АА, VIII, S. 20). Кант обосновывает этот тезис тем, что республиканская представительная форма воплощения демократии в противовес «деспотическому» устройству разделяет разные ветви власти. «Деспота» он называет собственником государства, для

которого война подобна увеселительной прогулке, она не лишает его привилегий (Кант, 1966б, с. 268—269; AA, VIII, S. 351). В республике все члены правительства являются гражданами и вынуждены разделять с другими гражданами тяготы войны.

Очевидно, философ пишет об идеальной модели этой формы правления. В исторической реальности поставить хотя бы большинство народных представителей на уровень среднего жителя страны, несущего все тяготы войны, — оказалось невозможно. Даже принципиально это затруднительно по объективным основаниям: ввиду возраста, высокого социального положения, а также депутатской неприкосновенности, которая оправдана в том числе и тем, что потребность республики в законотворчестве и контроле исполнительной власти во время войны в целом сохраняется, как показал опыт хотя бы Второй мировой (Юнгблуд, 2010, с. 41), даже учитывая то, что центр власти перемещается на ее исполнительную ветвь.

Эти аргументы ослабляют веру в миролюбие республиканской власти. Казалось, можно найти поддержку делу мира в том, что рядовые граждане могли бы легко донести свое мнение до власти, которая призвана представлять их же интересы, а власть охотно бы прислушивалась к этому мнению, но в практике современных республик мы нередко наблюдаем безответные антивоенные протесты на улицах (Callinicos, 2005), а референдумы по вопросу об участии в «гуманитарной интервенции» не проводятся. Всеми этими соображениями ослаблены сразу несколько аргументов обоснования миротворческого потенциала как республиканской формы правления, так и всего демократического режима.

Итак, согласно первой «окончательной» статье кантовского «договора о вечном мире» требуется республиканская форма правления. Но пятая «предварительная статья» этого «договора» резко ограничивает условия выполнения этого требования, провозглашая следующее: «Ни одно государство не должно вмешиваться в политическое устройство и правление

других государств» (Кант, 1966б, с. 262; АА, VIII, S. 346). Исключение возможно только в тех случаях, когда государство разделилось. Применительно к современной ситуации это исключение позволяет рассматривать вооруженные конфликты в Югославии, Афганистане и Ливии не как вооруженную интервенцию, а как помощь одной из противоборствующих сторон, если эти стороны уже можно считать одним из двух или более новых государств, возникших вместо прежнего. Такую помощь, при наличии у этих новых государств претензий на поглощение друг друга, Кант считает правомерным противодействием анархии (Кант, 1966б, с. 263; АА, VIII, S. 346). Конечно, дискуссионным останется вопрос о легитимности, международном признании и государственно-правовом оформлении косовских сепаратистов, афганского Северного альянса или Переходного национального совета Ливии, на стороне которых выступили интервенты. Однако подобные проблемы могут быть в конце концов разрешены международно-правовым путем, так же как и вопрос о том, чьи претензии более или менее правомерны и в чем должна заключаться помощь (просто принудить стороны к миру или еще и к некоторым уступкам).

Более важным видится вопрос о том, допустимо ли вооруженное нападение на независимое государство для обеспечения прочного мира (в качестве «превентивной меры») или предотвращения массового убийства людей собственным правительством. Последний случай может рассматриваться как война, если считать отличительным ее признаком неправовое состояние в смысле невозможности решить конфликт правовым путем. Обсуждение данного вопроса на международной арене немедленно сводится к частным проблемам: каков масштаб насилия со стороны правительства, действительно ли данное государство представляет угрозу миру, какая доля населения страны поддерживает политический режим или выступает против него и т. п. (Davenport, 2007). Эти дискуссии не дают принципиального ответа на обозначенный выше вопрос. В то же время ведущие державы мира расходятся именно в

этом главном вопросе, что делает бессмысленными все остальные дискуссии и препятствуют выработке единой позиции, которой могли бы руководствоваться международные организации.

Следует учитывать, что одна из целей упомянутых интервенций как раз заключалась в изменении политического устройства и правления в государстве, что оценивается Кантом как нарушение предварительного условия для установления мира. Философ в своих рассуждениях исходит исключительно из национальных интересов суверенных государств, видя в угрозе бедствий и страданий людей только «дурной пример» для соседнего государства — потенциального интервента. Кант отмечает, что такой «пример может служить предостережением, показывая, какое огромное зло навлек на себя народ своим беззаконием» (трудно не согласиться с этим доводом: едва ли найдутся нации, заинтересованные в том, чтобы последовать опыту Руанды или Сомали), но в данном случае нельзя говорить о нанесении ущерба другим государствам (Кант, 1966б, с. 263; АА, VIII, S. 346). Здесь налицо строгое «материалистическое» и индивидуалистическое понимание суверенитета в гоббсианском духе, которое нетрудно оспорить с точки зрения нашей эпохи, эпохи глобализации и растущих взаимосвязей государств, эпохи размывания границ между внешней и внутренней политикой. Но позиция Канта имеет и другие основания, которые остаются актуальными и сегодня.

В XVII веке сформировалась концепция суверенитета государств, в том числе и правового суверенитета. Право, включая и права человека, было ограничено государственными границами. Суверенитет безусловно признавался высшим приоритетом в международных отношениях во времена Канта, когда перед глазами философов еще была налицо практика колониализма, однозначно несправедливая и противоречившая принципам всеобщего равенства людей (даже учитывая расовый аспект — как минимум формально) всех деклараций, в которых провозглашались права человека (начиная с Декларации независимости США). И в наши дни в каждом случае «гуманитарной интервенции» остается актуальным вопрос: не

скрывается ли за ней экономико-политическая экспансия (Лабюк, 2008)? Ведь велик соблазн установить свое влияние в том государстве, которое ослаблено после смены правительства, гражданской войны и интервенции. Вопрос о праве смешивается с вопросом о власти, суверенитет и права граждан оказываются на одной чаше весов — и Кант выбирает суверенитет. Он требует гарантий того, что ослабленное государство не будет поглощено соседями. Если гарантий нет, то со сменой режима следует подождать. Мы не знаем, изменил ли бы Кант свое мнение, узнав о примерах геноцида в XX веке. Сегодня не допустить лицемерия в охране прав человека призван Совет Безопасности ООН, хотя не все его решения подкреплены балансом сил на мировой арене.

С принятием Всеобщей декларации прав человека ООН в 1948 году на основе практики Нюрнбергского процесса впервые возникли императивные нормы для всех государств, что создало возможности для правосудия без границ. Именно так (Infinite Justice) планировали назвать в США военную антитеррористическую операцию в Афганистане и других государствах в 2001 году, но затем переименовали в «Несокрушимую свободу» (Endurable Freedom), в связи с тем что безграничное правосудие согласно нормам ислама принадлежит исключительно Аллаху.

Современное международное гуманитарное право теоретически позволяет выявить ситуации, при которых необходима интервенция, на основе императивных норм, запрещающих самые одиозные преступления против человечности (геноцид, рабство, пытки), но критерии для определения таких ситуаций и правоприменительная практика представляют собой значительную и пока еще не решенную проблему.

Менее понятным представляется вопрос об интервенции для обеспечения мира, условием которого считается установление демократического политического режима. Прочный мир установить невозможно, так как имеются недемократические, а значит, реально или потенциально агрессивные государства. Но изменить политический режим в них невозможно, следуя

принципу невмешательства. Нельзя не согласиться и с замечанием известного теоретика процессов коммуникации Ю. Хабермаса о том, что всемирная организация должна следить только за обеспечением базовых прав человека, в остальном «незападные культуры вправе осваивать универсальное содержание прав человека исходя из своих собственных ресурсов и в собственном прочтении, привязывая их к собственному опыту и интересам» (Хабермас, 2008, с. 38), возможно, даже не ломая свои традиционные формы правления и политический режим.

Попытки свергнуть недемократический политический режим невоенными мерами, например путем нелегальной поддержки оппозиционных сил, также осуждаются Кантом (Кант, 1966б, с. 263; АА, VIII, S. 346). Такие попытки приравниваются к вмешательству, подрывают доверие между государствами и делают прочный мир между ними невозможным. Интерпретаторы Канта видят пути для давления на такие режимы только в их публичной критике официальными представителями других государств и мировой общественностью (Gerhardt, 1995, S. 65, 209), а также во введении санкций против них, что представляет собой довольно безопасный инструмент, поскольку не требует ужесточения основ международного права в области коммуникации государств (Хабермас, 2008, с. 138).

Таким образом, единственной причиной интервенции может служить явное нарушение международного гуманитарного права, а способом проведения этой интервенции может быть поддержка одной из противоборствующих сторон в случае разделения государства, предположительно более демократической и миролюбивой.

Остается только надеяться, что «дурной пример» недемократических государств приведет к демократизации всех стран и торжеству мира во всем мире. При всей идеалистичности таких надежд и нерешенности проблемы соотношения государственного суверенитета и прав человека кантовский проект «вечного мира» должен рассматриваться как универсальный идеал мировой политики и международных отношений.

Список литературы

Кант И. Идея всеобщей истории во всемирно-гражданском плане // Соч. : в 6 т. М., 1966а. Т. 6.

Кант И. К вечному миру // Там же. 1966б.

Лабюк О. Ответственность по защите и право на вмешательство // Международные процессы. 2008. Т. 6. № 3 (18).

Мамаев Ш. Бархатные интервенции // Политический журнал. 2005. № 16.

Хабермас Ю. Расколотивший Запад. М., 2008.

Юнгблуд В. Т., Ильин Д. В. Сенаторы Т. Коннелли и А. Ванденберг: двухпартийный диалог в США в 1943 году // Известия РГПУ им. А. Герцена. 2010. Вып. 126. С. 40—47.

Callinicos A. Anti-war protests do make a difference // Socialist Worker. 2005. Vol. 1943.

Charmley J. Churchill's Grand Alliance. The Anglo-American Special Relationship, 1940—1957. N. Y., 1995.

Davenport C. State Repression and the Domestic Democratic Peace. Indianapolis, 2007.

Doyle M. W. Kant, Liberal Legacies, and Foreign Affairs // Philosophy and Public Affairs. 1983. Vol. 12, № 3. P. 205—235.

Gerhardt V. Immanuel Kants Entwurf "Zum ewigen Frieden": eine Theorie der Politik. Darmstadt, 1995.

Mesquita B. B. de, Morrow J. D., Siverson R. M., Smith A. An Institutional Explanation of the Democratic Peace // American Political Science Review. 1999. Vol. 93. P. 791—807.

Peceny M., Pickering J. Can liberal intervention build liberal democracy? // Conflict prevention and peacebuilding in post-war societies: Sustaining the peace. L., 2006. P. 130—148.

Russett B. Grasping the Democratic Peace: Principles for a post-Cold War World. Princeton, 1993.

Об авторах

Вячеслав Яковлевич Дыханов — кандидат политических наук, доцент кафедры политологии и социологии Балтийского федерального университета им. И. Канта, e-mail: dykhanov@yandex.ru

Андрей Сергеевич Зильбер — младший научный сотрудник Института Канта Балтийского федерального университета им. И. Канта, e-mail: a-zilb@yandex.ru

П. Шульце

**Европейская безопасность без НАТО:
структурные элементы
общеевропейской системы безопасности**

Непосредственно перед распадом Советского Союза в кругах российских и европейских экспертов в области внешней политики и политики безопасности царило почти эйфорическое настроение прорыва: многим казалось, что теперь гнетущему грузу холодной войны, антагонистической биполярности систем и исходящей от нее смертельной угрозе гонки вооружения будет положен конец. Речь шла о «мирных дивидендах», о демократическом прорыве, который превратил бы войны между государствами в анахронизм. В этом контексте неоднократно обращались к кантовской идее «вечного мира» как к структурному принципу формирования европейского постбиполярного устройства.

Однако мир не установился, а постбиполярный порядок не принес дивидендов. Когда исчезла характерная для «холодной войны» репрессивно-милитаристская система, возникшая на ее месте структура новых государств спровоцировала этнонационалистические конфликты и гражданские войны на постсоветском пространстве и повергло Балканы в череду кровавых войн, свирепствовавших почти на протяжении целого десятилетия.

В этой ситуации ставить знак равенства между демократией и миролюбием представляется неверным. Несмотря на демонстрацию готовности к партнерству, солидарность и поддержка западных демократий в отношении обществ Восточной Европы, боровшихся за выживание в трансформационном хаосе, оставались ограниченными. Это положение дел почти не изменилось вплоть до настоящего времени.

Как бы парадоксально это ни звучало, но для того чтобы гарантировать в будущем прочный мир и безопасность для всей Европы, необходимо обратиться к прошлому, а точнее, к тому моменту времени в конце XX века, когда Советский Союз как «империя насилия» был повержен вместе со всеми своими экономическими, военными и международно-политическими организациями, а военный блок Запада — НАТО, несмотря на всю радость от «победы» в холодной войне, погрузился в кризис идентичности. Однако еще до того как Советский Союз исчез с политической сцены, президент СССР Михаил Горбачёв подписал Парижскую хартию². Благодаря Парижской хартии в Европе появилась возможность для мирного устройства, которое исходило бы не только из целостности СССР, но и укоренения СССР в Европе. Условия для этого, казалось, существовали благодаря экономической и политической открытости страны, достигавшей своей кульминации в цели того времени — построении «единого европейского дома».

В действительности же физическое окончание холодной войны не привело к созданию новой европейской системы безопасности. Более того, постсоветская Россия была практически исключена из процесса формирования постбиполярной Европы. В результате перспектива «общеевропейского дома» с межгосударственной, связывающей архитектурой безопасностью рассеялась как дым.

Произошло все это потому, что вместе с решением о расширении НАТО на восток хартия потеряла значение. Даже продвигаемая в качестве ее замены конструкция *interlocking security institutions*, которая должна была согласовать и соединить друг с другом НАТО, ОБСЕ и давшую первые всходы концепцию ОВПБ (общей внешней политики и политики безопасности), вскоре рухнула. В 90-е годы возникла дихотомия

² О встрече глав государств и правительств стран-участниц конференции по безопасности и сотрудничеству в Европе (СБСЕ) в Париже 19—21 ноября 1990 года см.: (*Establishment ...*).

между расширяющимся трансатлантическим союзом и бывшей супердержавой, безнадежно отстававшей в области экономического и технологического развития, постоянно колеблющейся на грани системного кризиса и с внешнеполитической точки зрения представлявшей на протяжении этого десятилетия непредсказуемым фактором. Вследствие этого системные кризисы постсоветской России породили другую опасную ситуацию, отличную от прежней, характерной для биполярного мира. В том, что теперь можно было не опасаться военной угрозы, были убеждены даже закоренелые «атлантики», однако теперь возникала необходимость подготовиться к непредсказуемым последствиям российской трансформации, экономического упадка и внушающей опасения внутривнутриполитической поляризации страны. Казалась возможной даже сепаратистская фрагментация страны, хорошо вписавшаяся бы в планы некоторых кругов в Вашингтоне (Збигнев Бжезинский) и других местах.

Новое положение затронуло также и НАТО. Ее функция оборонительного союза отошла на задний план, но не исчезла полностью. НАТО и далее видела свое предназначение в качестве страховки от последствий непредсказуемой российской трансформации, т.е. вполне в русле своей прежней задачи. Обе роли (распространение стабильности на Восточную Европу и безопасное закрепление Европы в трансатлантическом союзе) легитимировали дальнейшее существование Североатлантического альянса. Именно на этом были основаны оба расширения НАТО на восток. В результате вместо целостной картины общеевропейской системы мира и безопасности получились фрагменты изображения, определяемые НАТО и Европейским союзом. С этого момента в Европе стали существовать различные сферы безопасности и мира.

Совершенно иное развитие пережила постсоветская Россия. Правящая элита из окружения Бориса Ельцина надеялась, что новой России будет открыт путь в западные институты, где она будет принята с распростертыми объятиями. Реальность же выглядела иначе. «Романтическая ориентация» рос-

сийской внешней политики с 1991 по 1993 год, начало которой было положено первым постсоветским министром иностранных дел Андреем Козыревым, не принесла желаемого успеха. Эйфория реформаторов разбилась о суровую реальность, когда в начале 1994 года стало известно решение НАТО о первой волне расширения на восток. При этом трансатлантическое сообщество государств совершенно не беспокоило, что это решение было воспринято российской стороной как отмежевание и способствовало росту эмоциональных и иррациональных протестных настроений среди новой правящей элиты.

Кавказский конфликт³, а также более ранний «сигнал» Путина на мюнхенской конференции по безопасности 2007 года внесли существенный вклад в понимание проблемы: не может быть и речи о третьем раунде расширения НАТО на восток в том же темпе. В противном случае надо было бы смириться с последствиями формирования в Европе враждебных лагерей и отложить идею общеевропейского мирного порядка на неопределенное время.

Если задать целью предотвратить подобное развитие событий, то обязательно возникают вопросы как об отношениях между ЕС и Россией, так и о способности НАТО к преобразованию. Оба круга проблем лишь кажутся не связанными друг с другом. На самом же деле они пересекаются и касаются как роли ЕС в Европе, так и его политического веса в области безопасности. В начале нового тысячелетия в Европе фактически образовались два геополитических центра силы: ЕС и вновь набравшая силу Россия. Однако, несмотря на интенсивные контакты, соглашения и другие связи как на многополярном, так и на биполярном уровне, обе стороны остаются в неведении относительно того, являются ли они противниками, партнерами или же просто мирно сосуществующими соседями. Вопреки политическим точкам соприкосновения и экономическим связям они находятся в противоположных лагерях, обладают различными ценностями, традициями, интересами и состоят в разных союзах.

³ Имеется в виду война с Грузией в 2008 году. — *Примеч. пер.*

При всем парадоксальном отсутствии корреляции между характером политических отношений и интенсивностью и полнотой экономических отношений между ЕС и Россией (в политической риторике, и прежде всего в средствах массовой информации, напротив, обыгрывается идеологически раздутая борьба культур) оба лагеря обязаны принимать во внимание свою экономическую взаимозависимость и пространственную близость друг к другу. Вопреки всем внутренним противникам, не желающим нормализации отношений между ЕС и Россией, национальные правящие элиты не могут не учитывать реальные изменения, которые произошли в ходе последних десяти лет в международной политике, и в первую очередь в Европе. Кроме того, поскольку волны расширения ЕС и НАТО на восток затрагивают постсоветское пространство и сталкиваются там с российскими интересами, вызывая тем самым политические колебания в странах СНГ, стороны вынуждены проявлять заботу о стабильности в этом пространстве. В связи с этим должны быть разработаны концепции и/или стратегии предупреждения конфликтов и развиты коммуникативные формы взаимодействия друг с другом, которые до сих пор или отсутствовали, или же существовали лишь на словах. Это либо час рождения рефлексии об общем будущем, либо упорное следование курсу на приближающуюся конфронтацию.

В качестве предварительного вывода можно сформулировать следующее: в основной идее, находящейся в действии начиная с процесса в Хельсинки и составляющей, собственно говоря, европейское в облике международной политики, мало что изменилось. *Отношение Европейского союза к России есть и остается судьбоносным вопросом континента, а следовательно, детерминантой европейской политики мира и безопасности.* Перед лицом изменений в международной системе государств уже недостаточно одной лишь разработки и реализации тактических операций по предотвращению конфликтов. На карту поставлено большее: все усилия должны быть направлены на придание нового качества общеевропейским отношениям, а именно на создание общеевропейской системы мира и безопасности.

Вопрос об идентичности и новом понимании ролей в международной системе относится и к самому ЕС. Вот уже почти на протяжении двух десятилетий делятся дебаты относительно европейской идентичности в области внешней политики и политики безопасности и самостоятельной роли Европы в международной политике. Потребовалось почти 12 лет со времени подписания Маастрихтского договора, чтобы ЕС смог прийти к стратегии безопасности, которая в значительной мере была сформулирована Хавьером Соланой. Слишком удобная роль в качестве младшего партнера США, сидящего у них на шее, остается все еще привлекательной для некоторых стран — членов ЕС, особенно для стран из бывшего восточного блока. Их упорная ориентация на Вашингтон в сфере безопасности объясняется исторической травмой и рефлексом бегства, едва ли оправданными в настоящее время, особенно в условиях изменяющейся международной системы. Подобные установки не только блокируют ориентированную на реальность и будущее политику ЕС, который *nolens volens* был втиснут в иную геополитическую роль и одновременно с этим не желает расставаться с ролью младшего партнера в союзе с США, но и вредят должному развитию трансатлантического измерения.

Совершенно необоснованным и почти что иррациональным является при этом опасение, будто сторонники общеевропейской системы безопасности намереваются оторвать ЕС от США. Даже резкие критики американской системы поведения в международной политике едины в том, что никакое новое определение трансатлантической безопасности не может быть направлено против США. Даже Москва не имеет намерения вбить клин между США и Европой. Несмотря на понимание того, что Вашингтон вряд ли в состоянии в одиночку ответить на вызовы глобализации и будет прилагать усилия по преодолению последствий финансового и экономического кризиса, большая часть стран ЕС уклоняется от требования разделять ответственность с США, самим определять сферу собственных интересов и ускорить оформление европейской внешней политики и политики безопасности. В этом контек-

сте, особенно на фоне долгового кризиса в ЕС, неизбежно возникает мысль о том, не нужно ли найти другие пути и конфигурации для достижения подобных целей, в случае если этот путь не может быть пройден вместе со всеми европейскими странами — членами ЕС. Примерами для подобного действия могут быть шенгенская политика, введение евро и другие проекты углубленной интеграции.

Из сказанного выше следует множество вариантов для будущей организации безопасности и мира в Европе. При этом ясно, что существующие институты, т. е. НАТО, ЕС и ОБСЕ, а также ОДКБ и Евразийский союз, должны быть вовлечены в переговоры в качестве элементов будущей «конструкции». Быстрое построение новых институтов не только невозможно, но и нежелательно, поскольку этот путь мог бы привести к разногласиям между ними, а следовательно, к повышенным рискам в области безопасности. Эта опасность тем более очевидна, если принять во внимание сопротивление по отношению к любому изменению существующего *status quo*, оказываемое европейскими союзниками США в новой и старой Европе.

Остается констатировать, что резкое изменение в международной расстановке сил, в особенности уход США со своей господствующей позиции вкупе с их возвратом к изоляционистской установке, привело бы к весомым проблемам безопасности в Европе. Последствия подобного возврата было бы нельзя компенсировать — ни при помощи региональных целевых союзов, ни посредством создания новых институтов. *При всей критике в их адрес США остаются непоколебимой составной частью уравнения безопасности для Европы.* Позиция США слишком глубоко укоренена в трансатлантической структуре безопасности, чтобы можно было без Вашингтона обсуждать безопасность в Европе. В любом случае в обозримом будущем возникновение подобного представления у европейских членов НАТО и ЕС невозможно по общественно-политическим причинам. Невыгодность подобного подхода для идеи общеевропейской безопасности признают даже в Москве, хотя и по другим причинам.

Таким образом, никакой реформаторский подход не принесет успеха, если он будет игнорировать существующие институты или же действовать против них. Более того, это противоречило бы задуманному, т. е. созданию общеевропейского мирного устройства на основе доверия и гарантии безопасности — устройства, которое, как минимум, могло бы преодолеть размежевание европейских стран. Прежде чем учреждать новое институциональное образование или даже затевать реорганизацию уже существующих, необходимо добиться максимума в обоюдном доверии.

Перевод с немецкого А. Н. Саликова

Список литературы

Establishment of the Office for Free Elections (ODIHR) // OSCE (Organization for Security and Cooperation in Europe). Summits / Ministerial Councils. 1990. URL: <http://www.osce.org/mc/22260> (дата обращения: 11.02.2013).

Об авторе

Петер Шульце — доктор политических наук, приват-доцент Института политических наук Гёттингенского университета им. Георга-Августа, e-mail: schulze-lemgow@t-online.de

**МИРНЫЙ ПРОЕКТ
И СОВРЕМЕННАЯ ФИЛОСОФИЯ**

Л. Брок

**Мирный план Канта
и современные дебаты
о «демократическом мире»**

1. «Демократический мир» (ДМ) — центральное положение либерального (западного) учения о международных отношениях (МО). В своей самой сильной формулировке оно гласит, что демократии в целом более миролюбивы, чем не демократии. Этот вывод находится в спорных отношениях с наблюдением о том, что международные военные конфликты последних двадцати лет в значительной мере определялись либеральными демократиями (Ирак, 1991 г.; Косово, Афганистан, Ирак, 2003 г.). Нет ли у нас больше повода говорить о демократической войне, чем о демократическом мире?

2. Фактическое участие демократий во внутригосударственных военных конфликтах современности привели к дифференциации учения о ДМ. Оно выступает в двух вариантах, а именно: «монадный вариант» гласит, что демократии в целом более миролюбивы, чем недемократии; «диадический вариант» гласит, что последнее имеет силу только для отношений между демократиями.

3. Учение о ДМ делает ссылку на Канта. Главным аргументом при этом выступает тезис Канта о том, что форма государства, при которой решение о войне принимают те, кто несет основные тяготы войны, благоприятствует мирному внешнему состоянию. Поэтому мирный план Канта говорит в пользу предположения о том, что демократии в целом более

© Брок Л., 2013

© Копцев И. Д., перевод, 2013

миролюбивы, чем недемократии (монадный вариант). Но как в таком случае объяснить, исходя из Кантовой перспективы, современное участие демократий в войнах?

4. Наш франкфуртский коллега Эрнст-Отто-Чемпиел выдвигает тезис о том, что во внешней политике и политике безопасности либеральных демократий мы имеем дело с недостатком демократии. Против этого можно возразить, что парламенты имеют решающее право голоса как раз в вопросах войны и мира. То, что исполнительная власть, тем не менее, имеет столь сильные позиции в вопросах войны и мира само нуждается в объяснении. Следовательно, она не решает загадку участия демократий в войнах.

5. Другая попытка объяснить участие демократий в войнах, исходя из Кантовой перспективы, доходит до того, что либерализм интерпретируется как проект гегемонии Запада, который сильно расходится с Кантовым мирным планом или противоречит ему, пытаясь использовать учение Канта для оправдания ведения войн (насильственное расширение демократии как политики мира). Однако это может означать, что подчеркиваемая Кантом важность внутренней конституции государства для его внешней деятельности ставится под сомнение. Следовательно, и это не является решением загадки, а само представляет собой загадку (по крайней мере, если не принадлежишь к «реалистам»).

6. Харальд Мюллер из Фонда по исследованию мира и конфликтов (г. Эссен) идет еще дальше, отмечая имеющую решающее значение проблему в самой постановке вопроса Кантом, а именно: Мюллер выдвигает тезис о том, что Кант ставит нас перед дилеммой. Она состоит в том, что, с одной стороны, силы мира должны свободно развиваться, а с другой — остается неясным, как следует обращаться с тем самым «несправедливым врагом», который противодействует любой политике мира. Этот пробел в Кантовой концепции может, согласно Мюллеру, служить оправданием демократических войн против «стран-изгоев». Против этого было выдвинуто возражение, что Кантова «несправедливого врага» нельзя приравнивать к «несправедливому государству», что он свидетельству-

ет только о «несправедливой политике». Против этой «несправедливой политики» следует действовать так, чтобы было оказано содействие по преодолению «природного» состояния (то есть произвола одного отдельного государства) и этому не чинились препятствия.

7. Главная проблема, с моей точки зрения, состоит в том, что устав ООН может рассматриваться как попытка реализации Кантова миропорядка, но существует несоответствие между материальными нормами системы ООН (мир, права человека и др.) и процессуальными нормами (право вето в Совете безопасности). Этот дисбаланс еще более возрос в результате дебатов о «гуманитарных интервенциях», «справедливых войнах» и ответственности по защите. Следствием этого является то, что государства — члены ООН отстаивают ценности, которые сами не могут защитить. В духе Канта это говорит о необходимости расширения дееспособности ООН и региональных организаций в сочетании с конституализацией международного права (Хабермас).

Перевод с немецкого И. Д. Концева

Об авторе

Лотар Брок — профессор Института политических наук Франкфуртского университета им. И. В. Гёте, e-mail: brock@hsfk.de

Л. Каранти

«Вечный» мир и «либеральный» мир: три пункта неверной интерпретации

В окончательных статьях «К вечному миру» (1795) Кант отстаивал три основные институциональные реформы, необходимые для исключения величайшей трагедии, причиняемой человечеством самому себе, — войны. В 1980-е годы Майкл

© Каранти Л., 2013

© Данилкина Н. В., Зильбер А. С., перевод, 2013

Дойл (Doyle, 1983) истолковал двухсотлетнее отсутствие конфликтов между демократиями как поразительное доказательство в пользу теории Канта и дал толчок возникновению одной из важнейших исследовательских программ в социальных науках нашего времени — теории демократического мира (далее ТДМ). Однако временами кантовское наследие неверно интерпретируется последователями ТДМ, из-за чего их исследования становятся уязвимыми для серьезной критики и резких возражений. В данной работе определяются три момента в понимании Канта, которые могут вызывать затруднения, — по одному для каждой из трех Окончательных статей. В результате должно проясниться различие между оригинальным кантовским путем к вечному миру и тем путем, который был предложен сторонниками ТДМ.

1. Республиканизм и либерализм

Первая окончательная статья предписывает всем и каждому государству стать «республиканским». Три основных признака характеризуют республиканскую конституцию: *свобода* каждого члена общества, *зависимость* всех от единого общего законодательства и законное *равенство* всех, то есть отсутствие дискриминации перед законом. Есть два дополнительных требования: а) правители должны законодательствовать, интерпретируя общую волю; б) должно быть строгое разделение властей — законодательная должна быть отделена от исполнительной (Кант, 1966, с. 267; AA, VIII, S. 352). Данные конституционные признаки мыслятся как релевантные для источника мира, так как только в республике граждане могут влиять на принятие решения о том, вступать ли их государству в войну. Поскольку люди страдают от ужасов жестокого конфликта, есть основания полагать, «что они хорошенько подумают, прежде чем начать столь скверную игру» (Кант, 1966, с. 268; AA, VIII, S. 351).

Сторонники ТДМ допускают, что кантовские республики и либеральные демократии в общем-то одно и то же. Это, однако, сомнительно. Кант с большим подозрением относится к

демократии, по крайней мере в определенном ее понимании. Для Канта демократическая система «устанавливает исполнительную власть, при которой все решают об одном и во всяком случае против одного (который, следовательно, не согласен), стало быть, решают все, которые, тем не менее, не все, — это противоречие общей воли с самой собой и со свободой» (Кант, 1966, с. 269—270; АА, VIII, S. 352). Несколькими строчками ниже он добавляет, что демократическая система делает невозможной заявленную Фридрихом II позицию «слуги государства» — эмфатический способ сказать, что исполнительная власть представляет общую волю. Это так, «потому что каждый в ней желает быть правителем». Демократию, таким образом, вернее всего будет назвать системой, в которой каждый представляет только свои собственные интересы. Это создает позицию, несовместимую с признаком, который должен быть присущ акту правления, а именно *представлять общую волю*. Иными словами, это неизбежный исход той ситуации, когда руссоистский уклад политической жизни превращается в конфликт между группировками.

Кантовская республика — это идеальный тип, который не может удовлетвориться простым наличием выборов и конституционных гарантий. Если организованное сообщество разделено на группировки так, что законодатели редко ставят общее благо своей целью, то конституционных ограничений и верховного суда недостаточно. И то, что выглядит похожим на республику, в действительности является деспотическим режимом или вскоре деградирует до такового. Это ведет к ряду выводов, которые зачастую упускают из виду сторонники ТДМ. Попытаемся привести их в порядке убывания значимости.

1. Либерализм и республиканизм не одно и то же; выборов и конституционных ограничений недостаточно для стандартов республики. Республика в отличие от либерал-демократии включает: а) активное участие граждан; б) законодательную власть, действующую в соответствии с духом (не только с буквой) конституции; в) информированный электорат, который выбирает лидеров не только исходя из личных интересов; г) граждан, прошедших социализацию в справедливом инсти-

туте в течение периода времени, достаточно длительного для того, чтобы усвоить республиканский этос, и способных реагировать на любые посягательства на их фундаментальные свободы².

2. Республика не просто набор институтов. Она включает и публичную этику, которая помимо прочего считает войну приемлемой лишь для самозащиты, даже если это, быть может, ущемляет национальный интерес.

3. Республиканское государство — это идеал, к которому следует непрерывно стремиться. Ни об одном из существующих государств нельзя сказать, что оно достигло этого идеала, ни одному государству не гарантирован постоянный прогресс на пути к этому идеалу.

4. Республиканское правительство не только представляет большинство, которое его избирало, но и оценивается с точки зрения соответствия его решений наилучшему пониманию конституционных ценностей.

5. Понятие представительного правительства включает больше, чем механизм, обеспечивающий транслирование предпочтений от граждан правителям. Оно предполагает попытку применения республиканских принципов в аутентичном истолковании ко всевозможным обстоятельствам.

Если республики и либеральные демократии не стали тождественны (с желаемой быстротой), и последние в лучшем случае рассматриваются как максимальное приближение первых в нашем опыте, то мы получаем логическое пространство, необходимое для критики существующих демократий и для того, чтобы спрашивать о причинах, возможно, имеющих отношение к определенным случаям, в которых они определенно отклонились от ожидаемого пути. Общеизвестный пример этого — вторая война в Ираке, инициированная США и одобренная многими другими демократиями.

² Аналогично Крис Браун (Brown, 1992, p. 41) сомневается, что понятие либеральной демократии, используемое теоретиками либеральной демократии, охватывает понятие республики у Канта.

2. Федерация: клуб демократий или смешанная межправительственная организация?

Вторая Окончательная статья содержит следующее предписание: «Международное право должно быть основано на федерализме свободных государств». Кант рисует здесь форму международной организации, которая позволяет разнообразным нациям изменить естественное состояние.

Среди множества трудностей понимания второй окончательной статьи нас более всего интересует та, что касается критериев, согласно которым государства могут быть приняты в эту организацию. Могут ли в нее войти только республики или государства любого типа? К сожалению, Кант не дает здесь точного ответа. С самого начала (Doyle, 1983) большинство сторонников ТДМ избрали интерпретацию *только республики* и, невзирая на опубликованные протесты различных интерпретаторов Канта (Cavallar, 1999; McMillan, 1994), сохранили эту идею якобы кантовского «сепаратного мира» между демократиями (Russett, Oneal, 2001; Russett, 2006; Doyle, 2011). Такое прочтение вызывает сомнения как в текстуальном, так и в систематическом аспекте. Кант никогда явно и дословно не утверждал, что только республики можно допустить в федерацию, а подтверждающие цитаты, приводимые Дойлом, чтобы показать, что Кант отмечал это *косвенно*, в лучшем случае заставляют задуматься об этом³ (Doyle, 2011,

³ Например, Кант говорит, что наиболее пригодный строй для достижения идеала вечного мира — это «может быть, республиканизм всех государств вместе и каждого в отдельности [samt und sonders]» (Кант, 1966, с. 282; AA, VI, S. 354). По мнению Дойла (Doyle, 2011, р. 210), Кант желает, чтобы республиканизм восторжествовал не только внутри государств («индивидуально»), но и «между ними» («коллективно»). Во-первых, даже если переводить *samt und sonders* как «индивидуально и коллективно» и мы согласимся с Дойлом в том, что философ говорит об отношениях между республиками, строящихся тоже по республиканским принципам, это еще не зна-

р. 210). На самом деле, если уж на то пошло, кантовские тексты несут смысл противоположный тому, в пользу которого аргументирует Дойл (следуя подавляющему большинству приверженцев ТДМ). Для начала, в «Метафизике нравов» Кант описывает федерацию как «постоянный конгресс государств...», открытый «*всем* соседним государствам» («даже самым малым»), и приводит пример дипломатических собраний (при нидерландских Генеральных штатах в Гааге) в пер-

чит, что он хочет ограничить федерацию республиками. Очевидно, он надеется, что республиканизм распространится во всех институтах, национальных и международных, существующих или только подлежащих учреждению. Однако это совместимо с той идеей, что в ожидании превращения всех внутригосударственных режимов в республиканские он хотел бы международную федерацию, которая включает в себя также авторитарные режимы. Более того, нет необходимости интерпретировать *samt und sonders* так, как предлагает Дойл. Это немецкое выражение обычно используется для усиления убежденности в том, что определенная идея разделяется всеми адресатами речи. Не имея в виду отношений между республиками, Кант в рассматриваемом пассаже скорее воспроизводит свою известную надежду на то, что республиканизм простирается, насколько это только возможно, на любое организованное сообщество. В эпоху Канта республик было очень мало (Франция, кантоны Швейцарии и Соединенные Штаты). Следовательно, весьма уместно понимать его желание как надежду на то, что внутригосударственные республиканские институты распространятся далеко за пределы этого очень ограниченного круга. Только сильно напрягая воображение, можно прочесть в кантовской надежде озабоченность какой-либо более изощренной идеей вроде критериев членства в том супранациональном институте, который еще только следует создать. Я в мельчайших деталях разобрал этот пассаж и оставшуюся часть подтверждения, приведенного Дойлом в работе «Демократические межправительственные организации в поддержании мира: новые исследования» (“Democratic IGOs Promote Peace: New Findings” — неопубликованный набросок, представленный в 2012 году на конференции ISA — Международной социологической ассоциации).

вой половине XVIII века (Кант, 1965, с. 278; АА, VI, S. 350). Очевидно, что в то время поблизости не было республик. Поэтому Кант не мог считать федерацию открытой только для республик. Наконец, Кант также называет федерацию «мирной», хотя еще не дружеской, общностью всех народов земли без исключения, которые могут вступать друг с другом в полезные отношения» (Кант, 1965, с. 279; АА, VI, S. 352). Единственным критерием членства, упоминаемым Кантом, является способность народов земного шара вступать в активные отношения друг с другом (создавая таким образом риск конфликта), а не справедливость их внутренних институтов.

В дополнение к текстовым свидетельствам существуют сильные систематические подтверждения нашей трактовки. Прежде всего, если федерация — это клуб республик, то она, конечно же, может улучшить отношения только между республиками. Но поскольку они уже должны быть довольно миролюбивы в отношении друг друга (согласно первой окончательной статье), то какую *значительную* роль остается играть федерации? Роль федерации была бы сведена к избеганию редких случаев, когда демократии находят войну между собой имеющей смысл — возможно, когда нормативное «не стоит этого делать» звучит слабее, чем выгоды, которые видят демократические *demos*⁴. Это было бы в полном смысле слова умалением роли, что едва ли сочетается со статусом дефинитивности, которым Кант наделяет вторую статью — статусом не менее важным, чем республиканизм внутри государств. Намного правдоподобнее, что федерация задумана для обеспечения инициатив во избежание войны, где и когда они более всего нужны, т.е. в отношениях между демократиями и автократиями, а также между автократиями. Наличие постоянных дипломатических каналов представляется более важным способом в тех случаях, когда не предполагается ни взаимного доверия, ни взаимного уважения.

⁴ *Demos* — множественное число от *demos* (народ). — Пер.

Наконец, если федерация задумана как включающая *любое* желающее государство, ее роль намного лучше соотносится с логикой постепенного продвижения к миру, которой, кажется, пронизан кантовский проект. Включение как можно большего числа существующих государств, очевидно, согласуется с утверждением Канта в третьей окончательной статье о том, что экономическая независимость — один из способствующих миру факторов, который должен оказывать воздействие на любые типы государств, не только республики. Более того, лишь будучи открытой для любого государства, федерация может играть роль институционального защитника права всемирного гражданства, которому в отсутствие мировой республики суждено оставаться на усмотрение доброй воли государств. Включение в федерацию с такой точки зрения является первым шагом, чтобы помочь деспотическим государствам совершить спонтанный переход к более справедливым институтам, и единственно доступным инструментом, обеспечивающим институциональную поддержку праву всемирного гражданства.

3. Род и виды: право всемирного гражданства и экономическая независимость

Кант дополняет свой «рецепт» вечного мира рекомендацией относительно того, что он называет правом всемирного гражданства (*Weltbürgerrecht*). Высказывание философа «право всемирного гражданства должно быть ограничено условиями всеобщего *гостеприимства*» следует понимать как «*право посещения*, принадлежащее всем людям, сознающим себя членами общества в силу права общего владения» (Кант, 1966, с. 276; AA, VIII, S. 352). Как представляется, Кант думает, что необходимым миротворческим фактором является возможность для индивидуумов посещать другие государства без угрозы для собственной безопасности. Большую часть усилий интерпретировать третью статью исследователи обращают к объяснению этого пункта. Многими отмечалась классическая

либеральная идея, согласно которой международная торговля благоприятствует миру. Гарантируя возможность для индивидов пересекать границы, Кант обеспечивает предпосылку для международной торговли.

Позволю себе слегка усомниться, что данная идея является частью того, что подразумевается в третьей окончательной статье. Когда Кант говорит о гарантиях всемирного гражданского права, данных природой, он утверждает: «Природа объединяет нации <...> посредством взаимного эгоизма. Дух торговли, который рано или поздно овладеет каждым народом, — вот что несовместимо с войной» (Кант, 1966, с. 287; АА, VIII, S. 368). Вместе с тем здесь нет указания на то, что значение этой статьи ограничивается идеей экономической независимости. Точнее, не вполне ясно, что это ключевой момент статьи. Прежде всего Кант заявляет о праве всех индивидов на посещение, то есть представление себя в обществе («sich zur Gesellschaft anzubieten») «в силу права общего владения земной поверхностью» (Кант, 1966, с. 276; АА, VIII, S. 352). Немецкое выражение “sich jdm. zur Begleitung anbieten” обычно означает «выражать готовность составить кому-либо компанию». Значит, “sich zur Gesellschaft anbieten” можно перевести как «выражать готовность к общению». Кажется, Кант апеллирует к праву входить в новое общество. Понятно, что мы имеем дело с чем-то бóльшим (или по меньшей мере иным), чем только право пересечения границ, обмена товарами и ведения бизнеса в другой стране. Это скорее право на узнавание друг друга, установление контактов с иностранцами для закладывания основы сообщества, более широкого, чем национальное. В этом смысле третья статья имеет отношение к праву *всемирного гражданства*. В третьей окончательной статье Кант прокладывает дорогу глобальному сообществу, под которым правильнее понимать социальный аспект наднационального образования, для которого федерация народов (и впоследствии мировая республика) представляет, в свою очередь, институциональную сторону. Тогда, в данной интерпретации третья статья фокусируется на условиях, не допускающих взаимного закрытия народов друг от друга. Она обращена к тем

«хорошим практикам», которые необходимы для того, чтобы обеспечить влияние обществ друг на друга, узнавание друг друга и снизить уровень взаимного недоверия. То есть первоочередной задачей третьей окончательной статьи является обмен знаниями, а обмен товарами — всего лишь одно из средств, с помощью которого этот результат эффективно достигается.

Вдобавок к этому Кант отмечает, что возможность посещения других стран — право *всех* человеческих существ. Как таковое оно не есть вопрос филантропии. Это важно, поскольку Кант утверждает право быть гражданином мира до образования всемирного федеративного государства. Еще раз упомянем о том, что во второй окончательной статье была представлена федерация государств, сохраняющих всю полноту национального суверенитета, как единственная реалистическая цель вместо идеальной — мирового правительства. Поскольку мы рассматриваем гипотезу федерации без принудительных властей, третья окончательная статья, очевидно, вводит право, которое имеет нормативную силу даже в том случае, если ни один институт — национальный или наднациональный — не приводит его в действие. Право на посещение утверждает права индивидов как независимые и предшествующие правам граждан, закладывая, таким образом, основу для современной доктрины прав человека. Если быть более точным, в центре статьи — признание индивидуальных прав, которые находятся между простым моральным «правом человека», которое Кант, как и Локк, приписывает индивидам уже в естественном состоянии, и правами, включенными в систему законов и защищенными соответствующими институциональными механизмами.

Следует выделить еще один, последний элемент. То, что мы говорили об экономической взаимозависимости без квалификаций, справедливо и для взаимосвязи *per se*. Миру свойственны глубокие связи взаимной зависимости, но вместе с тем несправедливые международные и глобальные законы — очень похожие на те, которые существуют в мире, где мы жи-

вем, — легко могут превратить взаимозависимость в источник конфликта. Африка и Средний Восток — это только два примера — все больше становились источниками энергоресурсов и другого сырья для крупнейших экономик мира. Если торговля с этими странами ведется на основе норм, которые — обозначим одну проблему — признают ужасного диктатора законным владельцем ресурсов страны, то нетрудно понять, что такие взаимозависимости могут вести скорее к конфликтам, чем к миру. Демократии зачастую, с одной стороны, приветствуют распространение демократических ценностей и институтов по всему миру из соображений безопасности, а с другой — втайне легитимируют диктаторов, которые часто представляют собой величайшую опасность для мира и стабильности. Язык третьей окончательной статьи — обоснование «права на посещение» — в противоположность некой безличной, объективной рекомендации оставить границы открытыми, сразу задает нормативное измерение всему проекту, а потому утверждает: нужна не *сама по себе* экономическая взаимозависимость, но взаимозависимость, поддерживаемая уважением всех участвующих сторон. Не просто международная торговля, а *справедливая* международная торговля.

Заключение

Пункты, в которых трактовка Канта мейнстримом ТДМ может оказаться под вопросом, отнюдь не исчерпываются тремя ошибками в интерпретации, которые здесь проанализированы. Однако их уже достаточно, чтобы показать, насколько отличается кантовский оригинал от принятой сегодня модели. В то время как Кант конструирует емкое и насыщенное требованиями понятие республиканизма, по отношению к которому современные либеральные демократии являются в лучшем случае хорошими приближениями, последователи ТДМ просто отождествили республиканизм и либерализм, сводя тем самым к нулю пространство для критики современных демо-

кратических режимов. Но это пространство необходимо, поскольку, как мы показали, усилия, направленные на вечный мир, нельзя приложить сразу и для всех; этот проект относится к тем, в которых нам всегда будет нужно концептуальное пространство для изучения наших недостатков. Если Кант предлагал все расширяющуюся федерацию, *открытую для всех типов государств*, как средство снижения вероятности войны, потребность в которой особенно велика в отношениях между демократиями и автократиями, ТДМ выдвинула понятие «демократической МПО», или «клубов демократий», существенно снижая тем самым миротворческую роль межправительственных организаций и предлагая деление мира на две хорошо различимые области: зону мира и справедливости, занятую либеральными демократиями, и зону беспорядка и несправедливости (остальной мир). Наконец, если Кант отстаивал право всемирного гражданства как средство снижения взаимного недоверия и усиления взаимосвязи между людьми в самом широком смысле, то ТДМ свела потенциал данного нормативного предложения к одному лишь фрагменту его изначального замысла: к либеральной идее о том, что торговля способствует миру. Этот фрагмент очень важен, и мы располагаем многочисленными подтверждениями того, что торговля *действительно* способствует миру (по меньшей мере, в некоторых условиях), но это все же только фрагмент.

Поскольку ТДМ оказывает влияние на внешнюю политику запада на протяжении последних 30 лет, корректировка некоторых герменевтических неточностей может оказаться чем-то большим, нежели простое академическое упражнение. И это могло бы быть весьма перспективной исходной точкой для обращения с мощным потоком критики со стороны ТДМ, которая все еще ожидает убедительного ответа. Как мог бы Кант защитить ТДМ от критики, если бы его самого защитили от их интерпретации, — это вопрос уже для другого исследования.

Перевод с английского Н. В. Данилкиной и А. С. Зильбера

Список литературы

- Кант И.* К вечному миру // Соч. : в 6 т. М., 1966. Т. 6.
Кант И. Метафизика нравов // Там же. 1965. Т. 4, ч. 2.
Brown C. International Relations Theory: New Normative Approaches. N. Y., 1992.
Cavallar G. Kantian Perspectives on Democratic Peace: Alternatives to Doyle // Review of International Studies. 2001. Vol. 27. P. 229—248.
Doyle M. W. Kant, Liberal Legacies, and Foreign Affairs. P. 1, 2 // Philosophy and Public Affairs. 1983. Vol. 12, № 3. P. 205—235 ; № 4. P. 323—353.
Doyle M. W. Liberal Peace : Selected Essays. N. Y., 2011.
MacMillan J. A Kantian Protest Against the Peculiar Discourse of Inter-Liberal State Peace // Millennium. 1995. Vol. 24, № 3. P. 549—562.
Russett B., Oneal J. Triangulating Peace: Democracy, Interdependence, and International Organizations. N. Y., 2001.
Russett B. Democratic International Governmental Organizations Promote Peace // International Organization. 2006. Vol. 60. P. 969—1000.

Об авторе

Луиджи Каранти — доцент факультета политических наук в университете Катаньи, e-mail: lcaranti@gmail.com

М. Кастийо

Космополитизм Канта в современной культуре идентичности

Вспоминается знаменитый принцип, представленный Кантом в трактате «К вечному миру»: всей политике нужно преклонить колени перед правом. Сформулировав эту заповедь, он остался верен культуре автономии: подобно тому как инди-

вид перерастает самого себя посредством того, что принимает своей максимой закон, из универсальной значимости которого следует, что люди равны друг другу в отношении их свободы и достоинства, — так же и государства способны перерасти свой национальный эгоизм, решив поступать в соответствии с высшим законом, а именно законом мирного союза, который уравнивает государства на том основании, что они политическим путем и добровольно стремятся достичь всемирно-гражданского состояния мира во всем мире. Автономия государств при этом процессе выхода-за-свои-пределы приносится в жертву общепризнанной системе законодательства. Кантовское понимание политической автономии, базирующееся на приоритете общего интереса, является глубоко республиканским.

Иначе обстоит дело, если речь идет не о выходе-за-свои-пределы, а о разгосударствлении. Сегодня это понятие слышится в рассуждениях о росте правового регулирования общественной жизни. Правовое оформление дает преимущество законодательному регулированию коммерческой, общественной, культурной и политической деятельности, и при этом оно предполагает снижение влияния государства и авторитета общих интересов и авторитета закона, исходящего от всеобщей воли. Юристы, как и социологи права, наблюдают прогрессирующее свертывание правового государства как объединяющей трансцендентности, которая служит основой политического единения граждан, в результате роста полноты власти гражданского общества как источника многообразия центров порождения и регулирования юридических норм. Растущая потребность в отправлении правосудия демонстрирует уже не столько авторитет государства, сколько усиление важности индивидуальных запросов и усиление их влияния на общественную жизнь.

Как же нам надо понимать кантовскую концепцию вечного мира, если происходит переход от культуры автономии к культуре идентичности?

Первый шаг в попытке дать ответ на поставленный вопрос открывает первый парадокс: с одной стороны, универсализм

на наших глазах превращает себя в плюрализм, а плюрализм, с другой стороны, служит тому, чтобы представлять истинно универсалистскую волю.

Второй шаг — позволяет выявить второй парадокс, а именно тот факт, что культура идентичности меньшинств такова, что они приумножают свое влияние, если практикуют то, что Кант называл «политическим морализмом», что он анализировал как фальшивую мораль.

Оба этих вывода получены одной и той же постановкой вопроса: может ли тот способ, которым кантианство согласовало универсальность принципов и различие народов, дать пищу для рефлексии о проблемах, которые стоят перед нами сегодня?

Часть первая

Первая часть и первый вопрос: почему универсализм сегодня презентует себя как плюрализм? Разобраться с этим нам помогут два философа: во-первых, Джон Роулз, поскольку он применяет кантовскую модель при создании своей концепции общественного договора (Rawls, 1975), а также намерен представить свой взгляд на расхождения мнений и верований (Rawls, 1993), чтобы сделать политический гуманизм более демократичным; во-вторых, Ульрих Бек, так как он стремится придать космополитизму культурную ценность в дополнение к политической: Таким образом, от космополитизма мы приходим к космокультурализму.

Джон Роулз

В теории Роулза универсализм превращается в плюрализм по той причине, что происходит переход от множественности государств (характерной для кантовского контекста) ко множественности личных убеждений. И если кантовский космополитизм фундаментально республиканский, то Роулз мыслит множественность в определенно демократической перспективе. Таково узаконивание различий, которое Роулз определяет как специфику *политического* либерализма: «Политическому

либерализму труднее всего разрешить конфликты по поводу вещей общепризнанно возвышенных, по поводу религиозных и философских мировоззрений и различных моральных концепций блага» (Rawls, 1993, S. 67). Другими словами, либеральная демократия является (стремится к тому, чтобы быть) в первую очередь публичной культурой и не подавляет мнения какой-либо доминантной идеологией, сколь бы либеральной та ни была, что, однако, не означает, что плюрализм — это релятивизм, иначе либеральная демократия уже не была бы высшей политической ценностью: демократия требует прежде всего согласия с базовыми принципами. Поэтому и плюрализм не может быть доминантной идеологией. Выход состоит в том, что Роулз называет «межведомственным согласием»: в минимальном согласии касательно содержания и в максимальном — касательно формы. Нет никакой иной причины желать демократии, кроме самой демократии. Это сугубо политическая версия консенсуса, основанного на толерантности к убеждениям других и уважении свобод каждого, который создает общие политические ценности, «общественный разум», а не предпочитает какую-либо одну идеологию, религию или этику всем остальным: «...как таковая (а именно как консенсус. — М. К.) она [политическая концепция] от имени... основополагающих ценностей предъявляет такие требования ко всеобъемлющим учениям, что отвергающие их рискуют оказаться в политическом смысле несправедливыми» (Rawls, 1993, S. 353).

О плюрализме Роулза можно без сомнения утверждать, что он является базовой политической ценностью, с которой могут согласиться все граждане: речь идет не о сепаратистской политике, а о политике единства и стабильности *в и посредством* толерантности.

Ульрих Бек

Для Ульриха Бека важнейшая цель внешней политики современных республиканских национальных государств — это уже не космополитизм, как у Канта, а внутренняя политика в отдельно взятом регионе мира, в самосозидающейся Европе.

Для создания правил мирного сосуществования Кант предложил союз государств, Ульрих Бек — Европу как космополитическое государство, точнее постнациональное и мультинациональное. Кант отверг модель американского конгресса (Кант, 1965, с. 278—279; АА, VI, S. 350) и хотел видеть Европу сообществом свободных государств, желающих оставаться свободными, что означает, что объединение должно быть обратимым, расторжимым. Ульрих Бек отвергает космополитическую политику, основанную на национальных государствах, обвиняя ее в том, что она высвобождает варварство, приведшее к зверствам XX века: «...государственный суверенитет... лишь бесконечно увеличил и усовершенствовал жестокость, ненависть и бесчеловечное насилие» (Бек, 2007, с. 143). Элиминация национализма как идеологии в осуществлении государственной власти является, с его точки зрения, первым предметом, о котором идет речь в описании будущей космополитической Европы.

Но его тон меняется, когда речь заходит о многочисленности верований, а не только о многочисленности государств. Если различие наций считается опасным, то многочисленность религий и культур, напротив, кажется обнадеживающим, и вследствие этого становится синонимом открытости и признания инаковости бытия Другого:

Космополитизм подразумевает радикальное признание Другого в пяти фундаментально различных измерениях: инаковость культуры Другого (другие цивилизации и варианты современности); инаковость будущего; инаковость природы; инаковость объекта; инаковость рациональности (Бек, 2007, с. 304).

Рефлексии заслуживает вот что: действительно ли национальные различия опаснее, чем метафизические и религиозные, ведь именно последние соперничают в вопросе о высшем смысле жизни, а тем самым об основаниях для жизни и смерти? У Бека легитимация космополитизма предстает скорее культурной, чем политической, и мы имеем дело больше с космокультурализмом, чем с космополитизмом.

Отличие от хода мысли Канта ощутимо: то, чему Европа сегодня должна придавать особое значение, не столько политически разумная ценность космополитической политики, сколько ее культурно признаваемая ценность. Мир остается важнейшим предметом обсуждения, а средством достижения мира отныне будут признание и поощрение культурных различий. Поэтому следует игнорировать, отвергать и пресекать любую попытку установить культурную гегемонию. Но поскольку Европа изобрела космополитизм движений, инициированных союзами и объединениями, он должен бороться с самим собой. Что он и делает весьма охотно, практикуя самокритичный плюрализм. Плюрализм европейцев должен отречься от собственной концепции национальных государств, от своего империалистического прошлого, равно как и от колониального прошлого, извиниться за них и продемонстрировать приоритет Другого, превосходящий приоритет самого себя. Такой плюрализм, который уже является культурным, а не политическим, мирится с тем, что критика просвещения, европейского гуманизма и универсализма в наши дни — это часть притязаний на право быть особенными со стороны тех, кто родился не на Западе. Заходит ли эта Европа, которая делает из культурного плюрализма истинно космополитическую политику, настолько далеко, что теряет собственную идентичность в то самое мгновение, когда придает чужой идентичности сакральный характер?

Часть вторая

Эта новая концепция космополитического мира ведет к новым философским и политическим постановкам вопросов. Космополитическую надежду больше не следует возлагать на то, что все народы мира стремятся к одной цели, имеют одну точку зрения, приемлют одну концепцию государства и политической справедливости; сегодня встает вопрос: единый мир, сосуществование, многослойная реальность во имя того самого плюрализма — каким образом они способны выстраивать совместную реальность?

Заслуживают внимания два феномена:

- путаница между сепаратистским плюрализмом и гуманистическим плюрализмом, которая стала обычным делом;
- усиление власти идентичностного «политического морализма».

1. Плюрализм объединяет умы в общем стремлении ко взаимной толерантности. Но не все понимают под словом «плюрализм» одно и то же. В демократическом смысле плюрализм есть политика признания различности мнений как принцип общественного мира и справедливости. В гуманистическом смысле плюрализм предстает нравственным кодексом уважения к людям как братьям. Если я уважаю другого в его инобытии, то делаю это потому, что его инобытие не препятствует взаимному уважению. Плюрализм в культурно-дифференциалистском или сепаратистском смысле требует, в свою очередь, дифференцированного обращения с различиями путем исключений из общих прав или путем самоутверждения перед Другим (свидетельство чего привело к разжиганию войн по националистическим мотивам). В то время как гуманистический плюрализм является универсализмом, дифференциалистский плюрализм охотно обозначает себя как антиуниверсалистский. В этом обнаруживается первый уровень проблемы: один из успехов культурного дифференциализма обусловлен тем, что его рассматривают как интенсификацию гуманистического притязания на равенство, при этом культурный релятивизм воспринимают как продолжение принципа равенства людей. Результатом этой двусмысленности стало то, что светский гуманизм парадоксальным образом может служить моральной основой культурного сепаратизма.

2. Когда переходят от демократии, основанной на суверенитете народов, к суверенитету индивидов и идентичностей, то замечают рост идентичностного «политического морализма».

Один из инструментов, которые нужны идентичности для того, чтобы завоевать внимание общественности и влиять на нее, — это получение юридического права на признание. Точнее говоря: необходимо превратить субъективную потреб-

ность в признании в публичное право, которым в любом случае можно прикрыться; нужно достичь того, что личному притязанию даруют публичную легитимность. В этом феномене приватизации публичности используются чаще всего средства массовой информации, а именно технология виктимизации. Право на компенсацию, восстановление в правах, реабилитацию можно установить исходя из объема страданий, порожденных непониманием или непризнанием. Физическая травма используется сегодня как средство растревожить общественное мнение, потому что «страдать — значит быть услышанным» (Rechtman, 2011, S. 184), как предостережение для общества, которое взывает к политическим мерам. Страдание таким образом играет роль того, что Кант называл «политическим морализмом», для нужд конкретной группы, но не целого народа. Кант применял эту формулировку к власти имущим, которых он обвинял в том, что они используют мораль, чтобы поставить политику выше права и таким образом удовлетворить свою личную потребность во власти. Высочайший интерес государства или воля народа служили отговоркой для авторитарных решений о вступлении в войну или об ограничении свободы, что в конечном итоге оказывалось выгодным для политики единоличной власти. В нашем случае это не государства, а общины верующих или сексуальные сообщества, которые практикуют политический морализм, при этом нравственные заповеди культурной интеграции или культурно-нравственной восприимчивости они ставят выше, чем общественно значимое право. От имени религиозной, сексуальной или этнической принадлежности ради некоторого рода идентичности суверенитета эти группы ставят выше законов частную мораль, которую они считают превосходящей общий закон; играя на клавиатуре эмоций или жертвенных ролей, они становятся своеобразным воззванием к общественному мнению — точно так же, как если бы они практиковали прямое насилие в стиле «гипердемократии» масс (Ortega у Gasset, 1981, S. 71). В то время как принцип публичности у Канта призван отделять личное содержание максимы от ее общественной значи-

мости и использовать ее на благо всей совместной жизни, публичность на службе культуры идентичности практикует нечто противоположное этому и дарует *легитимность убеждениям, если они личные и поскольку они личные*.

3. Эти заметки ведут к заключению данного дискурса, к последнему вопросу: каким образом следует сохранять космополитический дух Канта в то время, когда, исходя из универсализма, нужно быть плюралистичным и нужно найти такой способ справедливого сосуществования, который уберегал бы от идентичностного морализма? Как надо практиковать космополитическое гостеприимство в такой культуре идентичности, которую, похоже, можно обвинить в бесконечном процессе борьбы за признание?

Кажется, что кантианство может преподать нам урок об одном из положений его теории: его космополитизм основан не только на общности абстрактных юридических принципов, возведенных с высоких кафедр философии, но и на антропологическом побуждении, которое дает надежду на воплощение космополитизма в системе нравов. «Если осуществление состояния публичного права, хотя бы только в бесконечном приближении, есть долг и вместе с тем обоснованная надежда, то *вечный мир*... есть не пустая идея» (Кант, 1966, с. 309; АА, VIII, S. 386). Без достаточной солидарности цивилизаций мирные проекты подвергаются опасности уподобиться объединениям чужих друг другу людей, формальным бездушным и бессодержательным альянсам. В кантианстве способность нашего вида к совершенствованию обусловлена антропологической солидарностью, которая лежит глубже всякого разделения и придает идее мира культурное и витальное значение. Человечество есть коллективная сущность, которая движется к общей судьбе, принуждающей его к тому, чтобы либо объединиться, либо погибнуть, причем его общее предназначение настолько пренебрегает ограничениями и различиями, что «развить все задатки человеческого рода не в силах ни один его представитель, только род в целом исполняет свое предназна-

чение» (Кант, 1994, с. 57; АА, VIII, S. 61). Способность к совершенствованию или человеческая воспитуемость свойственна не индивидам, это не личное качество и не личная заслуга, а *атрибут рода человеческого*. Способность к совершенствованию — это примета того, что судьбой предначертано превзойти свои собственные способности и даже преодолеть границы собственной жизни: эта способность образует связь между поколениями, так как наши труды, наши обязанности и наши предприятия принимаются и развиваются Другим, который приходит после нас; эта способность есть продолжение нашей жизни в другом, в другой личности или другом народе. Какая антропология сегодня может служить основанием для критического гуманизма, который способен предотвратить вырождение плюрализма в сепаратизм и преодолеть ощущение, что демократия, так же как и модерн, постоянно ведет войну против самой себя?

Перевод с немецкого А. С. Зильбера

Список литературы

- Бек У.* Власть и ее оппоненты в эпоху глобализма. М., 2007.
Кант И. Рецензия на книгу И. Г. Гердера «Идеи к философии истории человечества». Ч. 2 // Соч. : в 8 т. М., 1994. Т. 8.
Кант И. К вечному миру // Соч. : в 6 т. М., 1966. Т. 6.
Кант И. Метафизика нравов // Там же. 1965. Т. 4, ч. 2.
Ortega y Gasset J. La rebelión de las masas. Madrid, 1981.
Rawls J. Eine Theorie der Gerechtigkeit. Frankfurt, 1975.
Rawls J. Politischer Liberalismus. Frankfurt, 1993.
Rechtman R. Enquête sur la condition de victime // Revue Etudes. 2011. Févr. Т. 414.

Об авторе

Моник Кастильо — профессор философии в Университете Париж XII Валь-де-Марн, e-mail: monique.castillo@gmx.net

О. Л. Познякова

**Идея всемирно-гражданского состояния И. Канта
как фундаментальная
мировоззренческая универсалия
современного мира**

Одна из актуальных проблем современного социально-гуманитарного знания — выявление условий становления гражданского общества как в масштабе национального государства, так и мира в целом. Это во многом связано с современными процессами глобализации, при которых создание подлинно демократического общества зависит от решения ряда противоречий между национальными и общечеловеческими ценностями. Сегодня наблюдается возобновление интереса к творчеству выдающихся мыслителей прошлого, внесших свой вклад в разработку теории государства и права. Среди них почетное место занимает великий немецкий мыслитель И. Кант, заложивший одним из первых основы теории правового гражданского общества, расширив понимание этого концепта до общества граждан мира — космополитов. Кантовская идея морально-правового всемирно-гражданского устройства (Кант, 1966а) на твердой международно-правовой основе — своеобразный императив для всемирной политики, которую должны вести народы, начиная от классического международного права до всемирно-гражданского — «союза мира», который положит конец всем войнам и вооруженным конфликтам.

Идея всемирно-гражданского состояния в философской системе И. Канта представляет собой запрашиваемый разумом *морально-правовой идеал*, мыслимый лишь в качестве отдаленного, никогда не завершенного будущего. В аспекте международных отношений этот идеал предстает как *вечный мир* (Кант, 1966б) — освобождение от варварства и утверждение

господства права во всемирном масштабе. Иными словами, взаимообуславливающими предпосылками становления морального правового всемирно-гражданского общества в социально-политическом учении И. Канта являются мир между народами и верховенство права в глобальном масштабе. Только реализация космополитического правопорядка и будет означать окончательное устранение войны.

Так, завещая своим потомкам необходимость «умоперемены», связанной с переосмыслением и трансформацией международного права (как права государств) в космополитическое (как право государств и индивидуумов), И. Кант стал основоположником глобальной ориентации политического мироустройства. Характерно, что необходимость в выполнении этого завета великого кёнигсбержца впервые возникла только спустя 200 лет на фоне жестоких испытаний, с которыми Европа столкнулась в ходе Первой и Второй мировых войн. Идея И. Канта возымела влияние на теорию и политику права, и ее отголоски зазвучали повсюду: в идее Лиги Наций В. Вильсона, концепции открытого правоупорядоченного общества, провозглашавшей отказ от тоталитарных и авторитарно-полицейских режимов, в контексте политических реалий Нюрнбергского процесса, Всеобщей декларации прав человека, в Уставе Организации Объединенных Наций, а также в основополагающих принципах функционирования Европейского союза (Соловьёв, 2011).

На рубеже XX—XXI веков помимо философско-политического дискурса, активно использующего социально-правовые идеи немецкого мыслителя для решения наиболее острых проблем глобального мироустройства, концепция всемирно-гражданского состояния И. Канта обретает свое новое место и новое звучание в контексте теорий, посвященных анализу духовного состояния современного общества и развития будущего человечества. Так, в рамках теории культуры академика В. С. Стёпина актуализируются новые грани смыслов учения И. Канта. Сквозь призму концепции российского мыслителя идея фило-

софа о правовом всемирно-гражданском состоянии проявляется в качестве фундаментальной мировоззренческой универсалии современного мира.

По мнению В. С. Стёпина, современное общество вступило в такую полосу духовного кризиса, когда «старые мировоззренческие универсалии уже не способны обеспечить сцепление и взаимодействие новых и традиционных видов и способов деятельности, поведения и общения людей» (Философия ... , с. 9). Как утверждает академик, в такие переломные эпохи исторического развития происходит критическое переосмысление традиционных, ранее казавшихся очевидными смыслов базисных ценностей культуры.

Под базисными ценностями культуры, или мировоззренческими универсалиями, В. С. Стёпин понимает такие категории, которые «аккумулируют исторически накопленный социальный опыт и в системе которых человек определенной культуры оценивает, осмысливает и переживает мир, сводит в целостность все явления действительности, попадающие в сферу его опыта» (Стёпин, 2011, с. 61). Иными словами, это жизненные смыслы, в соответствии с которыми осуществляется деятельность и строится поведение людей. В качестве примера российский философ приводит такие мировоззренческие универсалии, как свобода, право, справедливость, понимание природы, человеческой деятельности, добра, красоты, истины и т. п. Важно то, что все эти категориальные смыслы не просто абстрактные идеи. Они «программируют человека, его действия и поступки, определяют, какие фрагменты и состояния социального опыта включаются в поток культурной трансляции, а какие выпадают из этого потока» (Стёпин, 2011, с. 330).

Установив смысловую связь между кантовским идеалом правового всемирно-гражданского состояния и теорией культуры В. С. Стёпина, можно показать, что разработанный И. Кантом в XVIII веке морально-правовой идеал общественного устройства сегодня с необходимостью выступает в качестве основополагающей мировоззренческой универсалии наднационального уровня и служит своеобразным «инвариантом

культуру» в современном мире (Стёпин, 2011, с. 63). Этот идеал как никогда ранее соответствует запросам глоболизирующегося международного сообщества, направляя человечество по пути прогрессивного развития и помогая людям преодолевать трудности и противоречия, связанные со становлением морального правового всемирно-гражданского общества. Характерно, что в рамках философской системы самого немецкого мыслителя такой идеал возникает в контексте трансцендентальной идеи всеобщей истории во всемирно-гражданском плане и с необходимостью выступает в качестве регулятивной идеи чистого разума, которая призвана управлять деятельностью и поведением людей на пути морально-нравственного совершенствования и развития их самых лучших природных задатков.

В контексте теории культуры В.С. Стёпина мировоззренческая универсалия всемирно-гражданского состояния И. Канта относится ко второму блоку базисных ценностей культуры и выражает «определения человека к целям и ценностям социальной жизни» (Стёпин, 2011, с. 62). С точки зрения функциональности данная мировоззренческая универсалия «выступает базисной структурой человеческого сознания» и является «частью мировоззрения эпохи». Она пришла на смену старой системе международного права, которая уже не способна в XXI веке обеспечить сцепление и взаимодействие новых и традиционных видов и способов деятельности, поведения и общения людей в глобальном масштабе.

Реалии современной мировой политики показывают, что человечество обретет шанс на выживание только в случае, если оно усвоит кантовский идеал всемирно-гражданского состояния как фундаментальную мировоззренческую универсалию, которая будет регулировать деятельность и поведение людей на пути трудного продвижения к диалогу, сотрудничеству и равноправному партнерству всех членов мирового сообщества, независимо от степени их социально-экономической развитости и состояния национального духа.

Список литературы

Кант И. Идея всеобщей истории во всемирно-гражданском плане // Соч. : в 6 т. М., 1966а. Т. 6.

Кант И. К вечному миру // Там же. 1966б.

Соловьев Э. Ю. Понятие права в кантовском проекте «вечного мира» (доклад на Шестых Сенатских чтениях 24 марта 2011 года) // Официальный сайт Конституционного суда РФ. URL: <http://www.ksrf.ru/Info/Reading/Pages/PerformanceSolovev.aspx> (дата обращения: 01.01.2012).

Стёпин В. С. Цивилизация и культура. СПб., 2011.

Философия в современной культуре: новые перспективы (материалы «круглого стола») // Вопросы философии. 2004. № 4. С. 3—46.

Об авторе

Ольга Леонидовна Познякова — преподаватель кафедры философии и политологии Белорусского государственного медицинского университета, e-mail: primalira@mail.ru

Д. В. Полянский

Кант и современная философия международных отношений: между идеализмом и реализмом*

Определяющее влияние наследия Канта на свою философию признают многие участники современного философско-политического дискурса. Это не только либеральные кантианцы (О. Хёффе, В. Керстинг, О. О'Нил), но и представители Франкфуртской школы (Ю. Хабермас), Дж. Ролз и роулсианцы, М. Дойл и другие сторонники концепции демократического мира. Политическая философия Канта выстроена вокруг его

© Полянский Д. В., 2013

* Статья подготовлена при поддержке РГНФ, проект № 12-03-00321а.

проекта договора вечного мира, за которым стоят фундаментальные антропологические, этические и социально-философские основания. Интерес, проявляемый к этому проекту сегодня, сам по себе любопытен и требует объяснения.

Кантовский проект был далеко не первым. В своих рассуждениях немецкий философ опирался на традицию, сложившуюся во времена Ренессанса и Просвещения. Еще в XVI веке античную концепцию космополиса на новых христианских основаниях отстаивал Данте Алигьери. В 1625 году в своей работе «О праве войны и мира» голландский правовед Гуго Гроций, в значительной степени опираясь на пацифистские воззвания Эразма Роттердамского, предложил, по сути говоря, первую концепцию международного права. В том же XVII веке с либеральных позиций о необходимости правового равенства государств писал Джон Локк. В 1713 году для Утрехтского конгресса свой «Проект вечного мира в Европе» предложил аббат Сен-Пьер, а чуть позже Жан Жак Руссо откликнулся на него критической рецензией. В дискуссию вступили и другие французские просветители, среди них Ш. Монтескьё, который высказал вдохновившую Канта мысль о мирной природе республик. В это же время в Англии Д. Юм, отталкиваясь от идей Т. Гоббса, написал свое небольшое «Эссе о балансе сил» (1752), где можно найти очертания механистической, но до сих пор влиятельной концепции политического равновесия как основы международной безопасности.

Таков был интеллектуальный фон, предшествовавший главной философско-политической работе Канта «К вечному миру». Что касается историко-политического контекста, то этот небольшой трактат, безусловно, во многом инспирирован появлением американской и французской республик, а также несет на себе печать озабоченности по поводу хрупкости мира, заключенного посредством Базельского соглашения (1795) между Францией и Пруссией. Впрочем, и другие договоры этого времени могли гарантировать подписавшим их сторонам лишь короткое перемирие. Возникает резонный вопрос — каким образом текст, написанный в рамках отдельно взятой дис-

куссии по поводу определенных исторических событий, политической и правовой ситуации двухсотлетней давности, вдруг оказался актуальным и служит одним из источников вдохновения современной политической философии?

Конечно, большую роль играет то обстоятельство, что Кант в свойственном ему стиле обобщил и систематизировал все предшествующее ему наследие. Не менее важно и то, что за кантовским проектом стоит целостная и влиятельнейшая философская система, действует своего рода магия имени знаменитого кёнигсбержца. Однако следует признать, что до 70—80-х годов XX века проект Канта был практически предан забвению, а о его политической философии вспоминали разве что как о наивных грезах идеалиста-мечтателя. Поэтому я выскажу предположение, что существуют и другие причины ренессанса политической философии Канта. О них и пойдет речь в данной статье.

В истории осмысления международных отношений можно выделить две базовых, противостоящих друг другу парадигмы. В общих чертах они оформились уже в XVI—XVII веках, в последующие столетия уточнялись и корректировались лишь детали. Первую из них чаще всего называют реалистической, в наиболее полном виде она концептуализирована в XX веке в трудах американского политического мыслителя Г. Моргентау и его последователей, хотя восходит к классическим идеям Н. Макиавелли, Ж. Бодена и Т. Гоббса. Суть ее можно свести к нескольким тезисам:

1. В основе политики лежит конкуренция за власть. Сила — одно из главных измерений власти.
2. Человек — эгоистическое существо, стремящееся к максимальной власти.
3. Политика определяет право. Право устанавливается сильнейшим или является результатом временного баланса сил.
4. Международные договоры не могут иметь продолжительную силу, ибо отражают текущую политическую конъюнктуру.

5. Политика вне морали.
6. Война — один из главных инструментов политики.
7. Политика и принципы справедливости строго национальны. В основе международных отношений всегда лежит конфликт национальных представлений и интересов.
8. Суверенитет государства неделим, он является абсолютной и неприкосновенной политической ценностью.

Противоположную по своему содержанию парадигму, как правило, называют идеалистической. В XX веке ее концептуализировали философы либеральных течений, а исторически она опирается на классические труды Гуго Гроция, Джона Локка и менее известный сегодня, но активно использованный Кантом «Проект вечного мира в Европе» аббата Сен-Пьера. Самого Канта тоже причисляют к этой традиции, хотя ниже мы рассмотрим, почему это надо делать с определенными оговорками. Основные принципы идеалистической парадигмы можно выразить в следующих тезисах:

1. Сущностная задача политики — действовать в интересах общего блага.
2. Человек от природы обладает не только эгоистическими, но и моральными задатками. Человек может и должен в своих действиях руководствоваться принципами морали.
3. В интересах общего блага произвол субъектов политической деятельности должен быть ограничен правом.
4. Возможна справедливая система как государственного, так и международного права.
5. Политика является предметом моральной оценки. Политика может быть моральной.
6. Войны, как правило, аморальны.
7. Международная политика должна строиться на принципах равноправного партнерства, в интересах общего блага, мира и безопасности.
8. Суверенитет государства может быть ограничен в пользу наднациональных политических структур.

Реализм и идеализм продолжают соперничать и поныне, на протяжении истории их соперничества в своей популярности

они попеременно опережали друг друга, и это маятниковое колебание интеллектуального мейнстрима в точности совпадало с переменами в мировой политике. Если первые международные конгрессы и первые республики в XVII—XVIII веках делали актуальными принципы идеалистов, то уже в XIX веке взлет национального самосознания и агрессивная политика наполеоновской республики вернули пальму первенства реалистам. Показательно, например, как бывшие ученики Канта Г. Фихте и Ф. Генц, в юности увлеченные идеями французской революции и братства народов, в зрелые годы превратились в воинственных националистов. Еще дальше в своей апологии войны пошел Ф. В. Гегель:

Высокое значение войны состоит в том, что благодаря ей сохраняется нравственное здоровье народов, их безразличие к застыванию конечных определенностей; подобно тому, как движение ветров не дает озеру загнивать, что с ним непременно случилось бы при продолжительном безветрии, так и война предохраняет народы от гниения, которое непременно явилось бы следствием продолжительного, а тем более вечного мира» (Гегель, 1990, с. 361).

На подобной риторике строилось и прославившее своего автора сочинение «О войне» (1832) К. фон Клаузевица. Здесь же в Германии, но уже в первой трети XX века на реалистических основах сформировалась немецкая школа геополитики (Ф. Ратцель, К. Хаусхофер) и политическая философия К. Шмитта. На фоне бесконечных европейских войн реалистическая парадигма в XIX веке выглядела более чем правдоподобной, а мировые войны, казалось, окончательно похоронили надежды идеалистов. Вышедшая сразу после войны работа Г. Моргентау «Политические отношения между нациями: борьба за власть и мир» (1948) стала своего рода библией реализма, превратившись в главное пособие по теории международной политики в течение последующей четверти века.

Ситуация поменялась в 70-х годах XX века. Деятельность ООН, смена «горячих» войн на «холодную», появление ядер-

ного оружия и других глобальных проблем, конституционализация международного права, интенсивный рост международных связей и зависимостей вновь актуализировали наследие идеалистов. Дальнейшее развитие глобализационных процессов, а также практический опыт субсидиарного распределения суверенитета в системе ЕС продолжали укреплять авторитет идеалистической парадигмы, пока осуществленная в обход санкции ООН военная операция США в Ираке (2003) и неудача в принятии конституции ЕС (2005) вновь не напомнили о скепсисе реалистов.

В этих новых социально-политических условиях можно наблюдать сближение двух парадигм в позициях неолибералов и неореалистов. К этому подталкивает противоречивая политическая действительность, где одновременно наблюдаются успехи в развитии международного права и безопасности и очевидны серьезные, возможно, непреодолимые препятствия на этом пути. Возросшее влияние Канта на фоне конвергенции идеалистических и реалистических дискурсов, на мой взгляд, отнюдь не случайно. В силу некоторых особенностей политическая философия Канта более других классических теорий способна содействовать указанному сближению. Остановимся на этих особенностях подробнее.

Во-первых, Кант в своей антропологии отнюдь не идеализирует людей. Он строит свою концепцию на тех же антропологических основаниях, что и Т. Гоббс. Наблюдая за людьми, по мнению Канта,

...нельзя отделаться от некоторого неудовольствия, когда видишь их образ действий на великой мировой арене. Тогда находишь, что при всей мнимой мудрости, кое-где обнаруживающейся в частностях, в конечном счете все в целом соткано из глупости, ребяческого тщеславия, а нередко и из ребяческой злобы и страсти к разрушению (Кант, 1994а, с. 13; АА, VIII, S. 17—18).

Вслед за Гоббсом Кант разделяет убеждение, что именно из хаоса эгоистической активности индивидов, из «войны всех

против всех» вырастает потребность в государстве и праве. Однако в отличие от английского философа он считает необходимым экстраполировать модель общественного договора на объяснение международных отношений:

Народы в качестве государств можно рассматривать как отдельные люди, которые в своем естественном состоянии (т.е. независимости от внешних законов) уже своим совместным существованием нарушают право друг друга и каждый из которых ради своей безопасности может и должен требовать от другого вступить вместе с ним в устройство, подобное гражданскому, где каждому может быть обеспечено его право (Кант, 1994б, с. 18—19; АА, VIII, S. 354).

В соответствии с разумом в отношениях государств между собой не может существовать никакого другого пути выйти из незаконного состояния постоянной войны, кроме как отречься подобно отдельным людям от своей дикой (беззаконной) свободы, приспособиться к публичным принудительным законам и образовать таким путем (безусловно, постоянно расширяющееся) государство народов (*civitas gentium*), которое в конце концов охватило бы все народы земли (Кант, 1994б, с. 22; АА, VIII, S. 357).

Нельзя Канту приписать и чрезмерной мечтательности. Его оптимизм в отношении возможности «всемирно-гражданского состояния публичной государственной безопасности» весьма сдержан. Кант не прорицает и не проповедует, он лишь определяет ориентиры, артикулирует цели и ценности, пусть и оформленные в виде натурфилософских догадок о «провидении» или «замысле природы». В терминах его философии высказанные им идеи носят регулятивный, а не конституирующий характер. Кёнигсбергский философ прекрасно понимал, что речь идет о труднодостижимом идеале отдаленного будущего, он даже как будто чувствовал неловкость от того, что ему приходится говорить о весьма сомнительных перспективах. Вспоминая о том, как смеялись над книгой аббата Сен-

Пьера, Кант предусмотрительно защищает себя иронией и среди прочего обыгрывает выражение «вечный мир», напоминая, что последний вполне возможен и на кладбище человечества.

Но наиболее притягательная и «ликвидная» часть кантовской концепции состоит в том, что он достаточно точно назвал те стихийные социальные силы, которые, по его мнению, способны естественным путем мотивировать движение эгоцентричных субъектов мировой политики к правовому самоограничению. Таких сил, собственно, три:

1. *Рост числа демократических республик.* Острая конкуренция между государствами, по убеждению Канта, вынуждает все больше внимания уделять просвещению гражданского общества и либерализации политической системы. Включение гражданского общества в систему обсуждения и принятия решений делает войну маловероятной:

...если для решения вопроса: быть войне или нет? — требуется согласие граждан, то вполне естественно, что они хорошенько подумают, прежде чем начать столь скверную игру. Ведь все тяготы войны им придется взять на себя (Кант, 1994б, с. 15; АА, VIII, S. 351).

История подтвердила эту гипотезу Канта. В XIX и, особенно, в XX веке мы могли наблюдать непрерывное пополнение в ряду демократий. И хотя демократические страны далеко не всегда демонстрировали миролюбие, в целом, по крайней мере друг с другом, они склонны воевать гораздо меньше. Эта закономерность с подачи Дж. Ролза сегодня известна как «закон Дойла», хотя В. Керстинг считает, что справедливее было бы назвать ее «законом Канта» (Винокуров, 2002, с. 85).

2. *Развитие торговых связей.* Корыстолюбие, с точки зрения Канта, — это одна из главных движущих сил политики. При этом власть денег сильнее власти оружия, а развитие торговли способно сделать мир прибыльнее войны:

Дух торговли, который рано или поздно овладевает каждым народом, — вот что не может существовать рядом с войной. Так как из всех сил (средств), подчиненных государственной власти, сила денег является, пожалуй, самой надежной, то государства чувствуют себя вынужденными (конечно, не по моральным побуждениям) содействовать благородному миру и повсюду, где существует угроза войны, предотвращать ее своим посредничеством (Кант, 1994б, с. 35; АА, VIII, S. 368).

И здесь прогноз Канта пока себя оправдывает. Начавшееся в Новое время взаимопроникновение капиталов в итоге привело к формированию сложной системы мировой экономики, в условиях которой даже относительно локальный конфликт способен вызвать каскад биржевых падений с глобальными последствиями. Растущие экономические риски сегодня подталкивают национальные правительства консолидировать свои усилия по обеспечению безопасности.

3. *Развитие гражданского общества.* Просвещение населения, расширение пространства публичности также, по убеждению Канта, способны эффективно содействовать достижению мира. И действительно, появление независимых СМИ открыло широкие возможности для критического обсуждения внешней политики национальных элит, а благодаря Интернету стало стремительно расти число международных общественных организаций, стремящихся влиять на мировое общественное мнение и тем самым корректировать мировую политику. Ю. Хабермас отмечает:

...необходимые в данном случае коммуникативные структуры мировой общественности уже находятся сегодня в стадии зарождения; уже вырисовываются культурные диспозиции для единодушных моральных реакций в масштабе мира (Хабермас, 2008, с. 74).

Важно иметь в виду, что указанные Кантом силы носят необратимый характер, они будут лишь крепнуть, а значит, мы можем ожидать дальнейшее развитие интеграционных процес-

сов. При этом, конечно, весьма наивно выставлять Канта в качестве пророка. Он ничего не знал ни о грядущей глобализации, ни о мировом капитале, ни о механизме ядерного сдерживания. В этом смысле было бы ошибкой сказать, что мир развивался в точности с прогнозом Канта, в международной политике играли роль многие другие факторы, о влиянии которых Кант даже не догадывался. Политическая философия Канта остается глубоко погруженной в социально-исторический контекст конца XVIII столетия и разделяет многие мифы и заблуждения своего времени. Более того, сам по себе проект Канта, несмотря на существенные шаги на пути к всемирно-гражданскому состоянию, остается в высшей степени проблематичным. Вокруг попыток разрешить эти трудности в значительной степени структурируется современная философия международных отношений.

Следует различать две группы таких трудностей. Первую группу составляют трудности, связанные с тем, что Кант недооценил силу многих факторов, препятствующих приближению всемирно-гражданского состояния, прежде всего растущую силу национального самосознания и порожденных им националистических движений. Кант был убежден в превосходстве европейской цивилизации и плохо представлял себе всю сложность адаптации международного права к миру, разделенному непреодолимыми религиозными и этнокультурными различиями. Безусловно, Кант не мог предвидеть свойственные современному миру масштабы социально-экономического неравенства, разделяющего страны не хуже религиозного или этнического шовинизма. Не знал Кант ни о бюрократиях, способных в рамках собственной корпоративной системы ценностей действовать против стратегических интересов своего государства, ни о технологиях манипулирования общественным мнением. Все эти факторы в XVIII веке либо вовсе отсутствовали, либо еще недостаточно проявили себя в живом социально-политическом опыте.

Вторая группа объединяет организационно-практические трудности реализации кантовского проекта. Не совсем понят-

но, насколько корректно Кант экстраполировал модель общественного договора с уровня отдельно взятого общества на уровень мировой цивилизации. В первом случае модель описывает взаимодействие индивидов, во втором — взаимодействие государств и, возможно, других международных организаций. Дж. Ролз, адаптировавший на основе теории игр модель общественного договора к современной теории справедливости, скептически оценивал возможность использования своей концепции для объяснения международной политики. Основательный анализ этого вопроса, проведенный Ролзом и его последователями, показал, что государства в качестве субъектов политической деятельности взаимодействуют в рамках другой логики, нежели отдельно взятые индивиды (Винокуров, 2002; Ролз, 2006). Общества имеют сложную иерархическую структуру, они заточены на поддержание внутренней стабильности, к тому же следует учитывать большое разнообразие форм правления и политических режимов. Все это не позволяет утверждать, что страны «в естественном состоянии» демонстрируют ту же логику взаимодействий, что и свободные разумные индивиды.

Национальные элиты по своей природе вынуждены опираться на национальные чувства. С одной стороны, они являются выразителями национальных интересов, с другой стороны, в интересах национального единства и своей легитимности им важно всеми доступными средствами поддерживать и укреплять национальную идентичность. В результате национальные элиты, призванные принимать внешнеполитические решения, оказываются концентрированным воплощением национального духа. В этом смысле такие националистически ориентированные мыслители, как К. Шмитт, вовсе не без оснований рассматривали национальную идентичность и национальные чувства в качестве субстанции политического. Международная политика в рамках такой оптики исчерпывается практиками самоутверждения одних национальных идентичностей в борьбе с другими национальными идентичностями.

Вступая в заочную полемику с К. Шмиттом, Ю. Хабермас признает, что подрывная сила национального самосознания остается ключевой проблемой даже внутри ЕС, в связи с чем «народам необходимо надстроить и расширить свою национальную идентичность до европейского измерения» (Хабермас, 2008, с. 42). Однако если национальные идентичности исторически формировались форсированно посредством идеологических и образовательных государственных институтов, наднациональная идентичность не может быть сформирована подобным искусственным образом:

Политическая идентичность граждан, без которой Европа не может стать дееспособной, формируется только в транснациональном общественном пространстве. Это формирование сознания не поддается элитарному вмешательству сверху, его нельзя установить административными решениями (Хабермас, 2008, с. 75).

Хабермас рассчитывает на естественное формирование европейской идентичности в результате устойчивого воспроизводства взаимодействий в рамках единого европейского политического и правового пространства. Однако, как показали референдумы по принятию конституции ЕС, а также европейский долговой кризис, в условиях обострения экономических противоречий ценности европейского единства для граждан ЕС быстро отходят на второй план. На первом вновь оказываются национальные интересы, подпитывающие сепаратистские настроения и движение в сторону дезинтеграции, в связи с чем сами по себе перспективы ЕС весьма туманны.

Вновь актуальной стала и проблема институционализации мирового сообщества в условиях взаимодействия суверенных государств. Сам Кант, как известно, в своих взглядах эволюционировал от идеи единой мировой республики к идее открытого конфедеративного союза народов. Эту позицию, как ни странно, разделяют либеральные контрактуалисты (Ролз, Бейтз, Погге), а либеральные кантианцы (О. Хёффе, В. Керстинг), напротив, склонны считать, что без создания единого мирового квазигосударства обеспечить условия прочного мира

вряд ли возможно, что только скованность догмой национального суверенитета и опасение мирового деспотизма не позволили Канту остаться в рамках концепции мировой республики (Винокуров, 2002).

Впрочем, и конфедеративный союз народов остается более чем проблематичным. ООН напоминает такой союз лишь весьма отдаленно. Хотя вступление в организацию открыто для всех, а сама ООН обладает сегодня собственными вооруженными силами и полномочиями судебного преследования, институт вето в Совете Безопасности, финансовая и военная зависимость ООН от воли больших держав по-прежнему сильно ограничивают ее потенциал в обеспечении мира. Крупные геополитические игроки продолжают чувствовать себя безнаказанными. Намного дальше на пути межнациональной интеграции пошел ЕС, построенный по принципу субсидиарного распределения суверенитета. Однако расширение ЕС уже породило колоссальные организационные трудности и обострило межнациональные споры вокруг распределения средств.

Модель общественного договора предполагает добровольное отчуждение права на применение насилия. Но совершенно непонятно, каким образом возможно одномоментное разоружение современных государств в пользу наднациональных структур. Никакой постепенности и неравномерности в подобном разоружении быть не может, так как это представляет угрозу сложившемуся паритету сил, но и мгновенно это сделать тоже нельзя. Кроме того, такое разоружение не соответствует характерной для данных ситуаций логике принятия решений. Так называемые «дилемма заключенных» и «дилемма безопасности» показывают, что в условиях отсутствия полной информации друг о друге стороны предпочитают меньший риск от превентивных практик, построенных на недоверии друг другу, чем больший риск, связанный с возможностью довериться ошибочно (Новиков, 1996). Гораздо более вероятным выглядит сценарий распространения оружия массового поражения и взаимного устрашения, но это в большей степени соответствует реалистической концепции равновесия сил, нежели кантовской программе достижения вечного мира.

Таким образом, можно констатировать, что в современных тенденциях международных отношений многое говорит *за Канта*, но по-прежнему многое играет *против него*. Мировая политика, как и раньше, не соответствует ожиданиям идеалистов, но угаданные Кантом интеграционные силы продолжают набирать вес и оказывать свое растущее влияние. Сложная и противоречивая социальная действительность способствует сближению идеалистической и реалистической парадигм, дерадикализации их базисных тезисов. В этих условиях фундаментальность и синтетический характер политической философии Канта, находящейся сегодня в самом центре современных философско-политических дискуссий, вновь становятся востребованы.

Список литературы

Винокуров Е. Ю. На пути к вечному миру: Философия Канта в современных дискуссиях о глобальном политическом устройстве. Калининград, 2002.

Гегель Г. В. Ф. Философия права. М., 1990.

Кант И. Идея всеобщей истории во всемирно-гражданском плане // Соч. : в 8 т. М., 1994а. Т. 8.

Кант И. К вечному миру // Там же. М., 1994б. Т. 7.

Новиков Г. Теории международных отношений. Иркутск, 1996.

Ролз Дж. Право народов // Вопросы философии. 2006. № 9. С. 79—105.

Ролз Дж. Теория справедливости. Новосибирск, 1995.

Хабермас Ю. Расколотивший Запад. М., 2008.

Хёффе О. Справедливость. Философское введение. М., 2007.

Doyle M. Kant, Liberal Legacies, and Foreign Affairs // Philosophy and Public Affairs. 1983. Vol. 12. P. 206—232, 323—353.

Morgenthau H. Politics among nations. The Struggle for Power and Peace. N. Y., 1961.

Об авторе

Дмитрий Викторович Полянский — доцент кафедры философии Балтийского федерального университета им. И. Канта, e-mail: dvpolianski@gmail.com

А. Н. Саликов

Мирный проект И. Канта и модели решения дилеммы безопасности в современной теории международных отношений*

Одной из наиболее controверзных проблем в современной теории международных отношений (далее — ТМО) считается так называемая «дилемма безопасности». В соответствии с устоявшимся в ТМО определением дилемма безопасности в сфере международных отношений означает неизбежную необходимость выбора модели отношений с другим государством: на основе сотрудничества, соперничества или конфронтации, причем этот выбор осложняется тем, что его приходится осуществлять в условиях недостаточной или неполной информации о намерениях другой стороны, что потенциально может привести обе стороны к конфронтации друг с другом, увеличению военных расходов и в худшем случае к войне (Booth, Wheeler, 2008, p. 1—18; Алексеева, 1993; Тимофеев, 2009). Таким образом, главная причина дилеммы безопасности — невозможность дать точный прогноз поведения другого государства, оценить внешнеполитические угрозы и риски в области безопасности. Эта неопределенность проявляется на двух уровнях: во-первых, при оценке угрозы со стороны противоположной стороны; во-вторых, при определении адекватной реакции на действия противоположной стороны. И оценка угрозы, и реакция на нее могут быть ошибочными. Эти ошибки могут в итоге привести к взаимному недоверию, конфронтации и противостоянию, нежелательных для обеих сторон (Both, Wheeler, 2008, p. 1—18). Возникшая в недрах парадигмы реализма дилемма безопасности долгое время выступала предметом конкуренции между реализмом и либерализмом в теории международных отношений. Попытка решить дилемму

© Саликов А. Н., 2013

* Статья подготовлена при поддержке РГНФ, проект № 12-03-00321а.

безопасности предпринимается и в рамках парадигмы институционализма, в частности в теории режимов, которую традиционно относят к направлению либерального институционализма в ТМО. Кроме того, в последние десятилетия в качестве альтернативного подхода большую популярность приобрел конструктивистский подход (Тимофеев, 2008, с. 48). Помимо вышеупомянутых подходов проанализируем возможность решения дилеммы безопасности с позиций философии И. Канта. Это представляется целесообразным с двух точек зрения:

1) по общему признанию Кант был первым, кто указал на проблему, лежащую в основе дилеммы безопасности, еще задолго до того, как в 1951 году ее сформулировал немецко-американский теоретик Джон Х. Херц в своих работах «Идеалистический интернационализм и дилемма безопасности» (Herz, 1950) и «Политический реализм и политический идеализм» (Herz, 1951);

2) по утверждению представителей либерального течения в теории международных отношений, это течение базируется на политико-философских идеях И. Канта, в частности на его политической философии и философии права.

Однако есть основания сомневаться в том, что либерализм адекватно и корректно интерпретирует идеи Канта (Изгарская, 2008; Саликов, 2012)¹. А это означает, что и решение дилеммы безопасности, предлагаемое либерализмом, не вполне соответствует букве и духу кантовской философии. Поэтому необходимо попытаться реконструировать решение дилеммы безопасности, которое следует из самой философии Канта. Итак, представим возможность решения дилеммы безопасности с точки зрения реализма, теории демократического мира (либерализма), теории режимов (неолиберального институционализма), конструктивизма и философии Канта и постараемся ответить на вопрос, в какой мере удастся (если вообще удастся) тому или иному течению в ТМО решить дилемму безопасности.

¹ Также см. статьи Л. Каранти и Л. Брока в этом сборнике.

Реализм

Реализм представляет собой довольно сложный комплекс самых разнообразных концепций с общим утверждением эгоистической природы государств, которые для защиты и продвижения своих национальных интересов склонны к наращиванию и использованию своей экономической и военной мощи (Моргентау, 1997, с. 500—506; Morgenthau, 1946, р. 73). Последователи реализма считают главными участниками международных отношений суверенные государства, которые в условиях анархии и господства силы вынуждены предпринимать меры для обеспечения собственной безопасности, защищать свои национальные интересы, усиливать свое влияние в мире.

В рамках реалистической парадигмы исследователи выделяют так называемые «наступательный» и «оборонительный» виды реализма, отличающиеся логикой дилеммы безопасности в международных отношениях (Ланцов, Усмонов, 2008).

Наступательный реализм рассматривает власть в качестве движущей силы поведения государств в условиях анархии международной системы. Государства готовы использовать любую возможность, чтобы увеличить свою мощь и влияние в мире. Это необходимо для того, чтобы, во-первых, не попасть в зависимость от других государств, а во-вторых, подчинить своему влиянию максимально возможное число государств в мире. В качестве главной цели любого государства на международной арене представители «наступательного» реализма видят полную гегемонию в мире, что, по их мнению, обеспечивало бы государству-гегемону максимально достижимый уровень безопасности. По мнению сторонников «наступательного» реализма, государства пребывают в состоянии постоянной конкуренции между собой за достижение безопасности, при этом «наступательные» реалисты отрицают перспективы успешного международного сотрудничества и полагают со-

стояние стабильного мира практически недостижимым. Таким образом, безопасность рассматривается в «наступательном» реализме в абсолютных значениях — как феномен, достигаемый в ходе соперничества между государствами (Ланцов, Усмонов, 2008).

Сторонники же «оборонительного» реализма считают целесообразным стремиться к относительному, а не абсолютно-му силовому превосходству. Само наличие дилеммы безопасности, по их мнению, не обязательно приводит к повышению конфронтации в международных отношениях (Ланцов, Усмонов, 2008). Наиболее мощные в экономическом и военном отношении государства совершенно необязательно будут стремиться к грубому применению своей силы для достижения своей гегемонии в мире, потому что это могло бы привести к объединению более слабых государств в оборонительные альянсы против усиливающегося гегемона. Сторонники «оборонительного» реализма не считают анархию в международных отношениях непреодолимой, и сам феномен безопасности рассматривают как понятие относительное, а не абсолютное, обусловленное силовым превосходством. Поэтому длительные периоды стабильности и сотрудничество между государствами вполне достижимы и реальны (Ланцов, Усмонов, 2008). Однако, несмотря на все различия между «наступательным» и «оборонительным» реализмом, ни тот ни другой не предполагает возможности окончательного решения дилеммы безопасности. В этом смысле дилемма безопасности выглядит, с точки зрения представителей реализма (и неореализма), принципиально неразрешимой.

Теория демократического мира (либерализм)

В рамках либерального направления в ТМО наиболее проработанный подход к проблеме решения дилеммы безопасности сложился в теории демократического мира (далее — ТДМ), в соответствии с которой отношения внутри группы демократических государств всегда более мирные и чаще ос-

нованы на компромиссах, нежели отношения между недемократическими государствами или внутри смешанной группы как демократических, так и недемократических государств (Ланцов, Усмонов, 2008). На основе этого представители ТДМ делают вывод о том, что чем больше в мире будет стран с демократической формой государственного устройства, тем меньше будут риски вооруженной конфронтации между государствами и тем выше будет уровень безопасности в международных отношениях. Также, по утверждению сторонников ТДМ, положительное воздействие на мирное разрешение дилеммы безопасности оказывает вовлеченность демократических государств в международную торговлю и довольно высокая степень взаимозависимости торговых партнеров, в результате чего последние ведут по отношению к друг другу более миролюбивую политику, так как война означала бы значительные финансовые потери. Кроме того, демократические страны связаны, как правило, узами той или иной международной организации (в действительности многих), которые позволяют мирно урегулировать конфликты еще на ранних стадиях их возникновения и обладают необходимыми средствами влияния на своих членов. Все эти доводы дают ТДМ основание утверждать, что решение дилеммы безопасности лежит в демократизации планеты: как только государство всех стран Земли станет демократическим, дилемма безопасности разрешится сама собой.

Однако оптимизм представителей ТДМ не разделяют неореалисты, которые полагают, что процесс демократизации не может оказать существенного влияния на анархическую структуру мира и стиль международных отношений, поскольку, — как утверждает, к примеру, К. Вальц, — «ни одно государство не может быть уверенным в том, что сегодняшние друзья завтра не станут врагами» (цит. по: Ланцов, Усмонов, 2008). Многие ученые считают невозможным охарактеризовать государства по их сущности как воинственные или миролюбивые, а также утверждать о большом миролюбии какой-

либо конкретной формы организации общества, экономики или правительства. Б. Рассет и Х. Старр подтверждают эти выводы и конкретными исследованиями войн и вооруженных конфликтов, начиная с XVIII и включая XX столетия (Ланцов, Усмонов, 2008). Кроме того, миролюбивость демократических стран может быть объяснена и миролюбивостью членов гомогенной системы (т. е. системы с высокой степенью однородности с точки зрения политических режимов входящих в них государств, типа экономики, разделяемых ими идеологических взглядов, культуры и т. п.) по отношению друг к другу, при этом совершенно неважно, какое у этих стран государственное устройство. Так, российский ученый П. А. Цыганков сравнивает гипотезы «демократического мира» и «социалистического мира», определяя эти миры как гомогенные системы (Цыганков, 2003, с. 345). Вполне очевидно, что подобные однородные системы оказываются более устойчивыми и менее склонными к военным действиям, чем гетерогенные, при этом не играет особой роли, является ли гомогенная система демократической, социалистической или, скажем, фашистской. Тем не менее делать на этой основе широкие теоретические выводы П. А. Цыганков считает неправомерным (Цыганков, 2003, с. 345). В итоге подход ТДМ к дилемме безопасности оказывается на поверку довольно-таки односторонним, предполагающим ее благополучное разрешение лишь в случае наличия отношений с демократическими государствами, в случае же взаимодействия с недемократическими государствами, и это подтверждает практика, отношения могут лишь еще больше обостриться и закончиться войной.

Теория режимов (неолиберальный институционализм)

Несколько иное решение дилеммы безопасности по сравнению с либерализмом предлагает теория режимов, которую с точки зрения методологии следует отнести к одному из крупнейших направлений в теории международных отношений —

институционализму, а если точнее, его разновидности — неолиберальному институционализму. Теория режимов (как и институционализм в целом) в определенном смысле занимает среднее положение между реализмом и либерализмом, поскольку декларирует сотрудничество между государствами как принципиально возможное, однако на «реалистическом», а не «либеральном» основании. Эта тенденция прослеживается и в подходе теории режимов к решению дилеммы безопасности, в котором соединяются отдельные установки как реализма, так и либерализма, в то же время отличаясь от них в целом. Так же как и реализм, теория режимов определяет характер международных связей как анархический и в качестве главных действующих участников международных процессов видит государства, которые, исходя из собственного интереса, стремятся к рациональным действиям в отношениях с другими государствами. Однако в отличие от реализма теория режимов считает дилемму безопасности принципиально разрешимой и ее решение представители этой теории видят в повышении уровня правовой кодификации международной системы и улучшении совместной работы участников международных процессов, что сближает их с представителями либерализма. По мнению представителей теории режимов, все государства в мире находятся в положении взаимозависимости друг от друга, а это означает, что наиболее рациональными действиями для минимизации рисков в области безопасности будут международное сотрудничество и кооперация. Обеспечить это мировое сотрудничество должны согласно теории режимов международные институты. Сами по себе международные институты не являются участниками международных отношений, однако в них им отводится роль регуляторов. Международные институты, чья действенность работы поддерживается одним или несколькими ведущими мировыми державами, должны координировать взаимодействия государств, которые с течением времени должны становиться все более эффективными, так как рамки международных институтов позволяют учитывать ошибки прошлого. Таким образом, дилемма безопасности преодолевается.

Конструктивизм

В рамках теории международных отношений помимо точки зрения представителей либерализма, теории режимов и реализма существует и четвертый подход к дилемме безопасности. Речь идет о конструктивизме, представители которого основываются на зависимости решения дилеммы безопасности от идентичности государства. Характерная черта конструктивизма — использование различных социологических концепций, подходов и терминов для описания системы международных отношений. По мнению конструктивистов, интересы государств зависят от его идентичности, которая, в свою очередь, не является чем-то неизменным, она постоянно находится в процессе трансформации. Таким образом, на поведение государств на международной арене оказывают влияние не только экономические и политические мотивы, но и многие другие факторы, такие как культура, язык, национальная психология, идеология, формирующие идентичность того или иного государства. Другими словами, характер отношений между государствами находится в прямой зависимости от степени близости культур, ценностей, общественной структуры, религии и других общественных феноменов. Особое значение представители конструктивизма придают активной роли политических субъектов, благодаря взаимодействию которых может происходить трансформация структуры международных отношений.

Российский исследователь международных отношений И. Н. Тимофеев отмечал:

...конструктивизм мог бы стать серьезной теоретической альтернативой, сделав два шага. Первый шаг должен был подразумевать выявление и концептуализацию новых факторов в объяснении поведения государств в условиях дилеммы безопасно-

сти. В целом конструктивисты смогли предложить эту альтернативу, объясняя стратегический выбор государств особенностями их идентичностей. Второй же шаг должен был подразумевать формализацию выдвинутых аргументов и ее проверку (Тимофеев, 2008, с. 49).

Однако с формализацией аргументов и их проверкой все оказалось не так просто, потому что идентичность весьма проблематично измерить при помощи какого-либо количественного метода, точно так же сложно и формализовать ее в виде моделей. Методы качественного анализа оказались более эффективными, но они не дают ту «необходимую строгость аргументации в силу значительно более широкой интерпретации результатов по сравнению с количественными методами» (Тимофеев, 2008, с. 49). По всей видимости, именно по этой причине статус конструктивизма остается до сих пор неопределенным и будет оставаться таковым; и пока не будут предложены «адекватные формализованные модели влияния идентичности на стратегический выбор государств, этот подход будет сохранять только статус претендента на место в ряду «больших» теорий МО» (Тимофеев, 2008, с. 49).

Кант

Проект установления прочного мира, разрабатываемый Кантом в трактате «К вечному миру», является, по сути говоря, первым трудом, в котором была поднята проблема, впоследствии получившая оформление в виде дилеммы безопасности. Термин «дилемма безопасности» Кант, само собой, нигде не употребляет. Однако в его текстах есть ряд мест, которые могли бы дать ключ к решению дилеммы безопасности с позиций кантовской философии. Речь здесь идет прежде всего о двух кантовских работах: о трактате «К вечному миру» и второй части «Метафизики нравов» — «Учении о праве», в которой один из разделов посвящен международному праву.

Поскольку в дилемме безопасности речь идет о двух конкурирующих альтернативах: доверять или не доверять соседнему государству в вопросах внешней политики, а если доверять, то в какой степени, — дилемма безопасности может быть устранена с помощью средств, снимающих условия этого недоверия. Кант подробно описывает способ достижения прочного мира, для чего необходимо выполнение предварительных (их всего шесть) и окончательных статей (их всего три) проекта мирного договора.

Главное условие достижения вечного мира — установление всемирного гражданско-правового состояния: «Вот, следовательно, постулат, лежащий в основе всех следующих статей: все люди, которые имеют возможность влиять друг на друга, должны принадлежать к какому-либо гражданскому устройству» (Кант, 1994, с. 13; АА, VIII, S. 349). Иными словами, в качестве регулятора международных отношений Кант видит право и, следовательно, одним из инструментов достижения прочного мира и безопасности является правовая кодификация международных отношений и усиление в них роли права. Также должна возрастать роль международных организаций, которые будут играть связующую роль между странами и регулировать конфликты еще на стадии их зарождения.

Полностью снять дилемму безопасности могло бы только создание мирного союза народов (*foedus pacificum*) (Кант, 1994, с. 21; АА, VIII, S. 356). Причем региональный (или локальный) союз народов (к примеру, современный ЕС вполне подпадает под это понятие) можно было бы рассматривать лишь как временный этап на пути создания глобального союза народов, в рамках которого, с позиции Канта, только и возможно полное устранение дилеммы безопасности. При этом в этот глобальный мирный союз должны были бы войти все страны, независимо от их внутреннего государственного устройства (это отличает позицию Канта от позиции теории демократического мира по этому вопросу). Лишь планетарный

союз государств, за рамками которого не осталось бы ни одного государства на Земле, может выполнить кантовское условие о полном упразднении всех армий. Иначе даже союз мирных государств будет вынужден иметь армию, на случай, если придется защищать себя при возможной агрессии со стороны других государств. Мирный союз, по замыслу Канта, не должен при этом представлять собой централизованную мировую республику, так как это могло бы привести к потере вошедшими в нее государствами части своих прав и свобод сверх необходимого. Поэтому, с точки зрения философа, устройство мирного союза должно быть федеративным и децентрализованным, при котором государства-федераты делегируют федеративным институтам ровно столько своих свобод, чтобы устранить возможность войны между ними, но не более того. Здесь стоит также отметить, что говоря о федерации и федеративном устройстве, Кант, в строгом смысле слова, подразумевает то, что политологи сегодня называют конфедерацией, т. е. международно-правовым союзом суверенных государств, в отличие от федерации, под которой понимают государственное образование, части которой обладают широкой автономией, но не являются суверенными государствами. В современном мире кантовскому пониманию мирного союза государств соответствует Европейский союз, который и может со временем стать тем «центром федеративного объединения других государств, которые примкнули бы к... [нему], чтобы обеспечить таким образом сообразно международному праву свою свободу, и путем многих таких присоединений все шире и шире бы раздвигались границы союза» (Кант, 1994, с. 21; АА, VIII, S. 356).

И все же возможности мирного проекта Канта на практике привести мировое сообщество к установлению прочного мира, т. е. окончательно решить дилемму безопасности, подвергаются критике со стороны отдельных специалистов. Как полагает Р. Зайдельман, в рамках мирного плана Канта невозможно ре-

шить дилемму безопасности, поскольку существует противоречие между требованием федеративного устройства и сохранением суверенитета государств (Seidelmann, 1998, S. 167—168). Таким образом, образовавшийся союз народов представляет собой конфедерацию. Однако конфедерация — довольно неустойчивое образование, поэтому в ее рамках нельзя окончательно решить дилемму безопасности. Конфедерация, согласно Зайдельману, скорее могла бы стать промежуточной ступенью на пути установления окончательного мира, который возможен лишь на пути глубокой интеграции между мировыми государствами.

По мнению Зайдельмана, чтобы решить дилемму безопасности, хотя бы на достаточно продолжительное время, необходимо устранить причины ее возникновения (Seidelmann, 1998, S. 173). Эти причины называет и сам Кант на страницах трактата «К вечному миру»: военная и экономическая мощь другого государства. Создание мирного союза государств, правовая кодификация международных отношений, республиканское устройство — все это ограничивает, но не снимает полностью военную угрозу. Эти меры уменьшают риски в области безопасности, но не решают дилемму безопасности полностью и окончательно. Зайдельман считает, что меры, предусмотренные Кантом, могут привести к установлению прочного мира в среднесрочной и долгосрочной перспективе, но не к достижению «вечного», «окончательного и бесповоротного мира» (Seidelmann, 1998, S. 173). С точки зрения немецкого политолога, «вечный мир» может быть достигнут лишь в том случае, если национальное государство полностью лишится своей мощи через интеграцию или полную передачу суверенитета в области безопасности некой надгосударственной инстанции (Seidelmann, 1998, S. 168). Кроме того, как отмечает Зайдельман, мирный проект Канта рассчитан на ситуацию беневоленности (благожелательности государств по отношению к друг другу) и таким образом на стремление к коопера-

ции и сотрудничеству друг с другом, но не учитывает ситуацию малеволентности (т.е. враждебности по отношению к друг другу), в которой мирный союз государств не обладает больше ни необходимой общей волей, ни военными средствами. Зайдельман полагает, что враждебность, насильственная самооборона и преследование своих интересов за счет других или за счет сообщества не исчезнут в мире даже в том случае, если международные организации, такие как ООН, разовьются в конфедеративный мирный союз (Seidelmann, 1998, S. 173—174).

В то же время Зайдельман говорит о том, что критика кантовского конфедерализма еще не означает, что кантовский концепт вечного мира в целом ложен. Если вынести за рамки рассмотрения кантовское требование конфедеративного устройства мирного союза, если принять во внимание время, исторический контекст написания трактата «К вечному миру» и логику дискуссий того времени о государственном договоре, если последовательно провести его требования демократизации и правовой кодификации дальше, то в результате мы придем не к мирному союзу, а к супранациональному мирному устройству (Seidelmann, 1998, S. 176). Это, конечно, довольно спорное утверждение, однако сложно не согласиться с Зайдельманом в том, что кантовский проект вечного мира будет иметь смысл для современной теории и практики установления мира и безопасности в том случае, если понимать его как своего рода ступенчатую стратегию, как первый шаг на пути к федерации, в компетенцию которой были бы переданы вопросы общей безопасности государств-федератов (Seidelmann, 1998, S. 177—178). В этой перспективе альянсы, режимы, многосторонние организации приобретают не только функцию политической безопасности, но и воспитательную, а также установления мира. Таким образом, кантовский мирный проект хотя и не решает дилемму безопасности, но создает важнейшие теоретические предпосылки для ее решения.

Список литературы

Алексеева Т.А. Дилеммы безопасности: американский вариант // Полис. 1993. № 6.

Изгарская А.А. Факторы умиротворения человечества в современной либеральной парадигме «демократического мира»: критический анализ // Вестник НГУ. Сер. Философия. 2008. № 1. С. 54—58.

Кант И. К вечному миру // Соч. : в 8 т. М., 1994. Т. 7.

Кулагин В.М. Мир в XXI веке: многополюсный баланс сил или глобальный Pax democratica (Гипотеза «демократического мира» в контексте альтернатив мирового развития) // Полис. 2000. № 1. С. 23—38.

Ланцов С.А., Усмонов Ф.И. Проблемы безопасности в теории международных отношений: сравнительный анализ основных направлений // Политэкс. 2008. Т. 4, № 2. С. 151—164. URL: <http://www.politex.info/content/view/437/30/> (дата обращения: 16.02.2013).

Моргентау Г. Международная политика // Антология мировой политической мысли : в 5 т. М., 1997. Т. 2. С. 500—506.

Саликов А.Н. Интерпретация идей трактата «К вечному миру» И. Канта в современной либеральной теории демократического мира // Кантовский сборник. 2012. № 4 (42). С. 57—67.

Тимофеев И.Н. Баланс сил, взаимозависимость и идентичность: конкуренция эмпирических моделей решения дилеммы безопасности // Вестник МГИМО. 2008. № 3. URL: http://www.vestnik.mgimo.ru/file-server/03/vestnik_03-04.pdf (дата обращения: 16.02.2013).

Тимофеев И.Н. Дилемма безопасности: риск вооруженного конфликта между великими державами // Полис. 2009. № 4. С. 8—34. URL: <http://www.mgimo.ru/files/126384/126384.pdf> (дата обращения: 16.02.2013).

Цыганков П.А. Теория международных отношений. М., 2003.

Booth K., Wheeler N. The Security Dilemma: Fear, Cooperation and Trust in World Politics. N. Y., 2008. P. 1—18.

Каранти Л. «Вечный» мир и мир «либеральный»: три пункта непонимания : тез. докл. на Международном исследовательском семинаре «Кантовский проект вечного мира в контексте современной политики» (2012) // Платформа публикаций ISSUU. Аккаунт проекта «Kant-online». URL: http://issuu.com/kant-online/docs/caranti_perpetual_peace_and_liberal_peace (дата обращения: 16.02.2013).

Herz J.H. Idealist Internationalism and the Security Dilemma // World Politics. 1950. Vol. 2, No. 2. P. 171—201.

Herz J.H. Political realism and political idealism. Chicago, 1951.

Jaberg S. Kants Friedensschrift und die Idee kollektiver Sicherheit. Eine Rechtfertigungsgrundlage für den Kosovo-Krieg der NATO? Hamburg, 2002.

Morgenthau H. Scientific Man vs. Power Politics. Chicago, 1946.

Seidelmann R. Kants “Ewiger Friede” und die Neuordnung des Europäischen Sicherheitssystems // Republik und Weltbürgerrecht: Kantische Anregungen zur Theorie politischer Ordnung nach dem Ende des Ost-West-Konflikts / Hrsg. K. Dicke, K.-M. Kodalle. Köln, 1998. S. 133—180.

Об авторе

Алексей Николаевич Саликов — кандидат философских наук, заместитель директора Института Канта Балтийского федерального университета им. И. Канта, e-mail: salikov123@mail.ru

В. А. Чалый, А. Е. Кутейников

Политические идеи И. Канта и современные теоретические концепции международной организации*

Иммануил Кант — один из классиков теории международных отношений. Идеи философа, озвученные в XVIII веке, не утратили своего значения и для современной международно-политической мысли. Небольшой трактат «К вечному миру» содержит программу межгосударственного взаимодействия, казавшуюся смелой и утопичной при жизни Канта, но обретшую новый смысл по прошествии времени. За два столетия, истекшие после смерти великого мыслителя, этот проект при-

© Чалый В. А., Кутейников А. Е., 2013

* Статья подготовлена при поддержке РГНФ, проект № 12-03-00321а.

обрел немало сторонников, а сегодняшняя конфигурация мира и современные политико-правовые тенденции дают основание считать, что подобный вариант мировой организации может быть реализован хотя бы частично. В связи с этим актуальны раскрытие и интерпретация содержания положений кантовской философии, выявление историко-политического контекста его творчества и установление взаимосвязи с современностью.

В данной статье попытаемся реконструировать взгляды Канта на сущность и форму международного объединения государств, проследить их взаимосвязи с другими идеями политической философии Канта, а также современными теоретическими концепциями международных организаций.

Чтобы реконструировать кантовскую теорию международной организации, придется выйти за рамки плана вечного мира и рассмотреть его в контексте всей системы практической философии Канта. В частности, нам понадобятся идеи международного и космополитического права, изложенные в «Метафизике нравов», а также суждения Канта о целях и перспективах общественно-политических отношений, содержащиеся в трактатах «Об изначально злом в человеческой природе», «Идея всеобщей истории во всемирно-гражданском плане» и «О поговорке...»

То, что кантовская теория предусматривает участие во всемирном политическом сотрудничестве международных организаций, у современных исследователей не вызывает сомнений. Действительно, межгосударственное собрание, призванное учредить и поддерживать мир, уже можно считать международной организацией. Но есть ли необходимость в других и есть ли для них место?

Б. Рассет и Дж. Онил полагают, что если перевести программу Канта на язык современной политической теории, то потребность в различного рода международных организациях проступит со всей очевидностью. По их мнению, ядро кантовской программы мира составляют три требования: представительная демократия, международные организации, экономиче-

ская взаимозависимость (Russet, Oneal, 2001, p. 29). Появление международных организаций непосредственно связано с установлением представительной демократии: свойственный демократическим государствам договорной принцип политических отношений распространяется вовне, создавая возможность международного права, в среде которого и возникают международные организации.

Если, таким образом, на вопрос о том, играют ли международные организации роль в процессе установления мира, теорией Канта предусмотрен совершенно недвусмысленный утвердительный ответ, то вопрос о форме этих организаций является более сложным. Прежде всего, необходимо понять, насколько кантовская концепция способна вместить — или оппорить — современные либеральные представления о «глобальном управлении», осуществляемом как государственными, так и негосударственными акторами, среди которых международные организации занимают видное место.

Путь к решению этого вопроса нужно начать с определения соотношения «государственнических» и «космополитических» тенденций кантовской философии: при «государственническом», или этатистском, подходе роль негосударственных акторов в международном процессе установления мира отходит на второй план, в то время как космополитический подход делает ее определяющей. Спор об этом соотношении давно ведется среди исследователей кантовской философии.

Одна из наиболее выраженных этатистских интерпретаций кантовской философии принадлежит Ф. Хинсли (Hinsley, 1967), который утверждает, что космополитические взгляды на государство приписываются Канту ошибочно. То, что Кант называл федерацией, следует считать не более чем договором, заключаемым государствами с единственной целью — установить мир. «В предложении отказаться от государств во имя решения международных проблем не больше логики, чем в предложении ради разрешения общественной напряженности устранить индивидов», — пишет Хинсли (Hinsley, 1961, p. 62).

При таком прочтении Канта государства — «естественные» игроки на международной арене, и проблема мира оказывается в их руках.

Другой полюс интерпретаций политической теории Канта представлен М. Уитом (Wight, 1987) и Х. Буллом (Bull, 1979). Для них взаимодействие государств лишь промежуточный этап в процессе формирования глобального общества, где ведущую роль будут играть индивиды и их свободные ассоциации, к последним мы можем отнести международные организации. Согласно этому подходу государства органически не способны преодолеть глобальные проблемы, это возможно только путем трансгосударственного сотрудничества, которое в итоге сделает институт государства излишним. На смену государству придут международные организации.

Этатистская интерпретация кантовской философии имеет достаточно прочное текстологическое основание в политических трактатах Канта, однако космополитическая интерпретация указывает на более общие категории кантовской философии, не рассматриваемые подробно в политических трактатах, но разработанные в других разделах системы. Центральное положение индивида, личности в системе Канта делает функцию государства сугубо вспомогательной и временной.

Чтобы уравновесить этатистскую и космополитическую тенденции кантовской философии, необходимо учесть место политических идей в его философской системе. Большую часть из них можно рассматривать как рецепт ближайших политических преобразований — таков, прежде всего, трактат «К вечному миру» с его этатизмом. Роль государства на современном Канту этапе политического развития (многие особенности которого сохраняются и сегодня) неизбежна; однако в перспективе развития человечества она вполне может оказаться — должна оказаться согласно кантовской антропологии и этике — преходящей. Функции государства будут постепенно распределены между свободными негосударственными ассоциациями, каковыми являются в соответствии с космополи-

тической трактовкой международные организации — такова стратегическая перспектива, следующая из кантовской политической философии.

Кант создал свой трактат в то время, когда идеи организации по поддержанию мира стали приобретать конкретную практическую направленность. Почти в одно время с Кантом к проблеме международной организации обращается В. Ф. Малиновский, предложивший создать «общий союз Европы» (Малиновский, 1958, с. 76) в качестве средства для устранения войн. Малиновский обосновывал возможность учреждения общего совета из представителей разных народов, действующего по принципу единодушия и наблюдающего за соблюдением законов, которые придут на смену трактатам, служащим выгодам нескольких народов. Законы же «не будут вредить взаимной пользе всех» (Малиновский, 1958, с. 76). Совет должен предупреждать столкновения между государствами, выступая не просто в качестве третейского суда, через него должны проходить все сношения союзных держав между собой. Проект предусматривал применение санкций против нарушителей мира (Малиновский, 1958, с. 15): в случае неисполнения решений общего совета союзники должны лишиться непокорную страну общих выгод и даже могут прибегнуть к воздействию на нее с помощью морских или сухопутных сил.

Спустя 11 лет после смерти Канта русский император Александр I, австрийский император Франц I и прусский король Фридрих Вильгельм III скрепили подписями акт Священного союза. Цели Священного союза заключались в сохранении европейских границ, установленных Венским конгрессом. Выдающийся русский юрист-международник Ф. Ф. Мартенс назвал создание Священного союза свидетельством «о свершившемся перевороте во всемирной истории» (Собрание трактатов и конвенций, 1878, с. 1). Фактически учреждалась организация, в задачу которой входило поддержание международного порядка совместными действиями нескольких госу-

дарств. Впервые проект постоянного международного объединения частично был реализован, что позволяет считать Священный союз первой международной организацией (Кутейников, 2012).

Альянс отличался от того, что предлагал Кант. Он не был «союзом во имя демократии», а наоборот, служил для того, чтобы с помощью коллективных международных действий подавлять антимонархические революции. Не был он и федерацией равных народов, но представлял собой инструмент, поддерживающий доминирующее положение нескольких крупных держав. Международные структуры, приближающиеся формально к кантовским идеалам, создаются лишь в XX веке. Вместе с ними формируются концепции, для которых политико-философские воззрения Канта становятся одним из идейных источников.

Как правило, имя Канта ассоциируется с идеализмом и тем кластером теорий международных организаций, которые выросли из него. В идеализме (его называют также либерализмом) международная организация понимается как основа международной системы. В данной концепции достаточно подробно обосновывается необходимость регулирования международных отношений с помощью международной организации, определяются ее цели и конкретные формы. Идеализм основан на либеральных политических и мировоззренческих идеях, смысл которых сводится к утверждению необходимости ликвидации или смягчения государственного и общественного принуждения по отношению к индивиду, предоставления буржуазной личности возможно более широкого поля для экономической и политической деятельности, а также упразднения государства или, по крайней мере, некоторых его элементов.

Применительно к международным отношениям идеалистические концепции и проекты направлены на расширение возможности международной деятельности иных, нежели го-

сударства, акторов и ограничение возможностей государств действовать на международной арене. Необходимость создания международной организации в идеалистических проектах обосновывается тем, что она могла бы служить механизмом предотвращения войн, разрешать конфликты между государствами и содействовать международному сотрудничеству. Международные организации, лишенные недостатков, присущих государствам, рассматриваются как учреждения, способные в некоторых функциях, включая и внешнеполитическую, частично заменить государства, обеспечив мирное развитие международной жизни и безопасность на глобальном уровне. Фактически речь идет об ограничении суверенитета государств, подавлении их воли к международному взаимодействию.

В русле развития концепций идеалистов лежат разработанные и получившие практическое воплощение в различные годы проекты Лиги Наций, постоянных международных арбитражей, некоторых областей международного права, например гуманитарного, специальных международных трибуналов и Международного уголовного суда. Неолибералы, унаследовавшие основные черты идеалистических воззрений, выдвигают проекты с учетом исторического опыта, показавшего важность участия государств в международных структурах. Нормативный идеализм — одна из современных разновидностей неолиберализма — исходит из того, что международная организация помогает стабилизировать общие идеалы и ценности различных обществ, основанные на разных нормах и соревнующиеся между собой (*The Politics of Global Governance*, p. 22).

Следует сказать, что Кант в отличие от идеалистов XX века не лукавил, предлагая свой проект мирового устройства в соответствии с высокими принципами морали и права. Сходство между кантовским проектом, направленным к достижению благоденствия всех людей, и проектами идеалистов, направленными на достижение превосходства отдельных государств и подавление других, имеет поверхностный характер,

глубоко различаясь по существу. Тем не менее конкретные варианты международной организации совпадают в своих основных и многих второстепенных чертах.

Необходимо добавить, что немецкий философ «вполне реалистично воспринимал те трудности, которые могут возникнуть на пути создания более совершенного и безопасного мира» и предлагал вполне конкретные инструменты для его преобразования (Сергунин, 2012, с. 35).

Сопоставление идей политической философии Канта с некоторыми положениями современных концепций международной организации и практикой развития многосторонних международных структур позволяет сделать следующие выводы.

1. Возникновение и развитие международных организаций и других многосторонних международных структур обусловлено действием всеобщих законов бытия и, в частности, законов сферы политики и международных отношений. Определенно существует и отчетливо проявляется прогностическая функция политико-философских концепций. Философия не абстрактная отвлеченная схема, но в определенных аспектах выступает комплексом знаний, имеющих конкретно-практическую направленность. Кантовская политическая философия лежит в фундаменте современных проектов организации международной системы или отдельных ее сегментов с помощью многосторонних международных механизмов. Богатство кантовской политической мысли обусловило ее широкое распространение и присутствие в теоретико-политических концепциях различных научных школ и направлений.

2. Существуют два на первый взгляд конфликтующих прочтения кантовской философии международной политики. В действительности кантовские идеи отражают диалектику двух тенденций, двух планов развития мировой системы. Первый из них, тактический, можно бы было назвать этатистским, а второй, стратегический, — космополитическим. В философии Канта они тесно связаны, что соответствует объективным

законам социального бытия. В современных философских и политических концепциях находят отражение оба этих плана кантовской мысли. Они лежат в основе двух главных парадигм, на которых, в частности, строится понимание сущности международных организаций и других многосторонних структур.

В рамках первой парадигмы конфигурация власти, которая формируется на международном уровне, понимается, с одной стороны, как результирующая воли государств, своего рода вектор, отражающий равнодействующую силу. С другой стороны, она трактуется как следствие действия стихийных механизмов самоорганизации. В их основе лежат объективные процессы и явления (например, общемировые, глобальные проблемы), которые устанавливают и укрепляют связи между государствами, делают их взаимозависимыми и заставляют неосознанно (или осознанно) придерживаться определенных правил в отношениях друг с другом. Порядок же устанавливается в столкновениях и переплетениях интересов и воле государств. Методом «проб и ошибок» создаются международные объединения, образцы политического поведения, правила, обычаи и нормы. Отдельные государства предпринимают попытки изменить правила в свою пользу, что порождает компенсаторные процессы, сопротивление других акторов. В итоге происходит временное восстановление равновесия и порядка в международной системе.

Во второй парадигме постулируется существование международного социума, превращение человечества в реальную социально-политическую макросистему, опирающуюся на соответствующую материальную и духовную основы, то есть признается наличие процессов, которые протекают на этом уровне. Многие сторонники второй парадигмы выводят из ее характеристик возможность вненациональных политических процессов. Для их обозначения используются различные термины: наднациональные, супранациональные, глобальные, транснациональные процессы.

Анализ положений кантовской философии служит основанием для диалектического понимания этих парадигм и корректного объяснения современных мировых процессов на основе знания всеобщих законов бытия.

Список литературы

Кутейников А. Е. Священный союз — первая в истории стабильная многосторонняя международная структура // Вопросы истории. 2012. № 4. С. 116—123.

Малиновский В. Ф. Рассуждения о мире и войне // Избранные общественно-политические сочинения. М., 1958.

Сергунин А. А. Теория международных отношений Иммануила Канта. Н. Новгород, 2012.

Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами / сост. Ф. Мартенс. СПб., 1878. Т. 4, ч. 1 : 1815—1849.

Bull H. Anarchical society. 2nd ed. N. Y., 1979.

The Politics of Global Governance. International Organizations in an Interdependent World / ed. P. F. Diehl. 3rd ed. Boulder ; L., 2005.

Hinsley F. H. Power and the pursuit of peace. Theory and Practice in the History of Relations Between States. Cambridge, 1967.

Hurrell A. Kant and the Kantian paradigm in international relations // Review of International Studies. 1990. Vol. 16, iss. 3. P. 183—205.

Russett B., Oneal J. Triangulating Peace: Democracy, Interdependence, and International Organizations. N. Y., 2001.

Wight M. An anatomy of international thought // Review of international studies. 1987. Vol. 3, iss. 13. P. 221—227.

Об авторах

Вадим Александрович Чалый — кандидат философских наук, заведующий кафедрой философии Балтийского федерального университета им. И. Канта, e-mail: vadim.chaly@gmail.com

Александр Евгеньевич Кутейников — кандидат политических наук, доцент кафедры социологии политических и социальных процессов Санкт-Петербургского государственного университета, e-mail: alex.kuteynikov.sociology@gmail.com

О ПЕРЕВОДЧИКАХ

Данилкина Наталья Валерьевна — кандидат философских наук, научный сотрудник Социально-гуманитарного парка Балтийского федерального университета им. И. Канта, e-mail: natalia.danilkina@gmail.com

Зильбер Андрей Сергеевич — младший научный сотрудник Института Канта Балтийского федерального университета им. И. Канта, e-mail: a-zilb@yandex.ru

Копцев Иван Демьянович — доктор филологических наук, профессор кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации Балтийского федерального университета им. И. Канта, e-mail: ivan.koptsev42@yandex.ru

Саликов Алексей Николаевич — кандидат философских наук, заместитель директора Института Канта Балтийского федерального университета им. И. Канта, e-mail: salikov123@mail.ru

СОДЕРЖАНИЕ

Исторические и философские основания мирного проекта

<i>Калинников Л. А.</i> Философия истории Канта и идея всемирного федеративного союза народов.....	5
<i>Краузе Й.</i> Кант vs теория демократической войны: от Просвещения до современности.....	9
<i>Орлов А. А.</i> Проблема справедливого мирового порядка в трактате И. Канта «К вечному миру».....	24
<i>Троцак А. И.</i> И. Кант и его трактат «К вечному миру»: исторические предпосылки и философские основания	47
<i>Шчепаньский Я.</i> Вечный мир: философская шутка или серьезный проект?.....	59

Мирный проект в истории философии XIX—XX веков

<i>Дудчик А. Ю.</i> Гегелевская критика проекта вечного мира	63
<i>Загирняк М. Ю.</i> Рецепция идеи вечного мира И. Канта в философско-правовой концепции С. И. Гессена.....	67
<i>Круглов А. Н.</i> Проблема мира на рубеже XIX и XX веков в диалоге трех царей: И. Кант, Николай II и Л. Н. Толстой	74
<i>Румянцева Т. Г.</i> Гегель о правомерности и нравственном значении войн против кантовской идеи «вечного мира»	80

Мирный проект и современная политика

<i>Вагнер Х.</i> Кантовская дилемма — «мировое государство». Как сегодня можно мыслить мировое сообщество?	89
<i>Дашичев В. И.</i> Иммануил Кант и современные проблемы международных отношений.....	103
<i>Дыханов В. Я., Зильбер А. С.</i> «Демократический мир» и кантовское условие невмешательства во внутреннюю политику государства: неразрешимое противоречие?	110

<i>Шульце П.</i> Европейская безопасность без НАТО: структурные элементы общеевропейского мирного порядка с современной точки зрения.....	119
---	-----

Мирный проект и современная философия

<i>Брок Л.</i> Мирный план Канта и современные дебаты о «демократическом мире»	129
--	-----

<i>Каранти Л.</i> «Вечный» мир и «либеральный» мир: три пункта неверной интерпретации	131
---	-----

<i>Кастийо М.</i> Космополитизм Канта в современной культуре идентичности.....	143
--	-----

<i>Познякова О.Л.</i> Идея «всемирно-гражданского состояния» И. Канта как фундаментальная мировоззренческая универсалия современного мира	153
---	-----

<i>Полянский Д.В.</i> Кант и современная философия международных отношений: между идеализмом и реализмом.....	157
---	-----

<i>Саликов А.Н.</i> Мирный проект И. Канта и модели решения дилеммы безопасности в современной теории международных отношений	171
---	-----

<i>Чалый В.А., Кутейников А.Е.</i> Политические идеи И. Канта и современные теоретические концепции международной организации	185
---	-----

О переводчиках	195
-----------------------------	-----

Научное издание

КАНТОВСКИЙ ПРОЕКТ ВЕЧНОГО МИРА
В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОЙ ПОЛИТИКИ

20—22 апреля 2012 г.

Калининград
Материалы международного семинара

Под редакцией **Зильбера** Андрея Сергеевича,
Саликова Алексея Николаевича

Редактор *М. В. Королева*. Корректор *М. В. Бурлетова*
Компьютерная верстка *Г. И. Винокуровой*

Подписано в печать 22.10.2013 г.
Формат 60×90 ¹/₁₆. Усл. печ. л. 12,4
Тираж 500 экз. (1-й завод 100 экз.). Заказ 43

Издательство Балтийского федерального университета им. И. Канта
236041, г. Калининград, ул. А. Невского, 14

